

Федеральное агентство по образованию
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Ценность детей
и межпоколенные отношения

Нижний Новгород
Издательство НИСОЦ
2008

УДК 316.455
ББК 321*С55
Ц 32

Ц32 Ценность детей и межпоколенные отношения. Сборник научных статей / Под ред. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. – 168 с.

ISBN 978-5-93116-098-6

В сборнике представлены материалы международного научного семинара, проведенного в октябре 2008 г. в техническом университете г.Хемница (Германия) по результатам совместного социологического исследования «Ценность детей».

Доклады посвящены сравнительному анализу семейно-брачных отношений, семейных моделей, систем родственных связей, мотивов ценности детей в Германии и России.

Сборник предназначен для широкого круга исследователей проблем современной семьи.

ISBN 978-5-93116-098-6

ББК 321*С55

© Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2008
© НИСОЦ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Блонин В.А. Эволюция брачно-семейных отношений в России и Германии: историко-сравнительный анализ.....	5
Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в незарегистрированных союзах.....	27
Иудин А.А. Соловьева С.В. Соотношение материальных и Духовных мотивов в определении ценности детей.....	41
Клаус Д., Зуков. Я. Репродуктивное поведение и ценность детей до и после политических трансформаций 90-х годов в Восточной Германии и России	53
Курамшиев А.В. Ценность семьи и детей в представлении подростков: гендерный аспект	80
Майер Б., Клюк Т., Троммсдорфф Г. Семейные модели в Германии и России: межпоколенная поддержка родителей взрослыми дочерьми	89
Наук Б., Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Обмен в системе родственных связей в России и Германии	115
Сизова И.Л. Репродуктивные установки молодых семей	150
Судьин С.А. Бабушка: социально-психологический и социально-ролевой портрет	167
Авторская справка.....	179

ЭВОЛЮЦИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В.А.Блонин

Глобальный характер современных социально- демографических проблем, драматические изменения в развитии населения всего земного шара и отдельных его регионов во второй половине XX столетия, существенные различия в оценках современной демографической ситуации, причин, ее породивших, перспектив развития населения – все это обусловило общественную, политическую и научную значимость обращения к анализу этих проблем во всех аспектах.

Одним из важных и познавательных в кругу обозначенных проблем может служить анализ социально-демографического развития Европы – региона, который раньше других вступил в стадию демографического перехода к современному типу воспроизводства населения. Кроме того, именно Европа в последнее десятилетие переживает глубокие и драматические трансформации (прежде всего, в ее центральной и восточной частях) в социально-экономическом, социально-политическом и духовном развитии. Все эти изменения тесно связаны с социально-демографическими процессами в странах бывшего «социалистического содружества».

Общность многих процессов в социально-демографическом развитии и, вместе с тем, очевидная специфика их, проявляющаяся на уровне отдельных регионов и государств, делают весьма привлекательным и научно познавательным сравнительный подход в изучении социально-демографических процессов на европейском континенте.

Очевиден выбор при проведении такого сравнительного анализа России, для которой характерны в наиболее выраженной форме негативные тенденции в развитии современных социально-демографических процессов. Среди западноевропейских стран для сопоставления взяты материалы по Великобритании, Германии и Дании, представляющие при явной общности достаточно яркие типологические варианты современного социально-демографического развития. Особый интерес представляет анализ демографической ситуации и перспектив социально-демографического развития Германии, в которой после объединения двух немецких государств стала очевидностью дихотомия в социально-демографическом развитии Западных и Восточных земель объединенного немецкого государства.

Демографическое развитие и эволюция семейного института в современной России, факторы, их определяющие, нынешнее состояние и демографическое будущее могут быть лучше поняты в контексте общеевропейского развития, а также путем сопоставления социально-демографических процессов в отдельных странах. Анализ общего и особенного – необходимое условие углубленного научного исследования, когда речь идет о таких сложных процессах как социально-демографические.

Сравнительное изучение требует соблюдения определенных правил и тщательного отбора материалов для сопоставления. Сравнению могут подвергаться как однородные количественные демографические показатели по разным странам, так и качественные тенденции социально-демографического развития. Сопоставление может быть сплошным и сквозным (когда сравниваются показатели и характеристики всех стран, взятых для сравнения) либо базироваться

на развернутых демографических характеристиках по одной из стран (например, Россия) с последующим сравнением аналогичных характеристик по всем остальным странам. Если сравнение проводится по определенной выборке стран, то полученные результаты могут сравниваться как со среднеевропейскими показателями, так и в более широком контексте европейских государств, что позволяет лучше понять своеобразие ситуации в отдельных странах, а вместе с тем и универсальные черты, пробивающиеся сквозь региональную специфику.

Понимание состояния, в котором находится современная семья, и перспектив ее развития, характера межпоколенных и всего комплекса семейных отношений невозможно без ясного представления об исторической эволюции семейного института в последнее столетие. Изучение этого процесса, именуемого «вторым демографическим переходом», возможно, как путем выявления общих тенденций в этом процессе, так и определения специфики, характерной для разных стран. Сравнительный анализ при этом служит важнейшим инструментом научного исследования.

Обращение к изменениям в семейных отношениях двух стран – России и Германии обусловлено тем, что характер изменений, происходивших с семейным институтом в этих странах в последнее столетие, исторический, экономический, социальных и культурный контекст этой эволюции имеет как много общего, так и очевидные различия, что делает подобный сравнительный анализ весьма научно познавательным.

Для проведенного сопоставления были привлечены материалы, подготовленные российскими и немецкими специалистами.

Что можно сказать о сходстве России и Германии в условиях и

характере семейной эволюции?

1. *Геополитическое, социокультурное положение.* Россия исторически находится на стыке западной и восточной цивилизаций, испытывая долговременное внешнее воздействие и формируя сложное этнокультурное разнообразие. Германия, располагаясь в центре Европы, также формирует естественное этнокультурное разнообразие под долговременным социальным, культурным, религиозным воздействием (особенно во второй половине 20 века)¹. Кроме того, в этот период вплоть до конца 80-х годов XX в. восточная часть Германии оказалась в орбите политического, социально-экономического, идеологического и культурного влияния СССР. Объединение Германии повлекло за собой сложный процесс интеграции ее восточной части при длительном сохранении специфики, более близкой к процессу трансформации восточноевропейских (постсоциалистических стран)².

2. *Сходные внешние и внутренние условия развития.* 20 столетие стало для обеих стран временем тяжелых испытаний – двух мировых войн (в центре которых оказались именно Россия и Германия), повлекших страшные демографические катастрофы с колоссальными людскими потерями и деформацией половозрастной структуры населения; специфической социальной политики двух тоталитарных режимов (сталинского и фашистского), сочетавших патернализм и игнорирование интересов личности. Показательно, что из западноевропейских стран, по данным на 2005 год, лишь Германия характеризуется отрицательным естественным приростом населения (т.е. пре-

¹ Beck-Gernsheim E. Reinventing the Family. In Search of New Lifestyles. Oxford: Blackwell, 2002.

² Kucera T., Opara O., Schaich E. New Demographic Face of Europe. Berlin, 2000. P.141-142.

вышением смертности над рождаемостью), как и Россия (с той лишь разницей, что здесь этот разрыв куда драматичнее). Вместе с тем и сейчас Россия и Германия – самые населенные страны Европы.

3. *Универсальность основных тенденций в трансформации института семьи*: сначала – переход от крестьянской патриархальной к малой городской (бюргерской) семье, затем вступление в стадию второго демографического перехода, сопровождающегося уменьшением численности браков, их «старением», увеличением числа нерегистрируемых браков, падением рождаемости и ее «старением» (откладывание рождения первенцев на более поздний возраст), преобладанием малодетных семей, увеличением числа внебрачных детей и распространением добровольной бездетности¹.

Характерно, что отмеченное сходство заметным образом повлияло на систему ценностных ориентаций граждан России и Германии, в том числе и в сфере семейных отношений. Не случайно, что по результатам исследования европейских ценностей, проведенного специально созданной группой ученых в 1978, 1990 и 1999 годах, Россия и Германия оказались в одном (втором) кластере из трех (в первый попали большинство западноевропейских стран, а в третий – страны Восточной и Южной Европы)².

Вместе с тем даже наличие сходных условий и проявление похожих тенденций демографического и семейного развития сочетается с очевидной спецификой как исторического, социального, экономического, культурного контекста, в котором происходило это развитие в России и Германии, так и наличием временного лага – вступ-

¹ Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, V.42, N 1/ Population reference Bureau. Washington D.C., 1987.

² Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004. № 5. С. 71.

ление в стадию первого демографического перехода произошло в Германии значительно раньше, чем в России, несколько меньшим оказался хронологический разрыв, связанный с современной трансформацией семьи (если в Германии, как и других странах Запада, она начинается в середине 60-х годов, то в России – с начала 90-х годов XX в.).

Что же характеризует исторический процесс эволюции брака и семьи в России и Германии к современному их состоянию? Как это выглядит на общеевропейском фоне?

Таблица 1.

Основные демографические показатели 2000 г.

Страна	аселение на 1 января 2005 (млн.)	Число родившихся на 1000 чел.	Число умерших на 1000 чел.	Суммарный коэффициент рождаемости	Младенческая смертность на 1000 чел.	Число браков на 1000 чел.	Число разводов на 1000 чел.
Россия (1970)	144,4	9,0	15,0	1,2	16,0	5,4 (10,1)	4,3 (3,0)
Германия (1970)	82,2	9,0	10,0	1,3	4,0	5,1 (7,4)	2,3 (1,3)

Источник: Recent demographic developments in Europe. 2001 / Report of Council of Europe. Strasbourg, 2001.

Начнем со статистики (табл. 1). Как показывает таблица, при существенных различиях в численности населения Россия – пока самая населенная страна Европы, Германия с заметным отрывом от остальных государств занимает по численности населения второе место на материке. Естественный прирост в Германии, как и в России, выражен отрицательным показателем. По показателям рождаемости Германия и Россия заметно отстают от большинства западноевропейских стран. Германия и Россия также близки по уровню брачности. Лишь в одном компоненте – смертности – российское население выделяется очень заметно и в негативном плане: особенно по уровню младенческой смертности (он в три с лишним раза пре-

вышает этот показатель в Германии).

Таблица 2.

Основные демографические показатели 2005 г.

Страна	аселение на 1 января 2005 (млн.)	Число родившихся на 1000 чел.	Число умерших на 1000 чел.	Суммарный коэффициент рождаемости	Младенческая смертность на 1000 чел.	Число браков на 1000 чел.	Число разводов на 1000 чел.
Россия	143,0	11,0	16,0	1,4	12,0	6,8	4,2
Германия	82,5	9,0	10,0	1,3	4,0	4,8	2,4

Источник: Recent demographic developments in Europe. 2005 / Report of Council of Europe. Strasbourg, 2005.

Таким образом, Россия и Германия составляют группу стран, схожих по ряду демографических показателей. Очевидно, что близость некоторых демографических характеристик последних в немалой степени объясняется существенным влиянием на общегерманскую ситуацию населения восточной части государства.

Показатели 2005 г. не внесли заметных изменений (табл.2). В 2005 г. показатель итоговой рождаемости (коэффициент суммарной рождаемости) в России составил 1,4 рождений на одну женщину. Это очень низкий показатель, однако, именно такие низкие показатели характерны сейчас для многих промышленно развитых стран (в Германии он еще ниже – 1,3). У нас широко распространено мнение, что резкое падение рождаемости в России в 1990-х гг. – следствие экономического и социального кризиса переходного периода и что, как только кризис кончится, рождаемость начнет повышаться. Однако мировой опыт не оправдывает таких ожиданий. Многие вполне благополучные европейские страны совсем недавно прошли через тот же десятилетний период резкого падения рождаемости, и оно нигде не сменилось ростом. Россия, в известном смысле, повторяет путь, пройденный многими другими (см. рис.1).

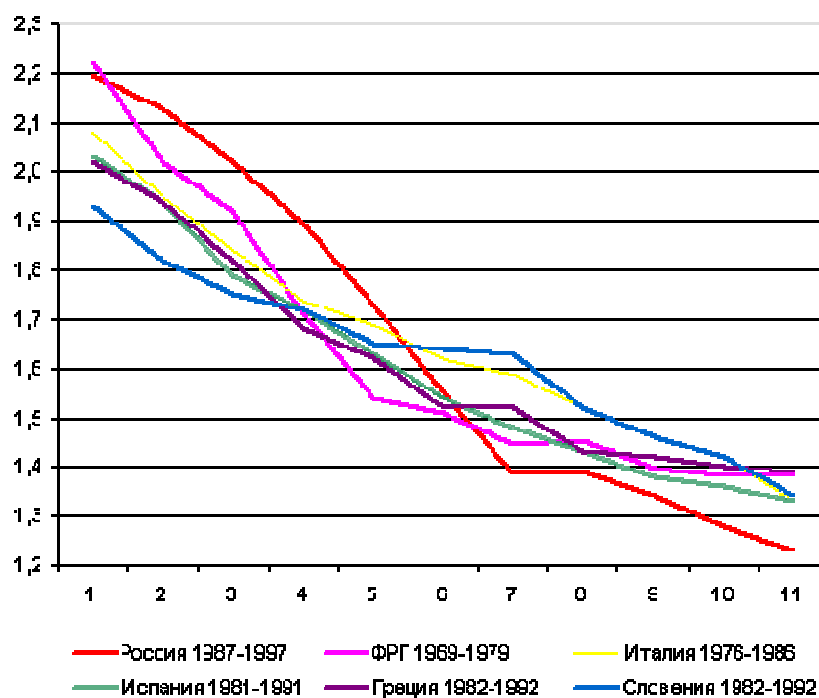

Рисунок 1. Динамика рождаемости в России и в некоторых других странах

Таблица 3.
Средний возраст вступления в первый брак женщин в России и некоторых европейских странах, 1980-1999

Страна	1970	1980	1990	1995	1996	1998	1999
Россия		22,5	21,9	22	22,2		...
Австрия	23,1	23,1	25,1	26,7	26,9	26,7	27
Болгария	21,4	21,2	21,4	22,6	22,9	23,2	23,5
Великобритания	22,4	23	25,2	26,7	...	27	...
Германия	22,5	22,9	25,5	27,3	27,6	26,9	...
Западные земли	23	23,4	25,9	27,5	27,7
Восточные земли	21,9	21,8	23,7	26,4	26,7
Швеция	24	26,4	27,5	28,7	29	29,4	29,8

Источник: Recent Demographic Developments in Europe. Council of Europe. Strasbourg 2000. P. 61. T. 2.3

4. *Сравнение брачного поведения.* Перемены в брачном поведении более молодых поколений находят отражение в изменении многих показателей, характеризующих формирование семьи, в частности, в изменении возрастной модели брака в сторону "постарения". В западных странах первые признаки повышения возраста вступления в брак обнаружались во второй половине 1970-х гг., а в 1980-х этот

процесс охватил практически все европейские и неевропейские развитые страны, за исключением стран Центральной и Восточной Европы. В 1990-х гг. политические и социально-экономические перемены в этих странах быстро отозвались изменениями в брачном поведении. Отказ от "восточной" модели раннего брака происходит очень интенсивно во всех странах с переходной экономикой (см. табл.3).

"Стареет" первый брак и в России. Однако в России эта тенденция выражена пока не очень четко. Возможно, это связано с частичным сохранением традиционных норм брачного поведения в сочетании с низкой культурой планирования семьи. Снижение возраста сексуального дебюта сопровождается высоким риском добрачных зачатий у молодых девушек и с учетом сложившихся в обществе социальных норм в ряде случаев стимулирует ранние браки. Не случайно в России с начала 1960-х гг. происходило непрерывное снижение среднего протогенетического интервала (интервал времени между вступлением в брак и рождением первенца). Однако это не может длиться долго, рано или поздно социальные нормы начинают приспосабливаться к меняющейся реальности.

В России интенсивность брачности у женщин моложе 18 лет повышалась вплоть до 1991 г. и в 1989-1996 гг. превышала значение показателя для возрастной группы 25-34 года. В то же время показатель в возрасте 18-24 лет, в котором формируются основные брачные когорты, держался на одном и том же уровне вплоть до 1990 г., а затем также начал снижаться и к 1996 г. упал на 40%. С 1996 г. интенсивность брачности в основной возрастной группе стабилизировалась на самом низком за последние 20 лет уровне при некотором росте брачности в возрастной группе 25-34 года. В результате с 1994 г.

начался рост среднего возраста вступления в первый брак, и можно было предположить, что возникла новая долговременная тенденция "постарения" брачности. Теоретически этому должна способствовать и растущая популярность консенсуальных союзов, пробных браков, в результате чего срок начала фактического брака все чаще не совпадает с его юридической регистрацией, которая происходит позднее¹ (табл.4).

Таблица 4.

**Средний возраст при вступлении в первый брак мужчин и женщин.
Россия, 1979-1999**

Год	Мужчины	Женщины	Год	Мужчины	Женщины
1979	24,2	22,5	1990	23,9	21,9
1980	24,3	22,5	1991	23,9	21,8
1981	24,4	22,5	1992	23,9	21,7
1982	24,4	22,5	1993	23,8	21,7
1983	24,4	22,4	1994	24	21,8
1984	24,3	22,4	1995	24,2	22
1985	24,3	22,4	1996	24,4	22,2
1986	24,5	22,5	1997	...*	...*
1987	24,6	22,5	1998	...*	...*
1988	24,2	22,2	1999	...*	...*
1989	24,1	22	2000	...*	...*

* Необходимая информация для расчета показателя Госкомстатом России не разрабатывается.

Источники: Расчеты Е. И. Ивановой. См.: Население России 1998.

Шестой ежегодный демографический доклад. ЦДЭЧ ИНП РАН. М., 1999. С. 29.

Таблица 5.

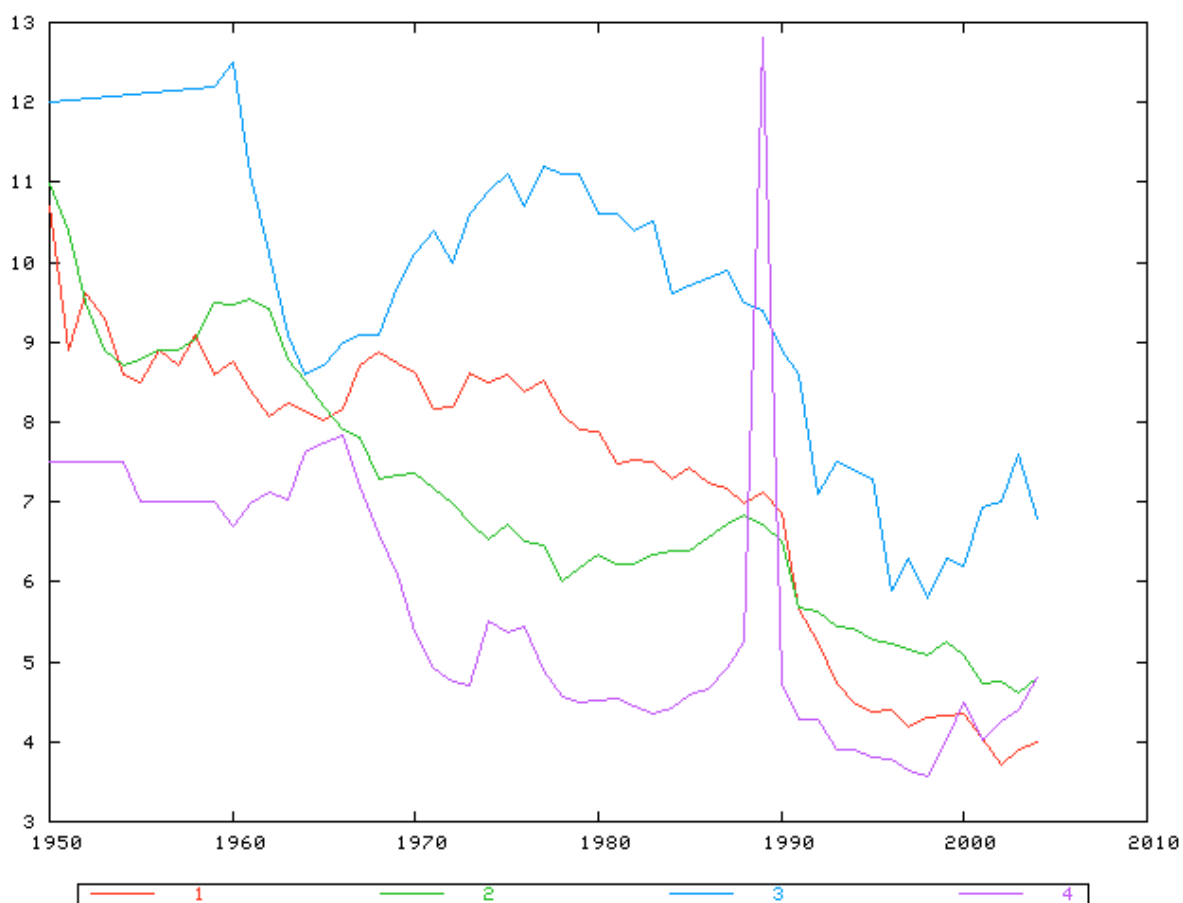
Некоторые характеристика брака на рубеже XIX-XX веков

Страна	Год	Никогда не состояли в браке (в %)		Средний возраст вступления в брак (лет)	
		Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Швеция	1900	19,0	13,0	27,5	29,5
Германия	1900	10,1	8,2	25,5	27,8
Россия	1897	5,0	4,0	21,4	24,2
Болгария	1900	1,0	3,0	20,8	24,2

Сравнение брачного поведения в России и Германии на фоне

¹ Население России 2003-2004. Ежегодный демографический доклад ЦДЭЧ /Под ред. А.Г. Вишневого. – М., 2006.

европейских тенденций показывает, что до 80-х годов возрастные показатели вступления в первый брак для этих стран были весьма близки, и лишь в последние два десятилетия XX века в Германии наметилось более очевидное «старение» брака. Схожесть моделей брачного поведения для двух стран в сравнении с более «западным» (в данном случае в качестве примера взята Швеция) и более «восточным» (например, Болгария) вариантами можно отметить и в ретроспективе, обратившись к показателям брачности на рубеже XIX-XX веков (см. табл.5), а также динамики брачности во второй половине XX века (см. рис.2).

1- Германия, 2 – Россия, 3 – Болгария, 4 - Швеция

**Рис 2. Динамика уровня брачности
(число браков на 1000 чел.), 1950-2004.**

Важным дополнением при проведении сравнительного анализа могут служить результаты исследования европейских ценностей.

Оценка семейной жизни, т.е. субъективная установка по отношению к ее ценностям, является важным индикатором в трансформации современной семьи, которая в немалой степени, по мнению ряда специалистов (например, Д. Ван де Каа), и обусловлена изменениями системы ценностей¹. Семья всегда занимала одно из важнейших мест среди ценностей человеческой жизни. Развитие семьи и изменение ее функций постепенно меняют ценностное отношение к ней людей. Сопоставление материалов исследований (ИЕЦ) 1990 и 1999 годов позволяет рассмотреть тенденции в изменениях оценок состояния семьи².

Таблица 6.

**Оценки важности жизненных ценностей
респондентами 32 стран Европы (в %)**

Ценности	Очень важно	Важно	Не важно, совсем не важно
Работа	58	32	10
Семья	84	13	3
Друзья	40	48	12
Свободное время	32	49	19
Политика	7	27	66
Религия	20	30	50

5. *Семья среди важнейших жизненных ценностей.* В самом общем смысле о важности семьи как ценности в человеческой жизни можно судить по тому месту, которое отводится ей среди других важных для человека вещей, таких как работа, друзья, свободное время, политика и религия. В таблице 6 показано, каким из этих важнейших ценностей отдавали предпочтения респонденты 32 стран в 1999 году. Из приведенных данных видно, что семья в этом списке ценится выше всего. Хотя оценки респондентов в отдельных странах

¹ Van de Kaa D.J. Europe and its Population: the Long View // European Population: Unity in Diversity / Ed. By Van de Kaa etc. Boston, London, 1999. V.6.

² Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004. № 5. С. 66.

различаются: в одной группе стран (Польша, Ирландия, Исландия) оценку "очень важно" семье в жизни человека дают 91-95% респондентов, в другой – лишь 67-72% (Литва, Эстония и Латвия), но везде семья, тем не менее, остается на первом месте. Показательно, что и Россия, и Германия занимают в этом плане средние позиции (76% респондентов в обеих странах).

Таблица 7.

Распределение важнейших жизненных ценностей по кластерам (в % по оценке "очень важно")

Ценности	Кластеры			В среднем по всем опрошенным
	I	II	III	
Работа	58	52	69	58
Семья	80	88	89	84
Друзья, знакомые	33	55	33	40
Свободное время	24	43	34	32
Политика	6	8	8	7
Религия	15	18	46	20

Примечание: кластер I составляют Белоруссия, Болгария, Венгрия, Германия, Испания, Латвия, Литва, Португалия, Россия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Чехия, Эстония; кластер II – Австрия, Бельгия, Голландия, Дания, Ирландия, Исландия, Люксембург, Северная Ирландия, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Швеция; кластер III – Греция, Италия, Мальта, Польша, Румыния.

С помощью кластерного анализа (таблица 7), который дает возможность учесть связь ценностей между собой в их совокупности и выделить определенные группы стран по наибольшей близости этих связей, среди 32 стран Европы определились три таких группы. Первая (кластер II) – развитые западноевропейские страны (Голландия, Бельгия, Дания, Швеция, Исландия, Ирландия, Северная Ирландия, Франция, Великобритания и Австрия). Респондентам этих стран свойственен, если можно так выразиться, гедонистический взгляд на важнейшие жизненные ценности (среди них, по сравнению с другими кластерами, доминируют ценности дружбы и свободного времени). Во второй группе (кластер III) оказались страны, в которых до-

минируют католические (Италия, Мальта, Польша) или иные религиозные традиции (Румыния, Греция), и соответственно, высокая ценность религии; в третью группу (кластер I) попали остальные 15 стран, среди них – постсоциалистические (Литва, Латвия, Эстония, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Болгария, Хорватия, Россия, Белоруссия, Украина), а также – Германия, Португалия, которые несколько отличаются от развитых стран Западной Европы по оценкам респондентов.

Везде ценность семьи занимает первое место, однако в первом кластере она ниже, чем во 2-м и 3-м. В первом кластере, куда входят Россия и Германия, доминируют ценности семьи и работы, во втором – семьи, дружбы, работы и свободного времени, в третьем выделяются ценности семьи, работы и религии. В период 1990-1999 годов распределение взглядов на важнейшие жизненные ценности не претерпело существенных изменений.

6. Отношение к созданию семьи и браку. Данные, полученные в ходе европейского исследования ценностей, позволяют выявить и отношения респондентов к созданию семьи, к вопросам о том, обязательны ли для нормального роста и развития ребенка оба родителя; можно ли оправдывать женщину, желающую воспитывать ребенка без отца, а также отношение к разводу.

Характерной чертой формирования семьи в течение последнего десятилетия был рост числа нерегистрируемых браков, который сопровождается растущим одобрением такого способа совместного проживания. Это подтверждается и данными исследования, в двадцати европейских странах в 1990 году 14% респондентов одобрили мнение, что брак стал пережитком. В 1999 году таких было уже 20%. Эта тенденция в оценке брака наблюдается по-

что во всех этих странах, различны лишь темпы изменения этой оценки. Мнение о том, что брак устарел, более всего поддерживают респонденты Франции и ее соседей – Люксембурга и Бельгии, традиционный же взгляд на брак наибольшую поддержку нашел на Мальте, в Исландии и Польше. Оценки респондентов в Германии и России фактически соответствуют среднему показателю по 32 странам (табл. 8).

Таблица 8.

**Отношение респондентов стран Европы
к суждениям о браке и детях (в %)**

Страны	Доля согласных с мнением, что брак – это пережиток	Доля согласных с мнением, что для роста и развития ребенка необязательно иметь обоих родителей
Франция	35	13
Люксембург	34	16
Бельгия	31	17
Словения	27	12
Великобритания	27	37
Россия	21	5
Литва	21	19
Швеция	20	40
Германия	20	10
Финляндия	19	41
Украина	17	3
Болгария	17	3
Белоруссия	17	6
Латвия	16	7
Эстония	16	4
Чехия	10	13
Польша	9	3
Исландия	8	29
Мальта	7	7
Средняя по всем 32 странам, включенным в исследование	19	16

Следующей важной характеристикой, связанной с формированием семьи, является увеличение числа респондентов, считающих, что для того, чтобы ребенок рос и развивался, нет необходимости в

обоих родителей, а желание иметь детей люди во все меньшей степени связывают с созданием семьи. В целом растет и одобрение респондентами женщин, которые хотят воспитывать ребенка без отца. Здесь также имеется существенный разброс мнений по отдельным странам: от весьма высокого уровня поддержки (Исландия – 81 %, Хорватия – 67%, Испания – 66%) до достаточно низкого (Мальта – 15%, Словакия – 23%). В России мать-одиночку, желающую воспитывать ребенка самостоятельно, одобряли 53% респондентов, т.е. больше, чем средняя по всем странам (44%), тогда как в Германии – 30 %. Тем не менее и в этом случае Россия и Германия по данному показателю ближе к условной средней группе стран.

В изучаемый период изменилось и отношение к разводам. Наряду с ростом отрицательного отношения к необходимости заключения брака для создания семьи выросло и оправдание разводов. Об отношении к разводам нагляднее всего свидетельствуют средние показатели оценок, рассчитанные по шкале – от 1 (никогда бы не одобрили) до 10 (полностью одобряют). Средняя оценок респондентов 32-х стран Европы в 1999 году составляла 5,5 – несколько больше, чем средняя по шкале, т.е. одобрение разводов здесь несколько выше. И в данном случае при разбросе оценок от наиболее одобрительно относящихся к разводам (Швеция – 7,8, Дания – 7,3) до наименее поддерживающих разводы (Мальта – 2,6), Румынии – 4,3) показатели России и Германии оказались ближе к названной средней величине (Россия – 5,2, Германия – 5,7).

По мнению А. Митрикаса, взгляды на создание семьи и брак в период 1990-1999 годов претерпели существенные изменения, свидетельствующие о девальвации традиционной формы совместной жизни – семьи, сформировавшейся на основе брака. Одновременно

все большую поддержку получает мнение о том, что для нормального роста и воспитания ребенка нет необходимости иметь обоих родителей, а также оправдывается намерение и поведение женщины, желающей воспитывать ребенка без отца¹. Вместе с тем, в России и Германии отмеченные тенденции проявляются не столь очевидно, как в большинстве западноевропейских стран.

Таблица 9.

Факторный анализ некоторых взглядов на создание семьи

Утверждения	Факторы	
	I	II
Ребенок может нормально развиваться только в полной семье		0,74
Жизнь женщины полноценна, если у нее есть дети		0,77
Брак отжил свое	0,34	-0,38
Можно оправдать женщину, желающую растить ребенка самостоятельно, без отца	0,66	
Долг родителей сделать все для детей	-0,53	
Можно оправдать аборт, если супруги не желают больше иметь детей	0,77	
Часть общей дисперсии корреляционной матрицы (в %)	24	23

Примечание: В таблице приведены нагрузки факторов, значение которых выше, чем +30.

7. *Формирование семьи и отношение к детям.* На основе исследования европейских ценностей был также проведен многомерный, факторный анализ взглядов на создание семьи. За основу были взяты 6 утверждений: 1) ребенок может нормально расти и развиваться только в полной семье, 2) жизнь женщины полноценна, если она имеет детей, 3) брак отжил свое, 4) можно оправдать женщину, желающую самостоятельно, без отца, воспитывать ребенка, 5) долг родителей сделать все для детей, 6) можно оправдать аборт, если супруги не желают больше иметь детей (табл. 9).

Результаты анализа показывают, что для связей этих переменных – по странам Европы в 1999 году характерны две особенности:

¹ Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004. № 5. С. 70.

первая отражает традиционное мнение о том, что дети должны расти в полной семье, возникшей на основе заключения брака (2-й фактор), и вторая, более современная, которую можно назвать постмодернистской, отражающая в большей мере 2-й демографический переход (поддержка мнения о том, что брак стал пережитком, не осуждение аборт, несогласие с тем, что родители должны жертвовать всем ради детей). Это последнее мнение находится в связи с отношением к браку: респонденты, которые не считают брак пережитком, поддерживают также мнение о том, что родители должны сделать для детей все, – и наоборот (1-й фактор). Таким образом, в Европе выделяются, по сути дела, две группы взглядов на обсуждаемые предпосылки формирования семьи и наличия детей в семье; в разных странах преобладание каждой из групп различно.

Таблица 10.

**Распределение по кластерам некоторых взглядов на создание семьи
(доля согласных с тем или иным суждением, в %)**

Суждения	Кластеры				В среднем по всем опрошенным
	I	II	III	IV	
Ребенок может нормально расти только в полной семье	85	81	69	84	86
Жизнь женщины полноценна, если у нее есть дети	47	34	24	78	56
Брак отжил свое	19	17	21	17	19
Можно оправдать женщину, желающую растить ребенка самостоятельно, без отца	51	26	39	46	43
Долг родителей сделать все для детей	73	81	66	63	68
Можно оправдать аборт, если супруги не желают больше иметь детей	48	16	65	62	54

Примечание: кластер I составляют Австрия, Испания, Португалия, Бельгия, Исландия, Польша, Словакия, Хорватия, Люксембург, Словения; кластер II – Италия, Северная Ирландия, Ирландия, Мальта; кластер III – Соединенное Королевство, Голландия, Швеция, Чехия; кластер IV – Франция, Германия, Дания, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Румыния, Болгария, Греция, Россия, Украина, Белоруссия.

Это видно по результатам кластерного анализа тех же переменных (табл. 10). Здесь выделяются 4 группы стран, в каждой из которых по-разному проявляют себя и оба комплекса обсуждавшихся

выше мнений. Наиболее контрастно они выступают во 2-м и 3-м кластерах, причем в одном из них, а именно во втором, представленном Мальтой, Италией, Ирландией и Северной Ирландией, доминирует глубоко традиционный взгляд на семью и детей, в то время как во втором (это 3-й кластер, в котором соединились Швеция, Голландия, Соединенное Королевство и Чехия) преобладает постмодернистская трактовка обсуждаемых предпосылок семейной жизни. Респонденты Германии и России оказались в 4-м кластере (состоящем из 13 стран), который в основном отражает средний показатель оценок анализируемых мнений, однако выделяется мнение о том, что жизнь женщины полноценна только тогда, когда у нее есть дети.

Заметные изменения различных сторон семейной жизни и их оценок, происходившие в последнее десятилетие и нашедшие отражение в результатах исследования европейских ценностей, показывают, по мнению специалистов, что в Европе все более прочные позиции занимает такое демографическое и семейное поведение, которое многими учеными-демографами и социологами именуется вторым демографическим переходом¹. Это явление свидетельствует о девальвации традиционной формы совместной жизни – семьи, возникшей на основании заключения брака; при этом все большее одобрение получают мнения, что для роста и развития ребенка необязательно наличие обоих родителей, а женщина, если она этого желает, вполне может вырастить ребенка одна.

Вместе с тем, опираясь на оценки семьи в различные периоды, можно утверждать, что она не утратила своего значения. В общем, семья по сравнению с другими ценностями испытала наименьшие цен-

¹ Антонов А.Н., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000; Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004. № 5. С. 65-66.

ностные изменения. Семейная жизнь во всех ее формах остается в сознании большинства людей естественным образом жизни (и, по-видимому, и останется таковым в будущем).

В то же время отдельные стороны семейной жизни оцениваются по-разному, различаются и тенденции изменения этих оценок. Прежде всего, это касается института брака. Результаты исследования ценностей свидетельствуют о существовании двух различных мнений по отношению к браку: одно из них поддерживает традиционную форму брака, согласно другому, регистрируемый брак – отжившее явление. К первому мнению больше склоняются женщины, а также верующие, признающие, что религия играет важную роль в их жизни. И, напротив, к мнению, что регистрируемый брак устарел, больше склоняются молодые, холостые, разведенные и не имеющие детей респонденты. Во временной перспективе второе мнение находит все больше сторонников. Сравнение результатов исследования 1990 и 1999 годов показывает, что ценность детей в жизни снизилась, хотя в общем для большинства людей она остается очень важной.

Результаты исследований ценностей позволяют разделить европейские страны условно на три группы. К первой группе, в которой 2-й демографический переход больше всего преуспел, принадлежат развитые страны Западной и Северной Европы, в первую очередь, скандинавские, Голландия, Великобритания и др. Ко второй группе, которая находится на противоположном ценностном полюсе и где доминирует консервативный взгляд на семью, связанный с глубокими религиозными традициями, можно отнести такие страны, как Мальта, Италия, Польша, Словакия и др. (следует отметить, что сторонники таких взглядов постепенно утрачивают в Европе свои силы-

ные в прошлом позиции). И, наконец, в третью группу можно отнести страны, респонденты которых не отличаются крайними оценками перемен в семейной жизни. Это некоторые государства Средней и Восточной Европы, а также, балканские страны; к этой группе относятся как Россия, так и Германия¹.

По мнению Ж. Гуди, индустриализация и последующие процессы в Европе способствовали сближению траекторий развития семейного института в Европе, что вместе с тем не означает какой-либо унификации семьи². Как отмечает С. МакРэй, современные тенденции развития семьи демонстрируют скорее не ее разрушение, а дальнейшую диверсификацию; поскольку ни в какие времена не было «золотого века» семьи, и мужчины, и женщины, сообразуясь с социально-экономическими реалиями, всегда находили соответствующие им формы семейной жизни при этом важно помнить, что во все времена не все абсолютно менялось и меняется в семейном институте, и не все, что изменяется, может быть расценено со знаком минус³. Сравнительный анализ эволюции брачно-семейных отношений, в том числе и по отдельным странам на общеевропейском фоне (на примере России и Германии), позволяет увидеть как общие тенденции, так и своеобразие процессов протекающих в разных странах.

¹ Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004. № 5. С.72.

² Histoire de la Famille / Dir. A.Burguiere et al. P., 1986. Т.1-2. P. 170-171.

³ McRae S. Introduction: family and household change in Britain // Changing Britain. Families and Households in the 1990s / Ed. by S.McRae. Oxford: Oxford university press, 2001. P.24-26.

Литература

1. Антонов А.Н., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.
2. Демографическая модернизация России: 1900-2000/Под ред. А.Г. Вишневского. Москва, 2006.
3. Население России 2003-2004. Ежегодный демографический доклад ЦДЭЧ / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006.
4. Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004. № 5. С.65-73.
5. Эволюция семьи и семейная политика СССР / Под ред. А.Г.Вишневского. Москва, 1992.
6. Van de Каа D.J. Europe and its Population: the Long View // European Population: Unity in Diversity / Ed. By Van de Каа etc. Boston, London, 1999. V.6.
7. Van de Каа D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, V.42, N 1/ Population reference Bureau. Washington D.C., 1987.
8. Recent demographic developments in Europe. 2003 / Report of Council of Europe. Strasbourg, 2003.
9. Beck-Gernsheim E. Reinventing the Family. In Search of New Lifestyles. Oxford: Blackwell, 2002.
10. Klein T., Nauck B. Families in Germany // Handbook of World Families / Dir. B.N.Adams, J.Trost.
11. Histoire de la Famille / Dir. A.Burguiere et al. P., 1986. T.1-2.
12. Goody J. The European Family. An Historico-Anthropological Essay. Oxford, 2000.
13. Kucera T., Opara O., Schaich E. New Demographic Face of Europe. Berlin, 2000.
14. McRae S. Introduction: family and household change in Britain // Changing Britain. Families and Households in the 1990s / Ed. by S.McRae. Oxford: Oxford university press, 2001. P.24-26.

РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ СОЮЗАХ

Н.Ю.Егорова

Последние десятилетия 20-го столетия ознаменовались значительными изменениями в сфере семейно-брачных отношений. Снижение уровня брачности, рост разводимости, падение рождаемости, увеличение доли внебрачных рождений, многообразие форм семейно-брачного общежития, изменение представлений о содержании семейных ролей – перечень основных процессов, характеризующих современное состояние института семьи. Под влиянием данных изменений происходит формирование новых форм семейно-брачных отношений, которые часто называют альтернативными. Одной из них является сожительство.

Незарегистрированные союзы становятся все более популярной формой отношений в России. По данным микропереписи 1994 года, доля сожительства в общем числе супружеских союзов составляла 7%¹. К 2002 году она увеличилась до 10%². Данные социологических исследований в различных регионах России показывают большую степень распространенности данного феномена. Так, например, результаты исследования «Жизнь семейная», проведенного в Нижегородской области в 2007 году, показывают, что у 22,5% респондентов супружеский союз не был зарегистрирован³.

В то же время увеличение числа незарегистрированных союзов сопровождается ростом числа рожденных в них детей. В большин-

¹ Михеева, А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты / А.Р. Михеева. - Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. – С. 35.

²Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Москва: КРОС, 2003. – С. 5.

³ Опрошено 544 человека старше 20 лет с опытом семейной жизни. Руководитель проекта – д.и.н., проф. З.Х.Саралиева.

стве стран Западной Европы юридическая регистрация отношений часто происходит лишь в случае, когда мужчина и женщина принимают решение о рождении ребенка. Россия, о чем свидетельствует статистика внебрачной рождаемости, пока не относится к числу стран с самой высокой долей детей, рожденных вне брака, но уже обогнала в этом отношении многие европейские страны. По данным последней переписи населения, за 1989 – 2002 гг. доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, удвоилась и составила около 30% от общего числа рождений, из них почти половина зарегистрирована по совместному заявлению родителей¹.

Увеличение доли сожительствующих пар в последние десятилетия как в большинстве европейских стран, так и в России требует к себе более пристального внимания. Несмотря на постоянный рост подобных союзов, в отечественной социологии данный феномен изучен недостаточно хорошо. Как правило, в российских источниках сожительство воспринимается как пробный вариант отношений². В то же время единичные качественные исследования дают основания говорить о наличии детей в рамках подобных союзов³. Следовательно, анализ характеристик сожительства с точки зрения выполнения ими основных семейных функций становится весьма актуальным.

Одним из исследований, в рамках которого можно зафиксировать значимость данной формы семьи, стал международный проект «Ценность детей. Межпоколенные отношения»⁴.

¹Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Москва: КРОС, 2003. – С. 5.

²Богданова, Л.П. Гражданский брак в современной демографической ситуации / Л.П. Богданова, А.С. Щукина // СОЦИС. – 2003. – №7. – С.100-104.

³Михеева, А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие / А.Р. Михеева. - Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. – 74 с.

⁴Науч. руководитель проекта – проф. Б.Наук (Германия). Руководитель российской части исследования – проф.З.Х.Саралиева. В рамках данной статьи анализируются две

Среди женщин, участвующих в опросе, 9,6% матерей с маленькими детьми и 11,3% матерей с детьми-подростками отнесли себя к категории «не замужем, совместно проживаю (незарегистрированный брак)» (табл.1).

Таблица 1

Брачный статус матерей с детьми

Варианты ответа	Мать + Ребенок	Мать + Подросток	В двух подвыборках
Замужем (первый брак)	210 (80,5%)	219 (76,3%)	429 (78,3%)
Второй, третий и т.д. раз замужем	22 (8,4%)	22 (7,7%)	44 (8,0%)
Не замужем, совместно проживаю (незарегистрированный брак)	25 (9,6%)	37 (12,9%)	62 (11,3%)
ВСЕГО	261 (100%)	287 (100%)	548 (100%)

Полученные данные корректируют наше представление о том, что сожительство лишь пробный вариант супружеских отношений. Оно вполне может рассматриваться в рамках второго подхода к анализу сожительств, а именно как альтернатива семье, основанной на браке. Более того, среди попавших в опрос женщин половина жили совместно с партнером более 10 лет, 25% – 5-9 лет и лишь четверть имели непродолжительный стаж супружеских незарегистрированных отношений – менее 4 лет.

Таблица 2

Количество детей в брачных и незарегистрированных союзах, %

Число детей	В двух подвыборках		Мать + Ребенок		Мать+Подросток	
	брак	сожит-во	брак	сожит-во	брак	сожит-во
Один	52	64,5	70,5	76,0	34,2*	56,8*
Двое	44,5	32,3	24,8	24,0	57,5*	37,8*
Трое и более	6,5	3,2	4,8	-	8,2	5,4

* разница статистически значима при $p < 0,05$

Сожительствующие пары, как правило, малодетны (см.табл.2). Большинство мам как первой (Мать + Ребенок), так и второй (Мать +

подвыборки указанного исследования: матери с маленькими детьми (число опрошенных – 261 человек) и матери с детьми-подростками (число опрошенных – 287 человек).

Подросток) групп имеют одного ребенка – 76% и 56,8% соответственно. Четверть мам младшей и треть мам старшей возрастных групп имеют двоих детей. В рамках же брачных отношений подобное распределение характерно только для младшей возрастной группы. В состав большинства брачных семей группы входят двое и более детей – 51%. Разница в количестве детей наиболее ярко проявляется при сравнении матерей старшей возрастной группы. Двоих и более детей в рамках брачных союзов имеют 65,7% матерей, тогда как в сожительствах таких оказывается менее 43%. Таким образом, брак пока является более приемлемой формой для рождения и воспитания детей. С другой стороны, видимо репродуктивные ориентации, а, следовательно, и возможности незарегистрированной семьи, ниже.

Почти все женщины в незарегистрированных союзах воспитывали родного ребенка (за исключением одной, для которой ребенок являлся усыновленным). Что касается кровных отношений между детьми и партнером женщины, то здесь можно выделить, по меньшей мере, два варианта. В большинстве случаев (58% или 36 пар) партнер был биологическим отцом ребенка, в остальных – хотя бы один из детей не был ему родным.

Для анализа родительско-детских отношений в незарегистрированных союзах был выбран блок вопросов, касающийся взаимодействия матерей и детей: положительные и отрицательные мотивы рождения ребенка, ожидания от взрослых детей в будущем, стиль общения с ребенком.

Количество детей в семье, а затем и характер родительско-детских отношений во многом определяется той ценностью, которую ребенок занимает в жизни взрослого человека, в данном случае женщины.

Причины желания иметь детей

перечень причин	средний показатель по мотивам	
	брак	сож-во
<i>Эмоционально-психологическая составляющая</i>	4,3	4,3
получаешь удовольствие, когда наблюдаешь за тем, как ребенок растет	4,5	4,6
это радость иметь маленького ребенка	4,5	4,5
по причине особенной любви, которая развивается между родителем и ребенком	4,4	4,3
в доме весело, когда есть дети	4,0	4,0
<i>Дети как смысл жизни, как основная ценность</i>	3,8	3,8
иметь кого-нибудь, чтобы любить и заботиться о нем.	4,1	4,3
Ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей	4,3	4,2
воспитание детей помогает узнать Вам больше о жизни и о себе	3,8	3,9
дети повышают чувство ответственности и помогают Вам развиваться	3,8	3,7
Вы хотите поделиться с детьми тем, чем Вы владеете	3,8	3,7
Чтобы у Вашего ребенка/детей было с кем общаться	3,6	3,5
любой новый член семьи делает Вашу семью более значимой	3,4*	3,0*
<i>Социально-статусная и экономическая составляющая</i>	2,7	2,6
люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте	3,8	3,6
Ваши дети смогут помочь Вам, когда Вы будете пожилыми	3,6	3,3
дети сближают Вас с мужем	3,4*	3,0*
дети способствуют усилению связей с родственниками	2,8	2,8
родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников	2,5	2,5
дети являются еще одной причиной для Вас/Вашего мужа преуспевать на работе	2,4	2,3
ребенок помогает по дому	2,5	2,4
чтобы иметь еще одного человека, который бы материально помогал семье	2,2*	2,5*
благодаря Вашим детям Вы сможете найти новых друзей	2,2*	2,5*
некоторые из Ваших более старших родственников считают, что Вы должны иметь больше детей	2,0	2,1
<i>Нормативная составляющая</i>	2,8	2,7
чтобы быть уверенным, что достаточно детей доживет до взрослого возраста	3,0	3,0
муж хочет еще детей	2,9**	2,3**
чтобы не прерывалась фамилия, род	2,9	3,1
чтобы иметь девочку/другую девочку	2,5	2,3
согласно Вашей вере долгом является иметь детей	2,4	2,4
чтобы иметь мальчика/другого мальчика.	2,4	2,3

* разница статистически значима при $p < 0.05$ ** разница статистически значима при $p < 0.001$

В незарегистрированных парах дети, прежде всего, воспринимаются как самостоятельная эмоционально-психологическая ценность. Средние показатели по данной группе мотивов самые высокие – 4,3 (табл.3)¹.

Вторая по значимости группа мотивов отражает самоценность ребенка для женщины. Здесь ребенок – смысл жизни, ее продолжение, возможность саморазвития. Наиболее ярко эту группу мотивов представляют следующие высказывания: «Ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей» (средний балл для браков и сожительств – 4,3; 4,2 соответственно); «воспитание детей помогает узнать больше о жизни и о себе» (3,8 – для браков; 3,9 – для незарегистрированных союзов); «Вы хотите поделиться с детьми всем, чем владеете» (3,8 – для браков и 3,7 – для сожительств). Важность этой группы мотивов для женщин, попавших в выборку, во многом подтверждает концепцию С.И.Голода о, пока еще, детоцентричности современной российской семьи².

Менее значимыми оказываются социально-статусные и экономические составляющие ценности детей. В полученной факторной модели они составили отдельную группу мотивов со средними баллами 2,7 и 2,6 для браков и сожительств соответственно. Судя по полученным данным, ребенок не рассматривается в качестве субъекта активной материальной, физической помощи родителям в том числе и в старости. Такие высказывания, как «чтобы ребенок помогал по дому», «...материально помогал семье» набирают в среднем около 2,4 балла. В то же время самый высокий показатель по данной груп-

¹ Выделить представленные группы мотивов позволил факторный анализ методом анализа главных факторов (РАФ). Данная 4-х факторная модель объясняет 81% корреляций между признаками и 37% дисперсии.

² Голод, С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И.Голод. – СПб. ТОО ТК Петрополис, 1998. – 272 с.

пе мотивов фиксируется в ответах на высказывание «люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте» (3,8 и 3,6 для браков и сожительств соответственно), что подчеркивает значимость в современной семье, в первую очередь, эмоциональной, психологической поддержки. Невысокие позиции имеют причины, связанные с социально-статусным аспектом ценности детей. Безусловно, дети скрепляют семью. Они сближают с мужем, способствуют укреплению связи с родственниками. Но, все же данные причины не набирают более 3,0 баллов, за исключением мотива «дети сближают Вас с мужем», причем только для мам брачной группы. Здесь средний показатель равен 3,4. Таким образом, рождение ребенка не рассматривается как возможность изменить свою позицию среди родственников, в профессиональной деятельности, несемейном окружении посредством детей. Высказывания «дети являются еще одной причиной для Вас/Вашего мужа преуспевать», «родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников», «благодаря Вашим детям Вы сможете найти новых друзей» набирают не более 2,5 баллов.

Нормативная составляющая ценности детей обнаруживает еще меньшую поддержку у респондентов. Средний показатель по данной группе мотивов составляет 2,8 и 2,7 для браков и сожительств соответственно.

При сравнении иерархии групп причин желания иметь детей у матерей в браках и сожительствах сложно выделить существенные отличия. Приоритет и в том, и в другом случае отдается эмоционально-психологической составляющей ценности детей. Наименьшую роль играют факторы, связанные с социально-статусным, экономическим и нормативным аспектами. Статистически значимые отличия

проступают, когда речь заходит об анализе отдельных мотивов. Для матерей в незарегистрированных союзах причины рождения реже связываются с желанием укрепить свои позиции в супружеских отношениях или не портить их (причины «когда муж хочет еще детей», «потому что дети сближают Вас с мужем» имеют самую большую разницу в средних показателях – 2,3 против 2,9 в браках и 3,0 против 3,4 соответственно). Мама в сожительстве реже считают важным для рождения ребенка мотив «дети делают семью более значимой» (3,0 против 3,4 в брачной группе). Можно предположить, что характер супружеских отношений в сожительстве несколько отличается от браков и связи между супругами здесь менее тесные.

Таблица 4

Виды поддержки, ожидаемые старшей группы матерей от детей, %

Виды поддержки	Ожидания от сыновей		Ожидания от дочерей	
	брак	сожит-во	брак	сожит-во
чтобы оказывал Вам эмоциональную поддержку	77	86	81	84
чтобы заботился о Вас, когда Вы будете старыми	69	70	76	79
чтобы он помогал Вам в работе по дому	40	40	55	52
помогал Вам воспитывать своих младших братьев и сестер	27	24	35	35
чтобы он материально помогал своим младшим братьям и сестрам	20	12	17	23
чтобы он оказывал Вам финансовую поддержку	18	22	16	16
чтобы он продолжал жить вместе с Вами	10	-	19	5

Значимость эмоциональной составляющей в родительско-детских отношениях фиксируется и в структуре ожиданий относительно вариантов помощи со стороны детей. Матери и в браках, и в сожительстве, в первую очередь, ждут от своих сыновей и дочерей

эмоциональной поддержки, в меньшей степени надеются на финансовую помощь своих детей (табл.4).

Таблица 5

Причины нежелания иметь детей, %

перечень причин	средний показатель по отрицательным мотивам	
	Брак	сож-во
Объективные причины	3,2	3,0
уже есть столько детей, сколько хотелось бы	3,5*	3,1*
нет соответствующих жилищных условий	3,4	3,3
иметь больше детей не позволяет здоровье	3,2	3,2
Ваш муж больше не хочет иметь детей	3,0	2,8
Вы/Ваш муж уже пожилые	2,8	2,8
Ребенок – помеха	2,7	2,5
дети являются финансовой нагрузкой для всей семьи	3,0	2,8
ребенок требует много хлопот	2,8	2,6
детей трудно дисциплинировать и контролировать	2,7	2,7
труднее сохранить работу	2,7	2,7
трудно хорошо заботиться о семье и заниматься домашним хозяйством	2,6	2,4
дети влекут за собой появление новых проблем в браке	2,3	2,1
Страх перед родительство	2,6	2,5
дети доставляют беспокойства, когда они больны	2,6	2,3
по причине большой обеспокоенности за будущее детей	3,3	3,3
Вы не сможете достаточно заботиться и уделять внимания своим детям	3,0	3,0
с детьми ты не настолько свободен, чтобы делать, что хочешь	2,8	2,7
невозможно проводить много времени с мужем, когда есть дети	2,4	2,2
по причине страха беременности и родов	2,4*	2,0*
теряется контакт с друзьями	2,1	2,1
Ориентация на норматив	1,8	1,8
большие семьи не очень хорошо принимаются в обществе	2,0	1,9
дети создают проблемы с соседями и обществом	1,9	1,9
Роль матери не особенно одобряется людьми, с которыми Вы общаетесь	1,6	1,5

*разница статистически значима при $p < 0.05$

В структуре отрицательных мотивов лидирующие позиции занимают объективные причины нежелания иметь больше детей (реализация репродуктивных потребностей, состояние здоровья, возраст,

жилищные условия см. табл.5)¹. Мотивы, связанные с восприятием ребенка как помехи, ограничивающей профессиональную и личностную свободу, оказываются менее значимыми (средний показатель по этой группе 2,7 и 2,5 для браков и сожительства соответственно против 3,2 и 3,0 мотивов первой группы). Тем не менее, нельзя недооценивать важности последних, необходимо просто иметь в виду, что современная российская семья находится в достаточно сложных экономических условиях и это не может не влиять на ее репродуктивные потребности. При сопоставлении брачных и сожительствующих пар серьезных различий в иерархии групп отрицательных мотивов не обнаруживается. Анализ отдельных причин, препятствующих рождению ребенка, заставляет обратить внимание на следующее высказывание: «уже есть столько детей, сколько хотелось бы». Средний показатель по нему выше для брачной группы – 3,5 против 3,1 в незарегистрированных парах. Возможно, более успешно репродуктивные потребности реализуются в рамках брачной семьи. Есть и еще одно высказывание, где фиксируется статистически значимая разница показателя: «...страх перед беременностью и родами». Данный отрицательный мотив оказывается более важным для брачной группы.

Следующий блок вопросов, характеризующий родительско-детские отношения в современной семье, относится к способу влияния матери на ребенка, стилю общения, взаимодействию с ним. Факторный анализ позволил выделить две группы высказываний². Первый фактор отражает степень любви, принятия ребенка, его значи-

¹ Группы отрицательных мотивов выделены на основе факторного анализа методом главных факторов (РАФ). Получена 4-х факторная модель с объясняющей способностью корреляций 89%, дисперсии – 48%.

² Полученная 2-х факторная модель методов анализа главных факторов (РАФ) объясняет 82% корреляций между признаками и 32,4% дисперсии.

мость, важность для женщины. Во второй фактор попали высказывания, которые характеризуют уровень контроля, требовательности, авторитарности во взаимоотношениях с ребенком со стороны матери. В целом, используется и тот и другой вариант общения в процессе воспитания, хотя показатели по первому фактору значимо выше (табл.6). При сравнении браков и сожительств серьезных отличий в формах, методах воспитания не фиксируется. Уровень любви и контроля оказывается больше связанным с возрастом ребенка, нежели с типом семьи. И любовь, и контроль ярче выражены в группе молодых матерей. Маленький ребенок требует, судя по результатам исследования, больше внимания и участия, чем подросток.

Таблица 6

Взаимодействие матерей и детей

Способы взаимодействия с ребенком	Средний показатель по стилю общения с ребенком	
	брак	сож-во
<i>Любовь, принятие</i>	3,7	3,8
пытаюсь сделать так, чтобы мой ребенок чувствовал себя лучше, когда он травмирован/болен	3,9	4,0
даю понять своему ребенку, что люблю его	3,9	3,9
делаю так, что мой ребенок чувствует себя желанным и нужным	3,8	3,9
говорю хорошие слова своему ребенку	3,8	3,8
хваляю своего ребенка, когда он этого заслуживает	3,8	3,9
интересуюсь вещами, которыми мой ребенок занимается	3,7*	3,5*
делаю так, что моему ребенку легко мне доверять	3,6	3,6
веду себя так, что мой ребенок чувствует важность того, что он делает	3,6*	3,8*
обращаюсь со своим ребенком мягко и с добротой	3,5	3,5
<i>Контроль, авторитарность</i>	3,3	3,3
всегда говорю своему ребенку, как он должен себя вести	3,5	3,5
настаиваю на том, чтобы мой ребенок делал то, что ему велено	3,2	3,1
хочу контролировать все, что делает мой ребенок	3,3	3,2

* разница статистически значима при $p < 0.05$

Сегодня очевидно, что под влиянием целого ряда факторов существенно меняются взаимоотношения родителей и детей в рамках современной семьи. Негативные тенденции, связанные с институтом семьи, в частности, падение рождаемости нельзя однобоко рассматривать как результат кризисных проявлений в российском обществе. Доминирование психологической составляющей ценности детей в структуре определяющих мотивов естественно ограничивает рождение детей в семье, как брачной, так и незарегистрированной, экономические мотивы, с которыми связаны высокие показатели рождаемости, уходят на второй план. Тем не менее, доминирующей, идеальной моделью семьи, с точки зрения количества детей, вне зависимости от наличия регистрации отношений остается 2-х детная семья.

В рамках вышеуказанных вопросов форма семьи (наличие или отсутствие регистрации) не является серьезным дифференцирующим признаком. Как мы видели, структура положительных и отрицательных мотивов, структура ожиданий, стилей взаимодействия во многом совпадают. Не обнаруживается серьезных отличий и в социально-экономических характеристиках брачных и незарегистрированных пар. Уровень образования супругов, среднедушевой доход семьи, самоопределение по экономическому признаку значимо не отличаются. Исключение составляет занятость супругов. Если в брачных союзах работающие мужчины составляют 96%, то в сожительствах таких 84%. В незарегистрированных союзах выше женская занятость (97% против 79% в браках). Возможно, внутри выделенных групп различий больше, чем между ними. Но, к сожалению, небольшое число матерей из незарегистрированных семей, попавших в выборку, не дает нам возможности сопоставлять разнообразные варианты брачных отношений и отношений сожительства.

Тем не менее, есть некоторые моменты, на которые хотелось бы обратить внимание. Меньшая значимость в сожительствах социально-статусных мотивов, в частности, ориентация на мужа при принятии решения о рождении ребенка, может говорить об отличных от брачных семей супружеских отношениях, складывающихся в рамках незарегистрированных союзов. Без дополнительных исследований сложно интерпретировать эти результаты. Это может указывать на меньшую традиционность такой семьи, большую свободу, независимость членов семьи в принятии решений, а также свидетельствовать о допустимости факультативности в выполнении функций со стороны партнера, в том числе, социализирующих. Интересным является и тот факт, что матери в незарегистрированных союзах чаще недовольны супружескими отношениями, чем матери в брачных союзах (см.табл.7). В то же время фиксируется высокая удовлетворенность семьей для обеих подгрупп. Видимо, супружество и семья для матерей в незарегистрированных парах – категории не равнозначные.

Таблица 7

**Удовлетворенность семейными отношениями
и жизнью в целом (средний индекс удовлетворенности,**

Удовлетворены ли Вы	брак	сожитительство
Семьей	4,1	4,0
Мужем	3,9**	3,2**
жизнью в целом	3,7	3,6

**разница значима при $p < 0.001$

Полученные в ходе исследования результаты говорят, с одной стороны, о постепенной институционализации отношений сожитительства. Сегодня подобные семьи становятся одним из вариантов семейных отношений, такая семья берет на себя большинство функций, традиционно приписываемых семье. С другой стороны, результаты имеющихся исследований указывают на специфику внутрисе-

мейных, прежде всего, супружеских отношений, требующую дальнейшего изучения и анализа.

СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ДУХОВНЫХ МОТИВОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕННОСТИ ДЕТЕЙ

А.А. Иудин, С.В. Соловьева

Отношение людей к ценностям семьи, брака и детям заметно отличается у мужчин и женщин, однако эти отличия становятся особенно заметными, когда эти мужчины и женщины вступают в брак и у них появляются собственные дети. Так, у женщин после того, как они становятся матерями, особенно заметно возрастают две ценности – крепкая дружная семья и здоровье (табл. 1).¹ При этом значимость таких ценностей, как собственный бизнес, высокое социальное положение и счастливый брак заметно теряют у матерей свое значение. Взгляды и установки отцов меняются не столь разительно, как у матерей, но число ценностей, значение которых возрастает у мужчин, ставших отцами, больше. У отцов (как и у матерей) возрастает значение здоровья, крепкой, дружной семьи, любимой работы. При этом понижается потребность самостоятельного принятия решений, высокого социального положения и счастливого брака.

Таблица 1

**Изменение системы ценностей
у мужчин и женщин с появлением детей, %**

Ценности	Женщина		Мужчина	
	с деть- ми	бездет- ная	с деть- ми	бездет- ный
Крепкая, дружная семья	83	54	69	56
Здоровье	75	46	50	33
Счастливый брак	21	33	24	33

¹ Приводятся данные исследования «Ценность семьи и детей», которое было осуществлено кафедрой прикладной социологии ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского в сентябре 2007 г. Выборка целевая, 338 чел., опрашивались мужчины и женщины, имеющие опыт семейной жизни.

Окончание таблицы 1

Ценности	Женщина		Мужчина	
	с деть-ми	бездет-ная	с деть-ми	бездет-ный
Возможность иметь все, что хочется	30	31	36	38
Любимая работа	30	26	36	23
Свое дело, удачный бизнес	7	26	12	18
Высокое социальное положение	4	18	14	23
Богатая духовная жизнь	10	13	14	8
Возможность самостоятельно принимать решения	7	10	15	26
Личная безопасность	4	10	4	3
Общение с интересными людьми	9	8	2	5
Деньги, богатство	6	5	13	10

Таким образом и материнство, и отцовство меняют людей в направлении повышения ответственности за целостность и успешность семьи. И женщины, и мужчины меньше внимания уделяют вопросам счастья в браке, но больше внимания готовы уделять прочным, дружественным отношениям в семье: с появлением детей семья становится больше и ценность удачного брака вытесняется ценностями внутрисемейных отношений. Отцы немного реже говорят о своем желании общения с интересными людьми – им становятся более интересными внутрисемейные отношения. И отцы, и особенно матери менее активно поддерживают тезисы о необходимости построения карьеры и возможности достижения более высокого социального положения (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, препятствующие рождению детей в семье, %

Ценности	Женщина		Мужчина	
	с детьми	бездетная	с детьми	бездетный
Уже поздно заводить ребенка	38	5	35	0
Нестабильная экономическая ситуация в стране	20	3	24	10

Ценности	Женщина		Мужчина	
	с детьми	бездетная	с детьми	бездетный
Отсутствие реальной государственной поддержки	20	5	22	10
Отсутствие достаточной жилплощади, теснота проживания	33	21	37	26
Низкие доходы семьи	37	26	25	23
Состояние здоровья одного из членов семьи	19	8	15	5
Низкие пособия по беременности и родам	8	0	11	10
Неуверенность в силах медицины, способности врачей помочь при родах	7	5	2	5
Сложности трудоустройства матери	4	5	8	5
Нежелание супруга (супруги)	6	8	23	18
Страх, что после родов испортится здоровье	1	5	3	3
Хочется пожить для себя	12	33	9	28
Отсутствие собственного жилья	12	33	11	28
Желание сделать карьеру	7	44	13	36
Слишком рано заводить ребенка	2	46	1	33

Для людей, уже имеющих детей, наиболее важные факторы, препятствующие рождению еще одного ребенка, помимо возраста, связаны с материальными трудностями. Это и нестабильная экономическая ситуация в стране, и отсутствие реальной государственной поддержки, и отсутствие достаточной жилплощади, теснота проживания, и низкие пособия по беременности и родам, и низкие доходы семьи. Причины, сдерживающие желание бездетных обзаводиться детьми, связаны в большей мере с эгоистическими мотивами и, в том числе, им хочется пожить для себя, они хотят сначала сделать карьеру, поэтому им слишком рано заводить ребенка. Бездетные мужчины и женщины упоминают в качестве фактора, сдерживающего рождение детей, и отсутствие у них собственного жилья, что носит скорее желание комфортабельного обустройства своей жизни.

Взгляды людей на жизнь меняются не только в связи с рождением у них детей. Сам факт заключения брачного союза меняет взгляды на любовь, семью и детей. Так, для замужней женщины значительно возрастает такой мотив заключения брака, как любовь к будущему супругу, и уменьшается важность совпадения общности интересов. Для женатого мужчины в числе причин для создания семьи резко возрастают такие мотивы, как желание создать свой дом и желание вырастить детей (табл. 3).

Таблица 3

Основные причины для заключения брака и создания семьи, %

Причины	Женщина		Мужчина	
	замужем	незамужняя	женатый	холостой
Любовь к будущему супругу (супруге)	80	70	81	77
Личная привязанность, дружба	29	32	22	32
Общность интересов	14	25	28	32
Желание вырастить детей	35	27	40	29
Желание создать свой дом	47	38	38	23
Каждый человек должен иметь свою семью	31	27	27	23
Желание улучшить свое материальное положение	1	9	1	6

Холостые мужчины¹ в качестве основного мотива создания семьи чаще женатых указывают личную привязанность и дружбу, а незамужние женщины – общность интересов. Для некоторого числа

¹ В исследовании не опрашивались люди, не имеющие опыта семейной жизни. В данном случае под холостыми мужчинами и незамужними женщинами понимаются люди, не состоящие в зарегистрированном браке – это или сожители, или вдовы, или разведенные мужчины и женщины.

мужчин и женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, довольно существенным мотивом создания семьи является желание улучшить свое материальное положение. Для людей, состоящих в браке, этот мотив практически полностью отсутствует: они понимают, что реальная семейная жизнь дороже жизни в одиночку.

Таблица 4

Мнение мужчин и женщин о браке и семье, %

Причины	Женщина		Мужчина	
	замужем	незамужняя	женатый	холостой
Каждый член семьи должен иметь и исполнять свои обязанности	87	90	84	65
Семья дает человеку чувство психологической защиты и стабильности	84	83	69	85
Предназначение семьи – рождение и воспитание детей	66	78	66	40
Какие бы трудности ни возникли, главное сберечь семью	63	65	69	70
Нет смысла жить с нелюбимым человеком, лучше развестись	55	75	46	80
Сложно найти достойного мужчину для создания семьи и рождения ребенка	54	68	26	15
Церковный брак накладывает особую ответственность в создании семьи и рождении ребенка	53	50	42	35
Главная причина распада семей – деградация и пьянство мужчин	52	73	36	15
Семейный человек более успешен в жизни, чем несемейный	49	38	39	30
Зарегистрированный брак – гарантия материальной защищенности женщины и ребенка	41	25	42	25
Незарегистрированный брак освобождает мужчину от обязанностей и ответственности	38	20	18	5
Гражданский брак – удобная форма проверки отношений	25	48	27	70

Семейные ценности и установки по поводу семьи и брака у мужчин и женщин имеют отличия, однако у семейных пар больше сход-

ства, чем у мужчин и женщин, не зарегистрировавших своих семейных отношений. Отличия оценок наблюдаются только по поводу семейных и гендерных ролей мужчин. Так, женщины заметно более активно склонны настаивать на том, что сегодня сложно найти достойного мужчину для создания семьи и рождения ребенка, что незарегистрированный брак освобождает мужчину от обязанностей и ответственности и что главная причина распада семей – деградация и пьянство мужчин. Однако и по поводу этих тезисов женатые мужчины склонны соглашаться заметно чаще холостых (табл. 4).

Единственный тезис, с которым согласились все, кроме женатых мужчин, – семья дает человеку чувство психологической защиты и стабильности. Женатые мужчины обретают в семье кроме мира и покоя еще и чувство ответственности, к которому многие современные мужчины не привыкли и это несколько угнетает их. Остальные тезисы показывают отличия установок людей, состоящих в браке и живущих вне его. Так, по поводу тезиса «Зарегистрированный брак – гарантия материальной защищенности женщины и ребенка» наблюдается преимущественное согласие с ним мужчин и женщин, состоящих в браке, и скорее несогласие людей, живущих вне брака. При этом можно заметить, что семейная жизнь особенно радикально изменяет социальные установки мужчин. Так, с тезисом «Каждый член семьи должен иметь и исполнять свои обязанности» согласны 87% замужних и 90% незамужних женщин – примерно одинаковое число. Число же мужчин, живущих в зарегистрированном браке и соглашающихся с этим тезисом, значительно возрастает (с 65% до 84% – на 19%).

Аналогичная ситуация наблюдается и по поводу тезисов о роли детей в семье и о воспитании детей (табл. 5). Правда, есть тезисы, с которыми

все в той или иной мере согласны. Эти тезисы нередко банальны («Главное в жизни человека – это вырастить ребенка»), носят характер расхожих истин («Один ребенок в семье чаще вырастает эгоистом»). К числу этих истин следует отнести и то, что детей надо воспитывать в строгости, что слово старших – закон для младших. Многие соглашаются с тем, что религиозное воспитание помогает сохранить семью, и с тем, что главное в жизни – дать детям хорошее образование. Однако брак меняет установки и женщин, и, особенно, мужчин. Люди, состоящие в браке, реже соглашаются с тем, что ребенку лучше не иметь одного из родителей, чем жить рядом с пьяницей, что главное в жизни человека – это вырастить ребенка, что женщина в состоянии одна вырастить и воспитать ребенка. При этом мнение о том, что жить рядом с пьяницей невозможно, женщины в браке высказывают на 24% реже женщин, живущих вне зарегистрированных отношений. А женатые мужчины на 22% реже холостых согласны с тем, что женщина в состоянии одна вырастить и воспитать ребенка. Мужчины в браке становятся заметно более детоцентричными и значительно чаще холостых (и бездетных) мужчин соглашаются с тем, что главное в жизни человека – это вырастить ребенка и дать ему хорошее образование.

Таблица 5

Мнения мужчин и женщин о воспитании детей, %

Причины	Женщина		Мужчина	
	замужем	незамужняя	женатый	холостой
В воспитании детей должны активно участвовать бабушки и дедушки	42	38	41	40
Лучше одного ребенка вырастить как следует, чем нескольких кое-как	68	65	58	70
Главное в жизни – дать детям хорошее образование	63	63	61	40
Один ребенок в семье чаще вырастает эгоистом	34	35	38	35
Детям, растущим в неполных семьях, труднее, чем их сверстникам из полных семей	65	68	62	60

Причины	Женщина		Мужчина	
	замужем	незамужняя	женатый	холостой
Ребенок с детства должен усваивать морально-нравственные устои	91	95	88	80
Религиозное воспитание помогает сохранить семью	28	33	31	15
Детей надо воспитывать в строгости	32	40	32	50
Женщина в состоянии одна вырастить и воспитать ребенка	49	58	28	50
Главное в жизни человека – это вырастить ребенка	63	73	62	45
Слово старших – закон для младших	48	58	46	65
Лучше ребенку не иметь одного из родителей, чем жить рядом с пьяницей	66	90	53	70

Детоцентричность женатого мужчины проявляется и при ответах на вопрос о том, что такое ребенок в семье. Женатый мужчина значительно чаще холостого говорит о том, что ребенок – это необходимое условие полноценной семьи. Ребенок для женатого мужчины – это счастье отцовства, это радость, продолжение рода, друг (табл. б). Значительно реже у женатого мужчины ребенок ассоциируется с материальными трудностями, дискомфортом, неудобствами, помехой. Незамужняя женщина соглашается с этим, но, по сравнению с незамужней, делает это не столь активно: установки женщин по поводу детей в замужестве меняются мало. Женщины с детства играют в семью, в маму, в дочки-матери, и они заметно более мужчин подготовлены к семейным отношениям, поэтому их оценки роли ребенка в семье спокойнее. Они, в частности, чаще незамужних отмечают, что ребенок – это прежде всего социальная обязанность.

Таблица 6

Мнения мужчин и женщин о роли и месте ребенка в семье, %

Роль ребенка в семье	Женщина		Мужчина	
	замужем	незамужняя	женатый	холостой
Радость, счастье	98	95	95	90
Счастье отцовства (материнства)	96	98	93	85
Продолжение рода	96	90	99	95
Друг	88	80	76	70
Помощник	88	88	88	85
Дополнительные обязанности	87	83	89	90
Необходимое условие полноценной семьи	85	78	91	70
Социальная обязанность	57	48	65	70
Обеспечение будущего	47	60	58	55
Материальные трудности	41	50	32	55
Дискомфорт, неудобства	1	3	3	15
Помеха	0	0	3	10

Изменение установок в браке зримо просматривается в отношении различных групп людей к новым формам брачных отношений, в частности, к сожительству, которое нередко сегодня называют гражданским браком. Среди противников сожительства мы чаще встречаем женщин, особенно замужних, живущих в законном, зарегистрированном браке (рис. 1). Именно эти женщины четко определились со своим отношением к этой форме брака: 95% из них дали свою оценку. В остальных группах респондентов доля неопределившихся по отношению к сожительству достигает 60–73%. Следует отметить, что мужчины более терпимо относятся к сожительству: противники этой формы семейных отношений есть только среди женатых мужчин. Среди холостых мужчин (по характеристике выборки они чаще всего живут именно в сожительстве) противников этой формы семейных отношений нет совсем.

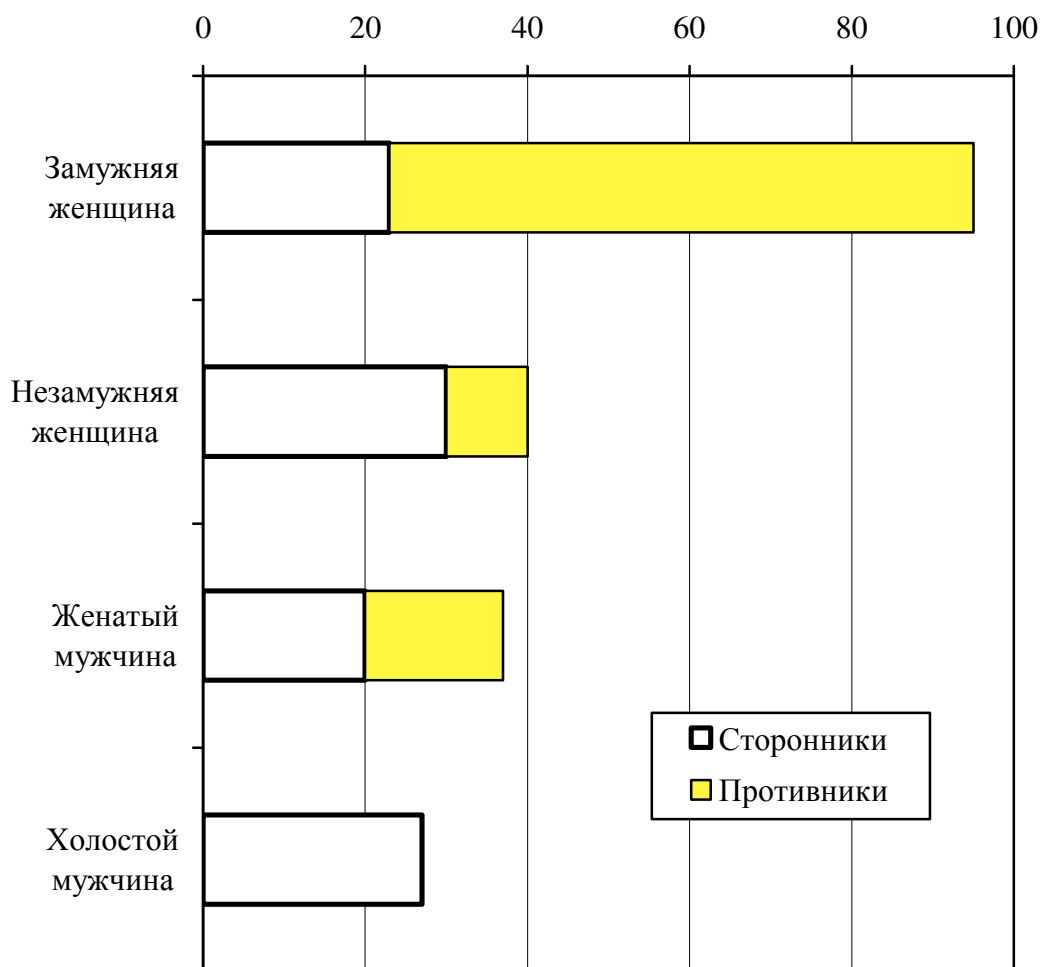

Рис. 1. Соотношение сторонников и противников сожительства

Эти группы представляют интерес с точки зрения основных ценностей, которым они отдают предпочтение. В совокупности условий достижения успеха можно выделить три группы условий – те, которые преимущественно называют сторонники сожительства; те, что называют его противники и те, которым предпочтение отдают и те, и другие.

В числе условий успеха, которым предпочтение отдают и те, и другие, оказались в общем нейтральные ценности – физическая сила и хорошие внешние данные, профессионализм и удача, взаимопомощь и уважение окружающих. Отметим все же, что эти ценности чаще называют противники сожительства (табл. 7). Сторонники сожительства немного чаще называют такие условия достижения успе-

ха, как умственные, творческие и организаторские способности, уверенность в себе, а также преданность своей фирме, предприятию. Отметим, что даже в списке нейтральных ценностей сторонники сожительства предпочитают называть индивидуальные характеристики, а противники – коллективистские.

Таблица 7

**Мнение сторонников и противников сожительства
об условиях достижения успеха, %**

Условия	Сторонники	Противники
Доброта	50	76
Рождение ребенка	41	66
Порядочность, честность	70	93
Вера, религия	18	38
Высокие моральные качества	62	79
Хорошее образование	82	97
Взаимопомощь	88	97
Физическая сила	47	55
Хорошие внешние данные	70	76
Профессионализм	95	100
Удача, везение	85	90
Активная жизненная позиция	86	90
Уважение окружающих	88	90
Умственные способности	97	93
Возможность проявить свои творческие способности	82	76
Организаторские способности	92	86
Уверенность в себе	97	90
Преданность своей фирме, предприятию	64	55
Полезные связи, протекция	85	72
Смелость, решительность	86	69
Предприимчивость, деловитость	89	69
Способность использовать других людей в своих интересах	70	34

Эта особенность наиболее ярко проявилась в оставшихся двух группах условий. Так, противники сожительства значительно чаще называют такие условия достижения успеха, как доброта, рождение

ребенка, порядочность, честность, вера, религия, высокие моральные качества, хорошее образование и взаимопомощь. Сторонники сожительства значительно чаще сторонников называют такие условия, как полезные связи, протекция, смелость, решительность, предприимчивость, деловитость, способность использовать других людей в своих интересах.

Эти данные хорошо дополняются мнением представителей этих двух групп о том, что такое ребенок в семье. Противники сожительства считают, что ребенок – это необходимое условие полноценной семьи, счастье отцовства или материнства, социальная обязанность, радость, счастье. Сторонники сожительства чаще сторонников склонны считать, что ребенок – это помеха и материальные трудности – с одной стороны, но и обеспечение своего будущего – с другой.

Все это показывает, что ценность детей четко встраивается в систему жизненных социальных установок людей и характеризует их как ориентирующихся или на социальные, коллективистские, духовные ценности, или на ценности преимущественно материальные, индивидуалистические, нередко эгоистические.

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЦЕННОСТЬ ДЕТЕЙ ДО И ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 90-Х ГОДОВ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Клаус Д., Зуков Я.

Введение

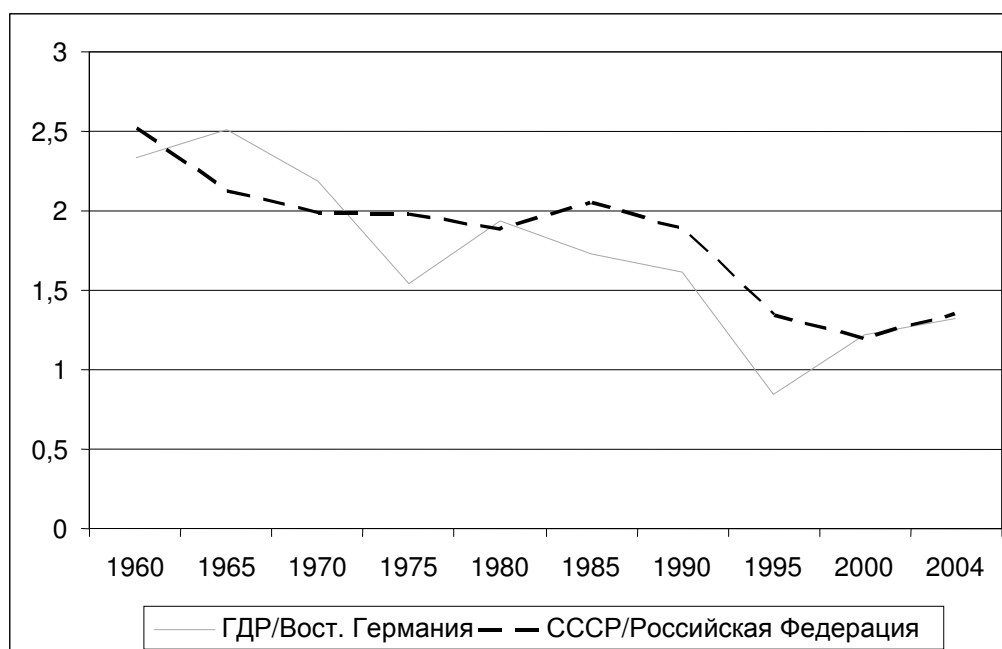
Прошедшие годы показали, что падение бывших социалистических государств Восточной Европы спровоцировало значительное снижение рождаемости в этих странах. (UNECE 1999, 2000; Kohler & Kohler 2002). Анализируя среднее количество детей на одну женщину в различные периоды, динамику возраста рождения первого ребенка, равно как и специфические повозрастные показатели, можно отметить, что изменение репродуктивного поведения в бывшей ГДР отличается от ситуации в других социалистических странах (Masura et al. 2000: 191; UNECE 1999). Это можно увидеть при непосредственном сравнении с бывшим СССР. В первой части данной работы мы должны проанализировать эти различия путем непосредственного сравнения соответствующих данных. Вторая часть будет посвящена анализу причин, обуславливающих падение рождаемости в обеих странах. Для этого мы воспользуемся данными исследования «Ценность детей» (Trommsdorff & Nauck 2005) и проверим, сможет ли концепция ценности детей помочь в объяснении исследуемых феноменов, и если да, то насколько.

Различия в динамике рождаемости в Восточной Германии России

Проведение исторических параллелей с Восточной Германией является несложной задачей, поскольку ее территория совпадает с territori-

ей бывшей ГДР. Аналогичная задача в отношении России выглядит несколько сложнее, поскольку она занимает лишь часть территории бывшего СССР. По крайней мере, мы смогли найти данные по приведенному ниже суммарному коэффициенту рождаемости до политических изменений для территории, которая в значительной мере соответствует нынешней России.¹ На рисунке 1 показан график динамики суммарного коэффициента рождаемости, дающий нам надежную эмпирическую основу для выводов относительно реакции на общественные трансформации.

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости (TFR)

Источник: Совет Европы (1995, 1997, 2002), Захаров (1999), GGP контекстуальная база данных, Ростокский центр демографических изменений (2007)

В 90-х годах XX века обе страны столкнулись с проблемой резкого падения рождаемости. Данные показывают, что депопуляционные процессы имели место и раньше, но значительно смягчались и сдерживались мерами демографической и семейной политики.

¹ Уравнивание данных современной Российской Федерации с данными бывшего СССР было бы ошибочным в силу различий между отдельными республиками. Это становится ясным, например, при сравнении суммарного коэффициента рождаемости в различных республиках, который заметно менялся во второй половине XX века. (Zakharov 1999: 312).

Например, после падения рождаемости в России к началу 60-х годов ниже уровня ГДР, благодаря мерам семейной политики в 80-е годы TFR вырос с 1,9 (1980) до 2,2 (1987). Затем к 1999 году он опустился до 1,2. После этого TFR стабилизировался и даже имел тенденцию к повышению, в результате чего суммарный коэффициент рождаемости в 2004 году составил 1,3. С.В. Захаров (1999: 295) отмечает, что социальная политика 80-х годов изменила схему демографических событий на уровне когорт. Детей стали рожать в более раннем возрасте, а интервалы между рожденьями сократились. Если принять во внимание, что большая часть пиков рождаемости в 80-е годы пришлась на роды в молодом возрасте, то снижение TFR в 90-е годы носило отчасти неизбежный характер. С ним согласен А.Г. Вишневский (1998/1999: 41). По его мнению, «падение рождаемости в 90-х годах было ожидаемым вследствие эффекта времени, который стал заметным в 80-е. На фоне общеевропейских тенденций подъем рождаемости в России и в остальных советских республиках в тот период выглядит артефактом. Возраст, в котором женщины рожают «запланированного» ребенка, смещается, но не ведет к увеличению среднего числа детей на каждую женщину в различных когортах». Соответственно, реакция рождаемости на общественные изменения 90-х годов является более слабой, чем на первый взгляд это позволяет предположить падение TFR.

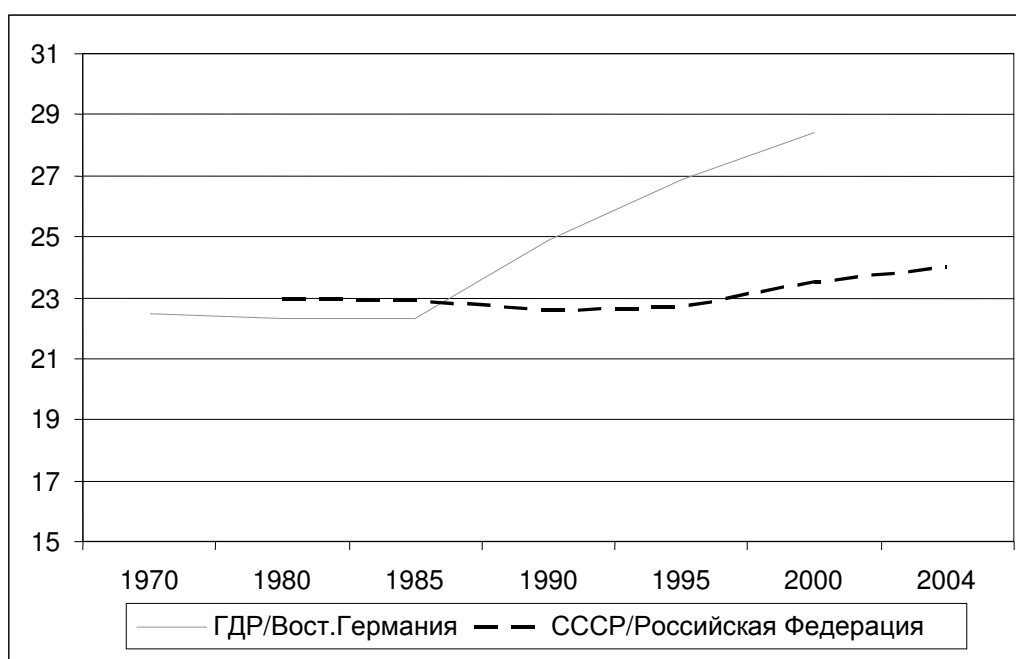
Сравнение с Восточной Германией позволяет увидеть схожий сценарий исторического развития с той лишь разницей, что анализируемые процессы произошли раньше и были выражены четче, чем в России. Долговременный спад рождаемости начался в ГДР уже в середине 60-х годов XX века. Он обострился еще больше в 70-е годы вследствие массового распространения и популяризации оральных

контрацептивов. В 1990 году случился беспрецедентный обвал рождаемости, который привел к минимальному уровню TFR – 0,8 в 1994 году. Нужно отметить, что с тех пор Восточная Германия значительно улучшила свои позиции: в 2004 году TFR составил 1,3. Однако все эти цифры нуждаются в очень осторожной интерпретации. Мы не можем делать выводы о репродуктивном поведении посттрансформационного поколения, основываясь лишь на данных падения рождаемости. Обвал значения TFR в Восточной Германии не обязательно означает, что более молодые когорты рожают меньше детей, чем их предшественники. Скорее, этот показатель отражает, прежде всего, общую отсрочку рождения детей. Частично эта отсрочка уже наверстана, на что указывает подросший в последнее время TFR. Конечно же, эту отсрочку нельзя интерпретировать только как кратковременную реакцию на политические изменения начала 90-х годов. В значительной мере это является выражением новой модели семьи. На рисунке 2 показана динамика среднего возраста рождения женщиной первого ребенка. По мере политических трансформаций в Восточной Германии произошло резкое увеличение этого возраста, что сохраняется до сих пор. Если в 80-е годы женщины рожали первого ребенка в среднем в 23 года, то в 2000 году этот показатель находился на уровне 28 лет (Engstler & Menning 2003: 77). Далее, мы вновь убедимся, что поведение россиян в условиях политических трансформаций отличается от поведения восточных немцев. Одинаково низкий до 1990 года в обеих странах по сравнению с Западной Европой возраст рождения женщиной первого ребенка в России сохраняется до сих пор.

Далее следует предположить, что в Восточной Германии несколько возросла доля женщин, которые долгое время остаются без-

детными. Очень показательной является возрастная когорта, которая к моменту политических изменений должна была бы достигнуть фертильного возраста и активно включиться в репродуктивное поведение (1965-1966 г.р.). 14% из них в возрасте 38-39 лет все еще остаются бездетными. Аналогичный показатель для когорты 1957/58 г.р. составлял только 8% (Kreyenfeld & Konietzka 2007: 26). Также становится ясно, что определенная доля женщин, не реализовавшая в процессе политических трансформаций свой репродуктивный потенциал, не смогла сделать этого и позднее. Обе тенденции указывают на то, что в Восточной Германии возраст рождения женщинами первого ребенка изменился вследствие того, что создание семьи происходит значительно позднее или не происходит вообще.

Рисунок 2. Средний возраст рождения первого ребенка

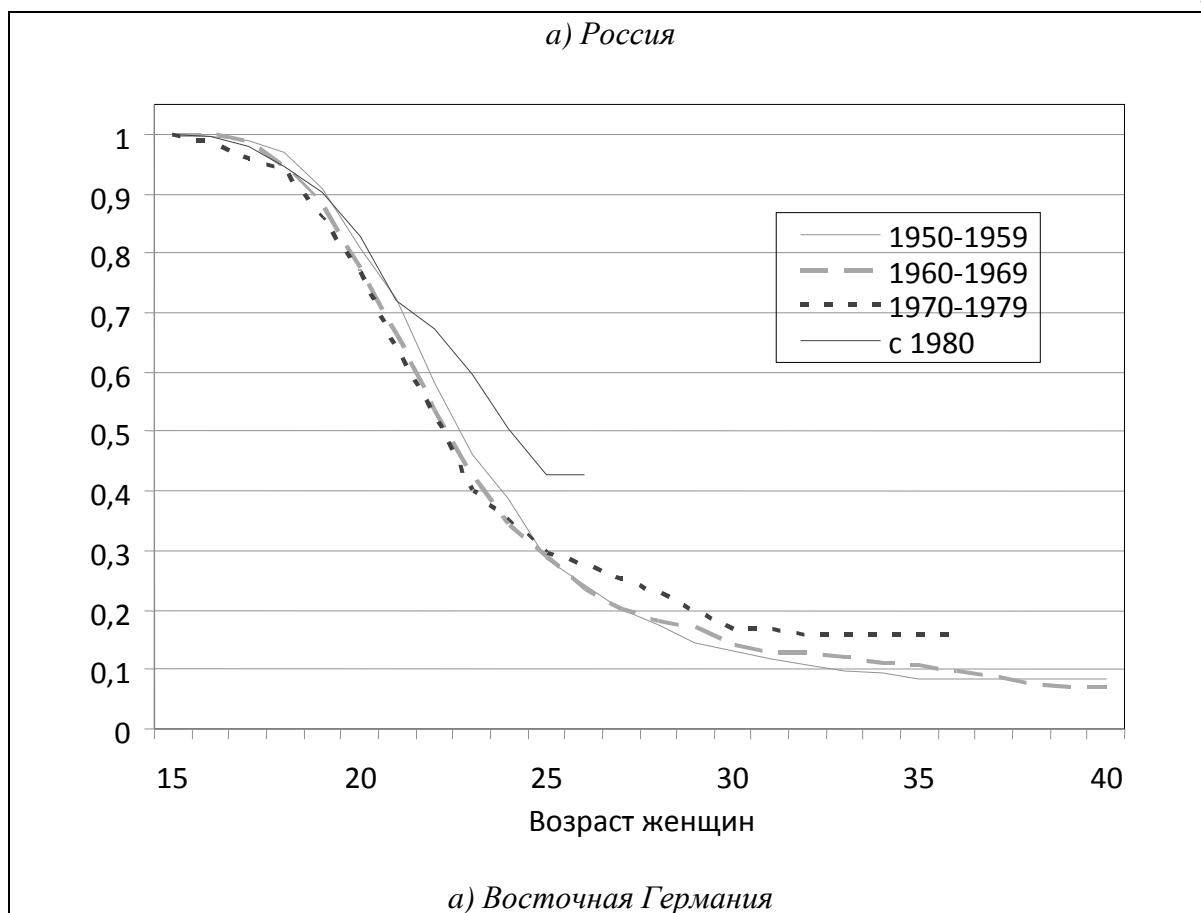

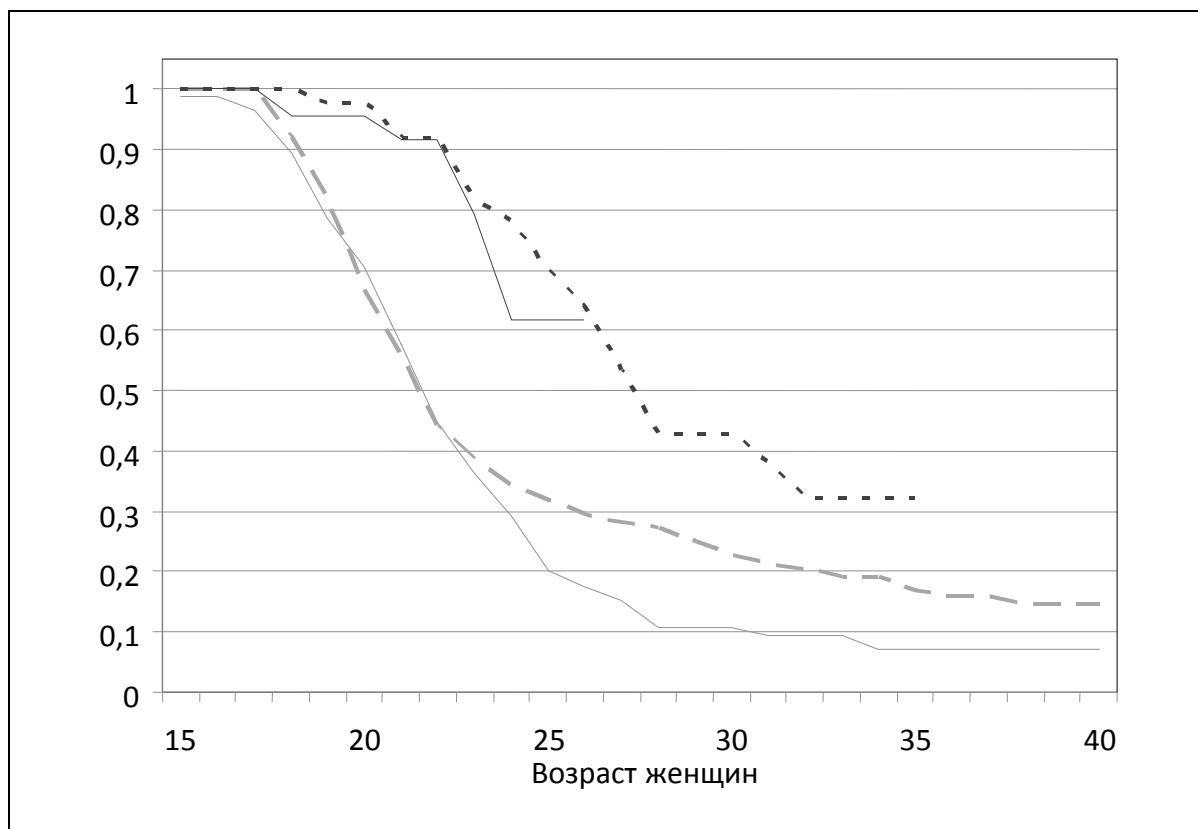
Аналогичные процессы для России не кажутся характерными. Родительство здесь не потеряло своего универсального и основополагающего значения. Согласно микропереписи 1994 года, после 10 лет совместной жизни даже в брачных когортах 1980-1984 гг. без-

детными остаются лишь 4% пар. Аналогичные данные были получены на репрезентативной российской выборке в 1996 году: всего 4% пар не хотели иметь детей (Zakharov 1999: 302). Также отсутствуют данные, которые могли бы свидетельствовать о растущей желаемой или осознанной бездетности. Более того, в России можно констатировать сравнительно большую долю нежелательной бездетности. Это обусловлено, прежде всего, большим количеством аборт и низким уровнем здравоохранения, профилактики и ухода. Так или иначе, от 15 до 20% российских пар страдают от бесплодия (UNECSE 2000). Резюмируя российскую ситуацию, стоит указать, что падение уровня рождаемости здесь в меньшей степени обусловлено значительным изменением времени и вероятности рождения первого ребенка. Это логичнее объяснить изменением репродуктивного поведения начиная со второго ребенка. (Riesck 2006). Чтобы доказать это предположение, были использованы данные третьей волны Европейского Социального Исследования, в которых рассматривался переход к первому ребенку. Рисунок 3 показывает кривые для Восточной Германии и России для разных женских возрастных когорт. Здесь отчетливо видны различия между странами. В России с течением времени практически не изменилось ни время, ни вероятность рождения женщиной первого ребенка. Репродуктивное поведение когорт, создавших семьи до перестройки, практически не отличается от репродуктивного поведения постперестроечных. Лишь рожденные после 1980 года продемонстрировали незначительное снижение мотивации к рождению первого ребенка. Отсюда становится ясно, что снижающийся TFR в России не может быть объяснен лишь изменившейся моделью образования семьи и, соответственно, изменением отноше-

ния к возможности рождения женщиной второго ребенка. Совершенно иначе обстоят дела в Восточной Германии.

Рисунок 3. Когортоспецифические кривые рождения женщинами первого ребенка в Восточной Германии и России

Источник: European Social Survey, Welle 3, 2006, собственные расчеты.

Рисунок 3 подтверждает сделанные ранее выводы о том, что в когорте 1960-69 г.р. 18% женщин долгое время остаются бездетными, что намного больше, чем в предшествующих когортах. Например, среди рожденных в 1950-59 гг. эта доля составляла 10%. Еще больше это изменение стало заметным с когорты 1970-79 г.р. Стало очевидной отсрочка рождения женщиной первого ребенка до 25-30 летнего возраста. Более того, кривая показывает, что, по всей вероятности, значительная часть молодых когорт вообще не станет рожать детей.

Различные реакции обеих стран на политические изменения нуждаются в дальнейшей конкретизации. Установлено, что «в России, тем не менее, разница между наблюдаемым и скорректированным суммарным коэффициентом рождаемости значительно меньше и наблюдается только после 1994 года. Следовательно, в сравнении с репродуктивными моделями других центрально и восточноевропей-

ских странах, падение рождаемости в России начала 1990-х годов характеризуется большей важностью количественного эффекта и в меньшей степени значимостью эффекта отложенных родов» (Kohler & Kohler 2002: 239). В связи с данными рис.3 можно заключить, что рождение второго ребенка было отложено на длительное время, которое продолжается до сих пор.

Подход с позиций ценности детей

Можно сказать, что в общем и целом наблюдаемое снижение рождаемости в бывших социалистических странах различается по структуре и особенностям протекания. Какие причины можно найти для объяснения как общих, так и специфических для Восточной Германии и России черт анализируемого процесса? В соответствии с представленным здесь подходом, главное предположение состоит в том, что дети являются причиной расходов и одновременно способствуют удовлетворению трех родительских потребностей: в комфорте, уважении/престиже и положительных эмоциях. Эти три ценностных измерения детей легли в основу исследования «Ценность детей» и были обозначены как экономически-утилитаристский, социально-нормативный и эмоциональный аспекты (Kagitcibasi 1982: 52). В какой мере дети приносят пользу и обуславливают расходы, зависит от большого количества факторов, совокупность которых можно обозначить как «ситуация действия» (потенциальных) родителей. Наряду с индивидуальными характеристиками, такими, как уровень образования, благосостояния, место жительства и религиозность, на ценность детей оказывают влияние прежде всего различные социальные и культурные условия. Среди прочего необходимо учитывать мероприятия семейной политики (в особенности возможность совме-

ния воспитания детей и работы), уровень жизни общества, ситуацию на рынке труда, а также разделяемые большинством ценностные представления о роли семьи и детей, которые находят выражение в институциональной семейной системе. Предполагается, что значение детей в разных странах не одинаково и варьируется в зависимости от степени различий стран между собой по описанным параметрам. Так как социальные условия являются неизменными, то политический крах социалистического лагеря оказался в фокусе анализа. Вместе с ним пришли глубокие изменения всех сфер общественной жизни, которые ухудшили условия жизни конкретных людей и привели к тому, что дети приобрели совсем иное значение.

Подход с позиций ценности детей предполагает, что совокупность индивидуально воспринимаемых потерь и выгод выражается в осознанном репродуктивном поведении. Основные теоретические положения были сформулированы во многих работах (см. Nauck & Kohlmann 1999: 65; Nauck 2001): 1) если дети рассматриваются исключительно как источник положительных эмоций, в этом случае детей много рожать не нужно. Даже один ребенок, максимум – два (желательно, разнополых) могут удовлетворить эмоциональные потребности родителей. 2) Сколько детей необходимо иметь, чтобы обеспечить родителям максимально высокий статус и уважение? Это сильно зависит от соответствующих норм социального окружения. 3) Если наибольший вес имеет утилитарный, экономический подход к детям, в этом случае детей нужно много, т.к. выгода растет с каждым новым ребенком. 4) Наконец, высокие расходы на ребенка негативно влияют на число желаемых детей. Анализируя приведенные выше образцы репродуктивного поведения в Восточной Германии и России до описываемых событий и после, можно ожидать, что за этими

моделями стоят различные ценности детей. С другой стороны, эти ценности в процессе социально-политических трансформаций должны были хотя бы частично измениться. Некоторые из этих положений будут прояснены в процессе работы при помощи эмпирического материала.

Данные и индикаторы

Данные. Сначала необходимо вернуться к международному исследованию «Ценность детей» (Trommsdorff & Nauck 2005). В нем содержатся данные о матерях, которые были опрошены в 2002-2003 гг. в восточногерманском городе Хемнице. В 2006-2007 гг. был получен схожий массив данных из России, собранный в Нижнем Новгороде и его окрестностях. На основе этих двух массивов с материнскими выборками был проведен первый аналитический этап с целью выявления различий в ценностях детей. На втором этапе было исследовано, в какой мере возможные различия могут быть объяснены предположительно значимыми особенностями респондентов, включенных в выборку. В заключении на основании сопоставления значимых характеристик обеих стран было обосновано, почему систематические различия в ценностях детей продолжают оставаться даже при контроле индивидуальных переменных.

Таблица 1 показывает структуру данных, использованных для расчетов. Из нее видно, что опрошенные немецкие матери практически ничем не отличаются от российских за исключением отношения к религии. Как возраст, среднее число детей, так и уровень образования и занятости делают выборки очень похожими друг на друга.

Ценность детей. Полезность и стоимость детей выяснялась при помощи двух групп переменных. Для выяснения всего множе-

ства различных причин за и против рождения первого или последующего ребенка, респонденты должны были указать на пятибалльной шкале, насколько те или иные аспекты способны повлиять на их репродуктивное поведение. Перед тем, как задать вопрос, респондентам предъявлялась следующая инструкция:

Таблица 1.

Описание выборки

	<i>Восточная Германия</i>	<i>Российская Федерация</i>
Число опрошенных матерей	204	519
Городское население	100	81
Средний возраст	36	34
Образование (в %)		
Начальное	1	1
Среднее	68	69
Высшее	29	30
Занятость (в %)	72	80
Незарегистрированные союзы (в %)	17	11
Среднее количество детей	1,8	1,5
Нерелигиозные (в %)	71	7

Здесь у меня список причин, по которым люди в принципе могут хотеть или не хотеть иметь детей. На основании собственного опыта со своими детьми/ребенком отметьте, насколько лично для Вас важна каждая из перечисленных причин иметь/не иметь детей.

Основываясь на предшествующей структурной проверке выгод и стоимости детей в международном сравнении (Nauck & Klaus 2007) и в соответствии с теоретической концепцией из множества отдельных переменных были рассчитаны три индикатора полезности детей. Их структуру и внутреннюю насыщенность, состоящую из альфа-коэффициентов надежности, можно посмотреть в правой части таблицы 2. Вопреки ожиданиям факторный анализ параметров стоимости детей показал одномерную структуру. Соответственно был скон-

струирован индекс расходов на детей, состоящий из параметров, приведенных в нижней части таблицы 2.

Таблица 2.

Индикаторы полезности и стоимости детей

<i>ИНДИКАТОР</i>	<i>ПАРАМЕТР</i>	<i>АЛЬФА-КОЭФФИЦИЕНТ</i>
<i>Полезность: Экономический аспект</i>	Ребенок помогает по хозяйству	Вост. Германия: 0,60 Россия: 0,64
	Ребенок помогает финансово	
	Ребенок поможет в старости	
<i>Полезность: Источник положительных эмоций</i>	Радостно видеть, как ребенок растет	Вост. Германия: 0,81 Россия: 0,74
	Чувство родительско-детской любви	
	Радость иметь ребенка	
	Весело, когда вокруг дети	
<i>Полезность: Статусный компонент</i>	Делает семью более значимой	Вост. Германия: 0,79 Россия: 0,63
	Делает детей ближе	
	Повышает ответственность	
	Интенсифицирует контакты с родственниками	
<i>Стоимость</i>	Дети – это работа и заботы	Вост. Германия: 0,89 Россия: 0,90
	Детей трудно дисциплинировать, контролировать	
	Трудно поддерживать привычные связи	
	Проблемы в браке	
	Финансовые нагрузки	
	Труднее сохранить работу	
	Беспокойство, когда дети болеют	
	Отсутствие свободы делать то, что хочется	
	Беспокойство за будущее детей	
	Невозможность уделять детям достаточно внимания	
	Сокращение контактов с друзьями	

Индивидуальные детерминанты ценности детей. Была рассчитана группа индикаторов, которые в основном отражают основные характеристики опрошенных. Предполагается, что они влияют на то, какие выгоды и какие расходы связаны с детьми. Во-первых, респонденты различались по месту жительства в период, предшествующий браку. Сельское и городское окружение формировали разные условия для рождения и воспитания детей. Социально-экономическое положение опрошиваемых, с одной стороны, складывается из уровня

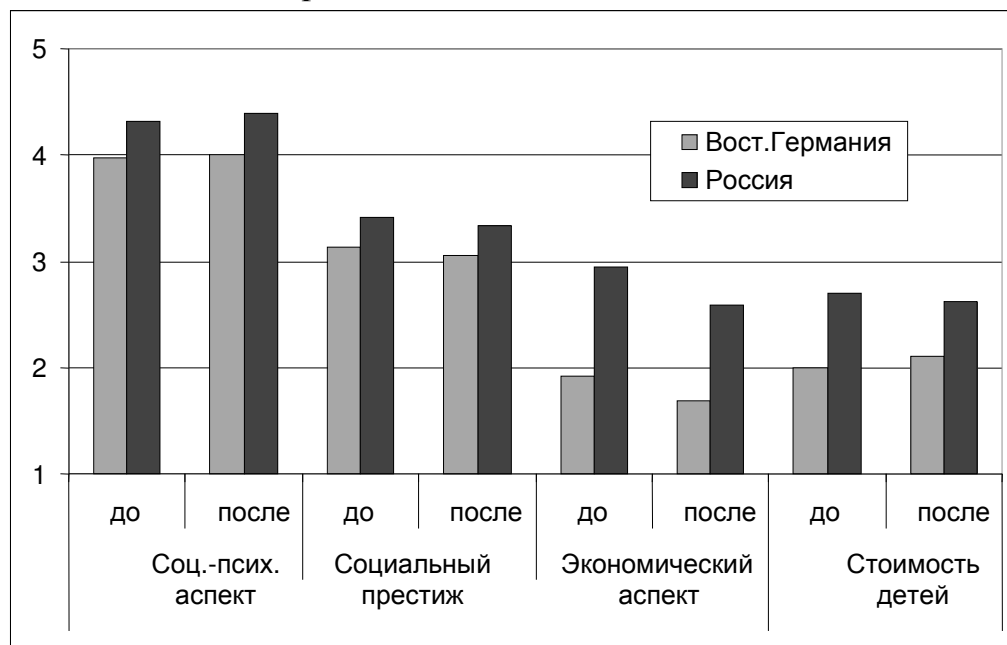
их образования. Сюда включался также индикатор экономического уровня домохозяйства, который складывался из наличия определенного набора товаров долговременного пользования, таких, как жилье, украшения или акции. Были включены в исследование два социокультурных компонента, которые, по мнению авторов, наиболее четко отражали различия между Восточной Германией и Россией и были отражены в сознании респондентов: уровень религиозности и важность семейных ценностей (фамилизм). Индикатор фамилизма базировался на следующих переменных, измеряемых по 6-ти балльной шкале, на которой респонденты должны были отметить степень своего согласия со следующими утверждениями: 1) необходимо поддерживать хорошие отношения с родственниками; 2) дети обязаны заботиться о своих родителях, когда те состарятся; 3) репутацию семьи нужно чтить и поддерживать; 4) дети должны слушаться родителей. Альфа-коэффициент составил 0,60 для Восточной Германии и 0,58 для России.

Результаты

Ценность детей в Восточной Германии и России. В этом разделе речь пойдет не только о сравнении ценности детей между Восточной Германией и Россией. Кроме этого мы ответим на вопрос о том, какова была роль политических изменений 90-х годов в данном процессе. С этой целью респондентки обеих выборок были поделены в зависимости от момента создания семьи: до или после интересующих нас событий. Причем, для Германии и России для такого деления были выбраны разные годы: 1990 – для Германии и 1995 – для России, поскольку социальные потрясения в России выразились в полную силу на несколько лет позднее, чем в Восточной

Германии (см. Bundeszentrale für politische Bildung 2003). В таблице 4 сравниваются выгоды и стоимость детей для каждой из выделенных подгрупп.

Рисунок 4. Средние показатели важности выгод и стоимости детей в Восточной Германии и России до и после политических изменений.

Наиболее важные данные свидетельствуют о следующем: значения всех трех факторов полезности детей в России как до, так и после политических изменений выше, чем в Восточной Германии. Важность утилитарно-экономического фактора в ценности детей значительно ниже по сравнению с остальными. Расходы на детей также выше в России и до, и после перемен, с той лишь особенностью, что в Восточной Германии отмечается незначительное увеличение расходов в посттрансформационный период. Уменьшатся эти различия между странами и как повлияли политические изменения на утилитарно-экономический аспект ценности детей при контроле ранее введенных индивидуальных переменных?

Таблица 3.

Детерминанты полезности детей

Параметры	Средние значения полезности						Стоимость:: Ср.значения	
	Экон.аспект		Соц.-псих. аспект		Соц.престиж			
<i>Страна (Beta+Sig.)</i>	0,50**	0,41**	0,23**	0,14**	0,16**	0,00	0,36**	0,45**
Вост. Германия	1,81		4,03	4,12	3,10	3,30	2,05	1,95
Россия	2,79		4,35	4,32	3,39	3,33	2,68	2,72
<i>Создание семьи (Beta+Sig.)</i>	0,21**	0,15**	0,02	0,05	0,06	0,02	0,05	0,04
После перестройки	2,31	2,36	4,27	4,30	3,26	3,30	2,45	2,45
До перестройки	2,67	2,62	4,25	4,24	3,35	3,34	2,54	2,53
<i>Место жительства (Beta+Sig.)</i>		0,05		0,03		0,01		0,04
Село		2,62		4,22		3,33		2,42
Город		2,49		4,27		3,32		2,51
<i>Образование (Beta+Sig.)</i>		0,08*		0,04		0,08+		0,01
Начальное		2,48		4,44		3,18		2,47
Среднее		2,55		4,25		3,36		2,49
Высшее		2,39		4,28		3,24		2,51
<i>Благосостояние (Beta+Sig.)</i>		0,05		0,02		0,01		0,07
Низкое		2,56		4,28		3,32		2,53
Высокое		2,45		4,25		3,32		2,46
<i>Роль религии в жизни (Beta+Sig.)</i>		0,04		0,09+		0,15**		0,10
Никакая/Небольшая		2,47		4,13		3,18		2,56
Средняя		2,52		4,24		3,33		2,49
Высокая		2,54		4,33		3,45		2,44
<i>Уровень фамилизма (Beta+Sig.)</i>		0,22**		0,23**		0,25**		0,15*
Средний		2,21		4,06		3,05		2,58
Высокий		2,58		4,30		3,35		2,51
Очень высокий		2,72		4,47		3,65		2,33
<i>Объяснение дисперсии</i>		34		11		11		15

Примечание: Собственные расчеты основаны на исследовании «Ценность детей» (2002/03, 2006/07). Дисперсионный анализ. Уровни значимости: ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, + $p < 0.1$.

Микродетерминанты ценности детей. При помощи многомерного дисперсионного анализа мы проверили, действительно ли эти различия хотя бы частично обусловлены индивидуальными переменными. Структурные элементы полезности и стоимости были представлены в качестве зависимых переменных. После того, как на первом этапе при помощи расчета коэффициентов детерминации были конкретизированы особенности страны и роль трансформационных процессов, последовал второй этап анализа, в ходе которого учитывались все потенциальные детерминанты. Результаты пред-

ставлены в таблице 3. Даже беглый взгляд на результаты анализа полезности детей позволяет увидеть, что бета-коэффициенты в первой модели стали ниже при введении других переменных. Это означает, что именно они оказывают влияние на полезность детей. О каких конкретно переменных идет речь? Значение семейных ценностей имеет весомый объяснительный потенциал: чем сильнее выражена установка на семейные ценности, тем выше ценятся дети как источники собственного экономического комфорта, положительных эмоций и социального престижа. Эти переменные можно понимать как субъективную интерпретацию общекультурного восприятия семьи и родства.

Предполагается, что семья вместе со всеми обязанностями, ответственностью, чувством защищенности в России стоит на более высоком месте, чем в Германии, в которой доминирует иная семейная система. Это не в последнюю очередь обусловлено, с одной стороны, географическим положением, справа от так называемой «линии Хайнала» (1965)*, а с другой, как показывают исторические факты, тесной близостью с культурами, находящимися слева от нее (см. тж. Zakharov 1999). Соответственно, близость, взаимная ответственность и солидарность, прежде всего, между выросшими детьми и их родителями должна быть в России институционализована и нормативно регулируема. Это, в свою очередь, ведет к тому, что родительские ожидания экономических и эмоциональных выгод поддерживаются соответствующей семейной системой, реализация которой позволяет обеспечивать безопасность. Кроме того, рождение детей в

* Водораздел между формами семейного устройства (традиционная, многомерная – современная, нуклеарная) проходит по границе восточной и западной Европы

таких условиях делает возможным большее социальное признание семейным и более широким социальным окружением, нежели в условиях, когда межпоколенные отношения по степени значимости уступают супружеским. Именно это и характерно для Восточной Германии.

Социальное признание, достигаемое благодаря рождению детей, как правило, имеет место, когда сильна роль религии. На уровне опрашиваемых также прослеживается сильная положительная взаимосвязь: статусный компонент ценности детей тем выше, чем выше уровень религиозности респондента ($Beta=0.15$). Становится ясно, что в случае со статусной составляющей ценности детей полностью теряет свое значение переменная «различия между странами» (от $Beta=0.16$ до 0.00): это можно объяснить тем, что российские матери являются более религиозными и в большей степени дорожат семейными ценностями, чем восточногерманские женщины. Предполагается, что эта тенденция, выраженная на данных имеющейся выборки, будет также проявляться и на уровне стран.

Более того, стало ясно, что обладание социально-экономическими ресурсами не оказывает выраженного влияния на полезность детей и, таким образом, не способствует снижению роли различий между странами. Ожидается, что чем больше мать обеспечена ресурсами, тем меньше воспринимаемая ею полезность детей. Этот эффект был ранее многократно подтвержден (см. напр. Nauck 2006, 2007; Klaus 2008; Suckow 2008). Благодаря этому будет обосновано, что с улучшением общего социально-экономического положения, появляются иные, помимо детей, возможности достижения комфорта и социального престижа. Если индивид имеет хорошее образование и успешен в работе, то именно в этой сфере он получит признание

своих способностей, а хороший доход позволит ему позаботиться о собственном комфорте. То, что эти достаточно стабильные эффекты в этом анализе не наблюдаются, можно объяснить тем, что рассматриваемые переменные имеют в данной выборке малую дисперсию. Различия между странами лежат, скорее всего, не в сфере образования, занятости женщин или уровня благосостояния.

Заключительный анализ стоимости детей показывает, что эффект различий между странами возрастает с 0,36 до 0,45. Это обусловлено тем, что опрошенные с высоким уровнем принятия семейных и религиозных ценностей склонны к занижению стоимости детей. Как следствие, увеличивается разность, то есть, российские матери указывают намного большую стоимость детей, чем восточно-германские. Относительно расходов предполагается, что они в большей мере определяются непосредственно социальным контекстом. Следовательно, следует учитывать, прежде всего, политические, экономические и социальные условия, равно как культурный контекст, а не установки родителей, в т.ч. потенциальных, относительно полезности детей и расходов на них. В следующей части работы будут сопоставлены те социальные условия, которые, с одной стороны, влияют на ценность детей, а с другой – показывают различия между Россией и Восточной Германией до и после политических изменений.

Макродетерминанты ценности детей. Экономическая полезность. В первую очередь нас интересуют вопросы, почему экономическая полезность детей в России выше, чем в Восточной Германии и почему она снизилась в результате трансформационных процессов. В обеих странах до 90-х годов на государственном уровне

предпринималось немало мер для стимулирования создания семьи (напр. Winkler 1990, Adler 1997). В бывшей ГДР с рождением ребенка родители получали собственную квартиру. Более того, при заключении брака семье предоставлялся кредит, который частично списывался с каждым рожденным семьей ребенком. Схожие мероприятия имели место и в бывшем СССР (см. напр. Blum & Lefevre 2006: 3), из чего можно заключить, что в обеих странах рождение ребенка было связано с получением каких-либо экономических выгод. С изменением политической ситуации подобные мероприятия сошли на нет, вместе с чем снизилась и роль детей как источника экономического комфорта. Одновременно можно предположить, особенно в России, и наличие обратных тенденций. Уменьшение расходов на социальную сферу, фактическое отсутствие социального страхования в старости (Godwin 2006: 801) могли привести к усилению роли детей как помощников. Соответственно, особенно в России, это должно было бы препятствовать снижению их экономической ценности: если дети в бывшем СССР могли непосредственно способствовать улучшению жизненной ситуации родителей, то и сегодня их финансовое участие в жизни семьи по-прежнему велико.

То обстоятельство, что экономическая полезность детей в России в целом выше, чем в ГДР и Восточной Германии, может, среди прочего, быть объяснено наличием разных семейных систем. Исторически Россию можно отнести к государствам родовой системой наследования (см. Harris 1990). Указания на это можно найти, анализируя данные Российской Империи конца 18 века. Главным является факт наличия «многоочаговых семейных структур, имеющих место в различных социальных средах – среди крестьян, феодальных слуг, фабричных рабочих и городских посадских людей» (Mitterauer &

Kagan 1982: 127). Следствием подобной институционализированной формы семейных отношений должны стать более выраженные, чем в Восточной Германии, межпоколенные обязательства, где семья и родство организовано по брачному принципу. В этой системе, в свою очередь, супружеские отношения являются более важными, чем межпоколенные. Эта исторически и культурно обусловленная разница должна была привести к тому, что в России от взрослых детей ожидают намного больше помощи, чем в Восточной Германии. Не в последнюю очередь это связано с экономической нестабильностью в России (ВВП/на чел. в \$= 12.200 по сравнению с 31,900 в Германии (2006; CIA 2007)). Экономическая нестабильность вкупе с неразвитой системой социального страхования (особенно, в пенсионном возрасте, низкими расходами на социальную сферу: 31% (2005) для всей Германии, 20% (2005) для России) поднимают экономический аспект ценности детей на значимо более высокий уровень, чем в Восточной Германии.

Социальный престиж. Изначально установленная высокая ценность детей как источника социального престижа в России может быть в полной мере объяснена высокой религиозностью и приверженностью семейным ценностям. Это подтверждается и анализом макросоциологических переменных. В бывшей ГДР религия не играла значительной роли в жизни населения, в настоящий момент лишь треть опрошенных относит себя к какой-либо конфессии. Напротив, в России аналогичный показатель составляет почти 75%. Более того, большое значение придается содержанию отношений с детьми. Это выражается, с одной стороны, в большей приверженности опрошенных семейным ценностям, а с другой стороны, является производной упомянутых выше различных семейных режимов. Это выливается,

среди прочего, в строгие требования к родительству. Соответственно, создание семьи имеет положительную нормативную оценку, а возможная длительная бездетность повлечет за собой общественные санкции. Высокие расходы на детей и отсутствие экономических выгод от их рождения все же не сделают бездетность в России реальной перспективой в отличие от Восточной Германии, вследствие высокой значимости фактора социальной престижности родительства. Существуют свидетельства нормативного форсирования родительства, такие как у Avdeev & Monnier (1995: 34) «минимум – один, максимум – два». О том же свидетельствуют результаты международного исследования ценностей от 1999 года: 83% совершеннолетних российских респондентов обоих полов отметили, что ребенок для женщины является необходимой жизненной потребностью. Доля таковых в Восточной Германии, пусть и высока, 70%, но значительно ниже, чем в России. Если говорить о мужчинах, то с этим утверждением в России согласился 71% опрошенных, что намного выше, чем в Восточной Германии, где этот показатель составил 42%.

Стоимость детей. Высокие расходы на детей в современной России можно объяснить, прежде всего, неуверенностью в завтрашнем дне, обусловленной плохой экономической ситуацией. Уровень благосостояния и средний доход намного ниже, чем в Восточной Германии. Вместе с этим, в России выше уровень бедности: по официальным данным 2004 года, 18% россиян жили на доход, меньше прожиточного минимума. Соответственно, расходы на детей в России приобретают конкретную форму финансовой нагрузки или выражаются в беспокойстве за будущее подрастающего поколения.

Эмпирически установленный незначительный рост расходов на детей в Восточной Германии нам кажется недооцененным. Прежде

всего, вследствие объединения Германии должны были бы возрасти опосредованные расходы на детей. С одной стороны, на фоне увеличения возможностей потребления и проведения свободного времени прибавилось количество возможностей потратить деньги. Следовательно, при создании семьи дети вынуждены конкурировать с другими расходными статьями. С другой стороны, уменьшение институциональных возможностей заботы о детях¹, упразднение мероприятий по помощи работающим матерям и растущая конкуренция на рынке труда (доля безработных в Восточной Германии в настоящий момент составляет 20%; Bundesagentur für Arbeit 2007) привело к уменьшению возможностей совмещать семью и работу. Следовательно, возрастают те расходы, которые напрямую связаны с занятостью. Схожие процессы наблюдаются и в России. До политических изменений развитая система детских садов², отпуск по уходу за ребенком и материальная поддержка со стороны государства позволяла советским женщинам совмещать работу и заботу о детях. Вследствие достаточно раннего достижения пенсионного возраста в России (55 лет для женщин и 60 для мужчин) к воспитанию ставших дорогими из-за отсутствия государственной поддержки детьми, привлекаются бабушки. Соответственно, следует ожидать, что негативное воздей-

¹ Согласно Kreyenfeld (2003: 310), в период с 1990 по 1998 годы значительно уменьшилась доступность детских садов. Если в 1990 году на 100 детей в возрасте от 0 до 3 лет приходилось 56 ясельных мест, то в 1998 году – только 36. Похожая ситуация сложилась с местами в группах продленного дня для детей в возрасте 7-10 лет: в 1990 на 100 было 88 мест, в 1998 – только 48 (см. также Winkler 1990, Adler 1997).

² В конце 80-х годов 70% детей в возрасте от года до шести находились в яслях и детских садах. К середине 90-х годов это доля уменьшилась более чем в половину. Основная причина – резкий рост стоимости ухода за детьми – во времена СССР эти расходы брало на себя государство. После 1990 года государственные дотации были уменьшены, и лишь немногие предприятия могли себе позволить иметь собственные детские сады (Rieck 2006).

ствие на стоимость детей было снижено: бабушки активно участвуют в воспитании детей, даже если они продолжают работать.

Итог

Резюмируя, можно установить, что различия между странами относительно ценности детей хорошо объяснимы. С одной стороны, это можно объяснить действием индивидуальных переменных, а с другой – различиями в социальных условиях, даже если их влияние нельзя проверить в рамках анализа эмпирических данных. Высокая полезность детей в России объясняется, главным образом, высокой ролью религии и семейных ценностей и недостаточностью государственной системы социальной защиты. Высокая стоимость детей является следствием плохого экономического положения страны.

Почему, вопреки ожиданиям, на ситуацию вообще и стоимость детей, в частности, столь незначительно повлияли политические изменения, остается все-таки не ясно. Изначально было понятно, что анализ влияния трансформационных процессов на ценность детей будет затруднен в силу специфики массива данных, собранного на весьма специфической выборке. Более того, стоит задуматься над тем, что ценность детей является весьма стабильной, т.е. приспосабливается к переменам с гораздо меньшей скоростью, чем это можно было бы предположить. В гораздо большей степени эти изменения отражаются на репродуктивном поведении. Возможно, в моделях репродуктивного поведения обеих стран после 90-х гг. отражаются различия в динамике изменения системы. В Восточной Германии изменения были резкими и прошли достаточно быстро (Konietzka & Kreyenfeld 2004; Conrad et al. 1996) за счет заимствования проверенных структур из бывшей ФРГ, после чего произошло выравнивание

репродуктивного поведения по западногерманскому образцу. В России же этот процесс не носил столь молниеносного характера. Подобно многим другим восточноевропейским странам, Россия находится сейчас в поисках своего собственного пути. Репродуктивное поведение, также не торопясь, медленно и спокойно реагирует на изменения ситуации в России.

Литература

1. Adler, M.A. (1997). Social change and declines in marriage and fertility in Eastern Germany. *Journal of Marriage and the Family*, 1, 37-49.
2. Avdeev, A. & Monnier, A. (1995). A survey of modern Russian fertility. *Population: An English Selection*, 7, 1-38.
3. Blum, A. & Lefevre, C. (2006). After 15 years of transition, the Russian population is still in turmoil. *Population & Societies*, No. 420.
4. Bundesagentur für Arbeit (2007). Abrufbar unter: https://www.pub.arbeitsamt.de/hst/services/statistik/000000/html/start/gif/b_alog_zr.shtml. (20.12.2007)
5. Bundeszentrale für politische Bildung (2003). *Russland*.
6. CIA (2007). Abrufbar unter: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2004rank.html> (19.12.2007)
7. Conrad, C., Lechner, M. & Werner, W. (1996). East German fertility after unification: Crisis or adaption? *Population and Development Review*, 22, 331-358.
8. Council of Europe (1995). *Recent demographic developments in Europe*.
9. Council of Europe (1997). *Recent demographic developments in Europe*.
10. Council of Europe (2002). *Recent demographic developments in Europe*.
11. Engstler, H. & Menning, S. (2003). *Die Familie im Spiegel der amtlichen Statistik. Lebensformen, Familienstrukturen, wirtschaftliche Situation der Familien und familiendemografische Entwicklung in Deutschland*.
12. GGP Contextual Database. Abrufbar unter: <http://www.demogr.mpg.de/cgi-bin/databases/cdb/cdb.php> (19.12.2007)
13. Godwin, R. (2006). Age and social support perception in Eastern Europe: Social change and support in four rapidly changing countries. *British Journal of Social Psychology*, 45, 799-815.
14. Hajnal, J. (1965). European Marriage Patterns in Perspective. In D. V. Glass & D. E. C. Eversley (Hrsg.), *Population in History*, S. 101-143. Chicago: Aldine
15. Harris, M. (1989): *Kulturanthropologie*. Ein Lehrbuch. Frankfurt a. M./New York: Campus.
16. Kagitcibasi, C. (1982). *The changing value of children in Turkey*. Honolulu, Hawaii: East-West Center.

17. Klaus, D. (2008, im Druck). *Sozialer Wandel und Geburtenrückgang in der Türkei: Der ‚Wert von Kindern‘ als Bindeglied auf der Akteursebene*. Wiesbaden: VS Verlag.
18. Klaus, D.; Suckow, J. & Nauck, B. (2007). The Value of Children in Palestine and Turkey – Differences and its consequences for fertility. *Current Sociology*, 55, 487-503.
19. Kohler, H.-P. & Kohler, I. (2002). Fertility decline in Russia in the early and mid 1990s: The role of economic uncertainty and labor market crises. *European Journal of Population*, 18, 233-262.
20. Konietzka, D. & Kreyenfeld, M. (2004). Angleichung oder Verfestigung von Differenzen? Geburtenentwicklung und Familienformen in Ost- und Westdeutschland. *Berliner Debatte Initial*, 15, 26-41.
21. Kreyenfeld, M. (2003). Crisis or adaptation – reconsidered. A comparison of East and West German fertility patterns in the first six years after the ‘Wende’. *European Journal of Population*, 19, 303-329.
22. Macura, M.; Kadri, A. & Mochizuki-Sternberg, Y. & Garcia, J. L. (2002), Fertility decline in the transition economies: 1989- 1998. In United Nations (Hrsg.). *Economic Survey of Europe No. 1*, S. 189-207. New York. (http://www.unecce.org/pau/pub/001/001_6.pdf)
23. Mitterauer, M. & Kagan, A. (1982). Russian and Central European family structures: A comparative view. *Journal of Family History*, 7, 103-131.
24. Nauck, B. (2001). Value of children: Eine spezielle Handlungstheorie des generativen Verhaltens und von Generationenbeziehungen im interkulturellen Vergleich. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 53, 407-435.
25. Nauck, B. (2005). Changing value of children: An action theory of fertility behavior and intergenerational relationships in cross-cultural comparison. In W. Friedlmeier; P. Chakkarath & B. Schwarz (Hrsg.), *Culture and human development: The importance of cross-cultural research for the social sciences*, S. 183-202. New York: Psychology Press.
26. Nauck, B. (2006). Value of Children and fertility strategies in cross-cultural comparison. Ideal family size and targeted fertility in eleven societies. In C. Gomes (Hrsg.), *Social development and family changes*, S. 300-344. Newcastle: Cambridge Scholars Press.
27. Nauck, B. (2007). Value of Children and the Framing of Fertility. Results from a cross-cultural comparative survey in 10 societies. *European Sociological Review*, 23, 615-629.
28. Nauck, B. & Kohlmann, A. (1999). Values of children: Ein Forschungsprogramm zur Erklärung von generativem Verhalten und intergenerativen Beziehungen. In F. W. Busch; B. Nauck & R. Nave-Herz (Hrsg.), *Aktuelle Forschungsfelder der Familienwissenschaft. Band I: Familie und Gesellschaft*, S. 53-73. Würzburg: Ergon.
29. Nauck, B. & Klaus, D. (2007). The varying value of children. Empirical results from eleven societies in Asia, Africa, and Europe. *Current Sociology*, 55, 487-503.
30. Rostocker Zentrum für demografischen Wandel (2007). Abrufbar unter http://www.zdwa.de/zdwa/artikel/20060601_44669235W3DnavidW2635.php (20.12.2007)

31. Rieck, D. (2006). *Transition to second birth. The case of Russia*. MPIDR Working Paper WP-2006-036.
32. Suckow, J. (2008, im Druck). *Fertilität in Israel und Palästina. Ein Erklärungsbeitrag der Value of Children-Forschung*. Würzburg: Ergon
33. UNECE (1999). Fertility decline in the transition economies, 1982-1997: Political, economic and social factors. *Economic Survey of Europe, 1999 No. 1*, 181-194.
34. UNECE (2000). Fertility decline in the transition economies, 1989-1998: Economic and social factors revisited. *Economic Survey of Europe, 2000 No. 1*, 189-207.
35. Vishnevsky, A. (1998/1999). Demographic changes in Russia – Past and future. *Yearbook of Population Research in Finland, 35*, 39-57.
36. Winkler, G. (Hrsg.) (1990). *Frauenreporte 90*. Berlin: Verlag die Wirtschaft.
37. Witte, J.C. & Wagner, G.G. (1995). Declining fertility in East Germany after unification: A demographic response to socioeconomic change. *Population and Development Review, 21*, 387-397.
38. Zakharov, S. V. (1999). Fertility trends in Russia and the European newly independent states: Crisis or turning point? *Population Bulletin of the United Nations, 40/41*, 292-317.

Перевод доцента кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, к.с.н. Судьина С.А.

ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ И ДЕТЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОДРОСТКОВ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

А.В. Курамшиев

Одной из наиболее значимых сфер жизнедеятельности человека является семья. Не удивительно, что проблеме семейных ролей социологи всегда уделяют особое внимание. Трансформация ролевых отношений в семье является важнейшей стороной современной перестройки внутрисемейных отношений. Одной из наиболее важных из них является проблема "выбора" каждой семьей способа ролевого взаимодействия из большого набора норм и правил, которые сейчас сосуществуют в нашем обществе. В этих условиях существования разнообразных норм и образцов ролевого поведения становление ролевой структуры семьи как социальной и психологической общности, адаптации супругов друг к другу, выработка стиля семейной жизни тесно переплетаются с межличностными отношениями супругов и их социальными установками, в том числе гендерными.

При проведении исследования "Ценность детей. Межпоколенные отношения"¹ одной из целевых групп являлись подростки: юноши и девушки. Было опрошено 347 подростков, из них 156 юношей (45% от всех опрошенных) и 191 девушка (55% соответственно), что дает нам возможность сравнить представления юношей и девушек по ряду проблем, касающихся их планов на будущее, в частности, семью и детей.

¹ Научный руководитель проекта – проф. Б. Наук (Германия). Руководитель российской части исследования – проф. З.Х. Саралиева. В рамках данной статьи анализируются результаты опроса 347 подростков, проживающих на территории Нижегородской обл. в 2006 – 2007 гг.

Для большинства подростков будущее тесно связано с созданием семьи, желанием жить вместе и жениться/выйти замуж (Табл. 1), что неудивительно – в нашей стране безбрачие никогда не имело широкого распространения. Например, по данным переписи населения РФ 2002 г., доля лиц в возрасте 40 – 49 лет, никогда не состоявших в браке, составляла 6,3% мужчин и 4,8% женщин¹, но при этом стоит отметить, что, по данным переписи населения 1979 г., в тех же возрастных группах никогда не состояли в браке только 2% мужчин и 4% женщин².

Таблица 1

Планы подростков на будущие семейные/сожительские отношения*, в %

Что касается моих будущих семейных/ сожительских отношений, я бы хотел (а) ...	Юноши	Девушки
... жить вместе и жениться (выйти замуж)	55,8	81,4
... жить вместе, но не жениться (не выходить замуж)	6,5	4,3
Я не хочу иметь сожительских/семейных отношений	6,4	4,2
Я не знаю	31,2	10,1

* разница статистически значима при $p < 0.001$

Однако стоит заметить, что среди юношей также велика доля и не определившихся, почти каждый третий из них на вопрос о своих будущих семейных отношениях выбрал вариант ответа "Я не знаю", в то время как среди девушек подобный выбор сделала лишь каждая десятая.

¹ Мужчины и женщины по возрастным группам и состоянию в браке [Online] // Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 14_16. – М.: Официальный сайт ГКС РФ [Обращение к документу: 25 сентября 2007 г.]. Доступ через <<http://www.gks.ru>>.

² Женщины и мужчины России: Крат. стат. сб./ Госкомстат России. – М., 1997. – С. 22.

Мысли о будущих семейных отношениях значительно чаще волнуют девушек, чем юношей. Четверть опрошенных девушек думают о замужестве или сожительских отношениях часто или ежедневно, в то время как большинство юношей (55,2%) не думают об этом вообще или редко (табл. 2).

Таблица 2

Как часто подростки думают о своих будущих сожительских отношениях или о женитьбе (замужестве)*, в %

Как часто Вы думаете о своих будущих сожительских отношениях или о женитьбе (замужестве)?	Юноши	Девушки
Никогда или редко	55,2	27,7
Иногда	32,7	46,6
Часто или ежедневно	12,1	25,6

* разница статистически значима при $p < 0.001$

При этом 72,2% юношей и 80,6% девушек отметили, что будущее сожительство или женитьба (замужество) вызывают у них положительные эмоции. Положительные эмоции и надежды также преобладают у подростков и при оценке ими своей будущей семейной жизни (Табл. 3), хотя стоит отметить, что у юношей оптимизма меньше: 30,3% процентов из них выбрали нейтральный вариант ответа по шкале страх \leftrightarrow надежда против 18,4% у девушек, да и страх в ответах молодых людей встречается чаще, чем у сверстниц.

Таблица 3

Какие чувства возникают у подростков, когда они думают о своей будущей семейной жизни, в %

Какие чувства и эмоции у Вас возникают, когда Вы думаете о своей будущей семейной жизни	Юноши	Девушки
Страх	9,2**	4,9**
Ни страха, ни надежды	30,3**	18,4**
Надежда	60,5**	76,7**
Отрицательные эмоции	6,6*	4,4*
Нейтральные эмоции	21,2*	15,0*
Положительные эмоции	72,2*	80,6*

* разница статистически значима при $p < 0.05$

** разница статистически значима при $p < 0.001$

Эти различия, в частности, могут быть объяснены тем, что для девушек вопрос создания семьи находится в более близкой временной перспективе, почти три четверти опрошенных девушек предполагают, что выйдут замуж (создадут семью) в возрасте до 25 лет, 26% в 25 - 29 лет и лишь 1,1% старше 30 лет. Юноши ориентируются создать семью в более зрелом возрасте (Табл. 4). Средний возраст вступления в брак для девушек составил 22,7 года, а для юношей – 25,0 лет. Подобная асимметрия укладывается в традиционные представления россиян о том, что муж должен быть старше жены на 2 – 3 года¹, и соответствует ожиданиям по отношению к выполнению основных семейных ролей: муж – глава семьи, кормилец, а жена – мать, домохозяйка; при этом для мужчин приоритетным направлением остается общественная сфера, а для женщин – семья/дом.

Таблица 4

Предполагаемый возраст создания семьи подростками*, в %

Если Вы хотите жениться (выйти замуж): Как вы думаете, сколько Вам будет лет, когда это произойдет?	Юноши	Девушки
до 25 лет	30,2	72,9
25 – 29 лет	57,6	26,0
более 30 лет	12,2	1,1

* разница статистически значима при $p < 0.001$

Создание семьи и планирование семейного будущего тесно связывается подростками с детьми. Подавляющее большинство девушек и юношей не представляют своего будущего без детей (табл. 5), хотя стоит отметить, что 14,7% опрошенных юношей ответили на

¹ См., например: Заикина, Г.А. Возрастная и социокультурная гомогенность как критерий выбора брачного партнера / Г.А. Заикина // Семья в представлении современного человека. – М.: Институт социологии АН СССР, 1990. – С. 19 – 21.

вопрос о желание иметь детей – "не знаю", в то время как среди девушек сомневающихся и/или не желающих иметь детей всего 6,3%.

Таблица 5

Желание подростков иметь детей в будущем*, в %

Когда-нибудь Вы захотите иметь детей?	Юноши	Девушки
Да/возможно	83,4	93,7
Нет/возможно нет	1,9	2,1
Я не знаю	14,7	4,2

* разница статистически значима при $p < 0.01$

При этом можно отметить ярко выраженную ориентацию на малодетность среди подростков, желаемое число детей практически не отличается у юношей и девушек и составляет 1,87 и 1,83 соответственно (табл. 6), что несколько меньше по сравнению с другими исследованиями, например, желаемое число детей, по данным опросов женщин России в 1995 – 1999 гг. ВЦИОМом, варьировалось от 2,01 до 2,14¹. Однако в целом полученные данные сопоставимы с результатами исследования 17-летних подростков "Молодежь России: три жизненные ситуации"², в частности, подтверждается преобладание ориентаций на двух- и однодетные семьи; при этом девушки демонстрировали большую склонность к однодетной семье. Массовое распространение малодетности в нашей стране и возможность регулировать рождаемость приводит к отказу от третьего и последующих детей.

¹ Например, Бодрова, В.В. Репродуктивные установки россиян как барометр социально-экономических процессов / В.В. Бодрова // Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ – Интерцентр – АНХ. – 1999. – №4 (июль–август). – С. 35 – 36.

² Беляева, Г.Ф. Брачно-семейные установки молодежи: демографические аспекты / Г.Ф. Беляева, И.Д. Горшкова // Материалы всероссийской научно-практической конференции "Семья в России: теория и реальность" г. Тверь, 29–30 октября 1999 г. – Тверь, 1999. – С. 102 – 105. Исследование проведено в марте 1997 г. ЦСИ МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и при участии НИЦ Института молодежи в 56 субъектах Российской Федерации.

Таблица 6

Желаемое число детей в планах подростков, в %

Как много детей Вы хотите иметь?	Юноши	Девушки
1	26,4	26,9
2	60,5	61,4
3	9,3	10,1
4 и более	3,8	1,6

Однако при постановке вопроса о предпочтительности пола единственного ребенка мнения юношей и девушек сильно разошлись: для большинства юношей при таком раскладе предпочтительным виделся мальчик, в то время как 41,7% девушек хотели иметь дочь (табл. 7).

Эти результаты подтверждают, предположение американских психологов Э. Маккаби и К. Джеклин о том, что отношение к ребенку в известной степени зависит от того, совпадает ли пол ребенка с полом родителя. "Каждый родитель хочет быть образцом для ребенка своего пола. Он особенно заинтересован в том, чтобы обучить ребенка секретам и "магии" собственного пола. Поэтому отцы уделяют больше внимания сыновьям, а матери – дочерям"¹.

Таблица 7

Желаемый пол единственного ребенка*, в %

Если бы у Вас был только один ребенок, Вы бы предпочли, чтобы он был мальчиком или девочкой?	Юноши	Девушки
Мальчиком	63,8	21,1
Девочкой	8,0	41,7
Не имеет значения	28,2	37,2

* разница статистически значима при $p < 0.001$

Причины, которыми подростки объясняли желание иметь детей, в целом у юношей и девушек совпадают (табл. 8). Дети, прежде всего, воспринимаются как эмоционально-психологическая цен-

¹ Цит. по: Кон, И.С. Вкус запретного плода: сексология для всех / И.С. Кон. – М.: "Семья и школа", 1997. – С. 64.

ность. Так, наибольшие показатели получили следующие высказывания: "Потому что это радость иметь маленького ребенка" (средний балл у девушек и юношей - 4,37 и 3,94 соответственно); "Потому что получаешь удовольствие, когда наблюдаешь за тем, как ребенок растет" (4,31 – у девушек и 3,97 – у юношей); "По причине особенной любви, которая развивается между родителем и ребенком" (4,29 – у девушек и 3,89 – у юношей). Далее идут семейные факторы и защищенность в старости. Наименьшие показатели характерны для экономико-нормативных факторов, например: "Потому что родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников" (2,66 – у девушек и 3,08 – у юношей); "Чтобы иметь еще одного человека, который бы материально помогал семье" (2,30 – у девушек и 2,84 – у юношей).

При этом отметим, что,

- разброс показателей/ответов у юношей значительно меньше, чем у девушек,
- девушки давали более высокую оценку, чем юноши значимости эмоциональных причин ценности детей,
- юноши более высоко оценивали экономико-нормативные причины ценности детей, чем девушки,
- для семейных ценностей и ценностей защиты в старости показатели у юношей и девушек были наиболее близки.

Таблица 8

**Причины, которыми подростки объясняют желание иметь детей,
средние показатели**

Причины, которыми люди объясняют желание иметь детей (важно и очень важно).	Латентные переменные	Юноши	Девушки	Подростки в целом
Потому что это радость иметь маленького ребенка	Эмоциональная	3,94**	4,37**	4,17
Потому что получаешь удовольствие, когда наблюдаешь за тем, как ребенок растет	Эмоциональная	3,97**	4,31**	4,15
По причине особенной любви, которая развивается между родителем и ребенком	Эмоциональная	3,89**	4,29**	4,11
Потому что в доме весело, когда есть дети	Эмоциональная	3,86*	4,17*	4,03
Потому что ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей	Защищенность в старости	3,89	3,95	3,92
Иметь кого-нибудь, чтобы любить и заботиться о нем	Эмоциональная	3,77	4,03	3,91
Потому что дети повышают чувство ответственности и помогают Вам развиваться	Семейная	3,65	3,75	3,70
Потому что воспитание детей помогает узнать Вам больше о жизни и о себе	Семейная	3,60	3,71	3,66
Ваши дети смогут помочь Вам, когда Вы будете пожилыми	Защищенность в старости	3,65	3,62	3,63
Потому что любой новый член семьи делает Вашу семью более значимой	Семейная	3,56	3,60	3,58
Потому что люди, имеющие детей, реже бывают одиноками в пожилом возрасте	Защищенность в старости	3,55	3,56	3,56

Причины, которыми люди объясняют желание иметь детей (важно и очень важно).	Латентные переменные	Юноши	Девушки	Подростки в целом
Чтобы не прерывалась фамилия, род	Экономико-нормативная	3,81**	3,02**	3,38
Чтобы быть уверенным, что достаточное число детей доживает до взрослого возраста	Экономико-нормативная	3,19	2,82	2,98
Потому что родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников	Экономико-нормативная	3,08**	2,66**	2,85
Чтобы иметь еще одного человека, который бы материально помогал семье	Экономико-нормативная	2,84**	2,30**	2,55

* разница статистически значима при $p < 0.05$

** разница статистически значима при $p < 0.001$

СЕМЕЙНЫЕ МОДЕЛИ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: МЕЖПОКОЛЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РОДИТЕЛЕЙ ВЗРОСЛЫМИ ДОЧЕРЬМИ¹

Майер Б., Клюк Т., Троммсдорфф Г.

Введение

В данном исследовании проводится сравнение российских и немецких матерей в возрасте 40-45 лет с точки зрения их самооценки, самосознания, характера отношений с матерями, а также форм поддержки родителей. Женщины, у которых есть дети подросткового возраста, рассматриваются здесь как взрослые дочери. Эмпирические данные были получены в рамках исследования “Ценность детей и межпоколенные отношения” (Trommsdorff, Nauck, в 2001, в 2005; Trommsdorff, Kim, Nauck, 2005), полученные на трех выборках относительно семейных отношений и ценностей в 15 странах.

Сравнение личностных признаков и особенностей взаимоотношений взрослых дочерей в России и Германии интересно в силу предположения о том, что в этих странах преобладают различные семейные модели. Эти модели отражаются как в индивидуальных ценностях (общих или семейных), так и в фактических взаимоотношениях членов семьи. Важным компонентом отношений между взрослыми детьми и их стареющими родителями является взаимная поддержка.

Из-за различий в историческом развитии обеих стран нужно исходить из того, что в России преобладает более традиционная семейная

¹ Данное исследование является частью международного исследовательского проекта „Ценность детей и межпоколенные отношения“ и основано на докладах, подготовленных в рамках немецко-российского семинара по вопросу ценности детей. Данный семинар состоялся 30.10.-02.11.2007 в Хемнице. Российская часть исследования была профинансирована ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Основная часть исследования и семинар финансировались Немецким исследовательским обществом DFG (TR 169/9-1,2,3; NA 164/9-1,2,3).

модель. Это является следствием включенности Германии в западную культуру и процесса индивидуализации, последовавшего во второй половине прошлого века. Это развитие, сопровождающееся организационной и экономической модернизацией, затрагивало и семью как самый важный институт социализации и вело к ослаблению связей между членами не только расширенных, но и нуклеарных семей.

Россия в XX веке пережила волнующую историю, которая была отмечена более чем семидесятилетней эпохой коммунизма и социализма. Хотя коммунизм вряд ли можно назвать идеологией, поддерживающей традиционные семейные ценности, нужно исходить из того, что отсутствие индивидуализации, которую можно было наблюдать в западной культуре, скорее не повлияло на внутрисемейные связи. Коллективистские ценности, которые в коммунистической общественной системе лежали в основе всех жизненных сфер, способствовали тому, чтобы подчеркивать роль и значение семьи как части и источника общества. С начала 90-х годов Россия переживает драматическую социальную трансформацию от системы государственного социализма к демократическому обществу рыночной экономики. Эта институциональная трансформация сопровождается нарастающей (преимущественно экономической) индивидуализацией. Однако остается открытым вопрос о том, в какой степени эти процессы в настоящее время сказываются или уже сказались на семье.

Конечно, нельзя игнорировать того факта, что в Германии со времен политической трансформации 1989/1990 гг. развернулся аналогичный процесс, который мы, однако не будем подробно рассматривать: в центре исследования находится сравнение России с объединенной Германией. Мы будем исходить из того, что внутрикультурные различия в восточной и западной Германии существенно ни-

же, чем межкультурные, поскольку, во-первых, обе части страны некогда были связаны общей культурой и, во-вторых, ассимиляция востока западом состоялась довольно быстро и этот процесс все еще продолжается. Однако даже по прошествии более чем десятилетия с момента объединения Германии незначительные различия в содержании семейных ценностей между востоком и западом сохраняются, что было показано в работе Б. Майера и Г. Троммсдорфф. (2007). Этот факт, однако можно проигнорировать, поскольку в немецкой выборке западногерманские женщины составляли две трети, и лишь третья часть матерей были выходцами из восточных земель.

Этот краткий исторический экскурс в процессы модернизации и индивидуализации служит основой для выдвижения общей гипотезы, что в России, в отличие от Германии, господствует традиционная семейная модель. Она (гипотеза) не претендует на историческую и теоретическую полноту. В дальнейшем эти различные предпосылки будут рассмотрены с точки зрения теории семейных моделей Ч. Каитчибаши (2005, 2007), чтобы на этой основе вывести гипотезы для эмпирического исследования.

Теория семейных моделей Ч. Каитчибаши

В своей теории семейных моделей или изменения семейных моделей Ч. Каитчибаши (2007) описывает три идеальнотипические семейные модели, которые должны преобладать в определенном историческом и культурном контексте. Здесь противопоставляются друг другу традиционная семейная модель взаимозависимости и современная, прежде всего, западная семейная модель независимости. Третья модель – эмоциональной взаимозависимости является синтезом первых двух полярных концепций и считается, что она развивается в процессе институциональной и экономической модернизации

как альтернатива модели независимости в некогда традиционных взаимозависимых культурах. Дадим краткую характеристику этим трем идеальнотипическим семейным моделям.

Семейная модель двусторонней зависимости или взаимозависимости

Данная модель характеризуется следующими признаками. Семейная структура охватывает широкий круг лиц, даже дальние родственники воспринимаются как близкие и включаются в круг тесных взаимоотношений. Различные виды семейной поддержки осуществляются в направлении от детей к родителям, рождаемость находится на высоком уровне, а женщины в данной модели имеют невысокий социальный статус. Дети представляют собой главным образом экономическую ценность: они не рассматриваются как издержки, а, напротив, представляются необходимой рабочей силой в родительском хозяйстве и единственным источником помощи состарившимся родителям. Модель взаимозависимости является преобладающей в сельских районах аграрных стран с низким уровнем жизни. Из-за того, что сыновья могут принести в будущем больший доход, предпочтение отдается детям мужского пола. Воспитание преимущественно авторитарное и основывается на командной власти родителей и послушании детей. Эта модель социализации, по мнению Ч. Каитчибаши, ведет к формированию межпоколенной и семейной взаимозависимости и в дальнейшем к высокой межличностной взаимозависимости. На первом месте в этой модели стоит поддержание и сохранение внутрисемейной гармонии.

Семейная модель автономности или независимости

Антиподом традиционной семейной модели выступает семейная модель независимости. Она характеризуется нуклеарной семейной структурой, в которой все виды помощи и поддержки направле-

ны от родителей к детям. Для нее характерны низкая рождаемость и высокий статус женщины в семье. В процессе социализации особая ценность принадлежит личной независимости и индивидуальным (а не коллективным) целям. Дети имеют высокую психологическую, а также немалую материальную ценность. При этом отсутствует приоритет мальчиков перед девочками. Воспитание является достаточно либеральным, и ребенок должен стать самостоятельным как можно раньше. Наряду с независимостью от семьи и старших поколений ребенок стремится к общей межличностной независимости. Подобная семейная модель встречается преимущественно в промышленно-развитых западных странах с высоким уровнем жизни.

Фактически существующие семейные структуры и системы в индивидуализированных обществах, конечно же, не в полной мере корреспондируют с описанной моделью. Более того, даже внутри западного культурного пространства существуют известные различия (например, между северной и южной Европой). Кроме этого раздаются голоса, ставящие под сомнение саму картину западных семейных структур. Они указывают на существующий (особенно в США) разрыв между всепроникающей идеологией индивидуализма и фактически наблюдаемым поведением, когда в ряде случаев можно слышать высказывания о нарастающей индивидуализации при сохраняющейся высокой зависимости от поколенных и родственных отношений.

Семейная модель эмоциональной взаимозависимости

Культуры не статичны, они находятся в процессе постоянного изменения. Всеми принимается идея о том, что так называемые развивающиеся страны по меньшей мере экономически двигаются в направлении западных индустриальных государств. Остается однако спорным, обернется ли их экономическое и промышленное развитие

также культурным развитием в направлении западной, независимой общественной и семейной модели. Существует немало кросс-культурных исследований, которые показывают, что снижающаяся материальная зависимость в семье вследствие экономического процветания не приводит автоматически к эмоциональной независимости. Напротив, межпоколенные и семейные связи во многих странах меняются лишь незначительно, а то и вовсе не теряют своей значимости. (Georgas, Berry, van de Vijver, Kagitcibasi, & Poortinga, 2006). Более того, исторические исследования показывают, что европейская семейная модель независимости сформировалась задолго до индустриализации. Заимствование экономических структур западного мира не должно означать, что традиционные эмоциональные и социокультурные структуры, которые в прошлом оказывались весьма функциональными, отступят перед новыми структурами западного индустриального общества.

Эта семейная модель встречается преимущественно в городских экономически развитых районах стран третьего мира, находящихся в процессе модернизации. Неразрывность культуры и связанных с ней ценностей гарантирует дальнейшее сохранение тесных семейных связей. Вследствие урбанизации теряет свое значение наследование земельных наделов, благодаря чему снижается значение патриархальности и падает приоритет сыновей. Также снижается рождаемость, поскольку число детей в городских условиях больше не является решающим фактором экономической безопасности родителей. Одновременно возрастает статус и общественное признание женщины из-за возросших возможностей получения образования и трудоустройства. Поскольку материальное обеспечение родителей детьми не так необходимо, как раньше, вектор денежных инвестиций смещается в сторо-

ну детей. Это, однако, не означает в нашей модели интенсивности эмоциональных отношений детей и их родителей. Стиль воспитания в такой модели эмоциональной взаимозависимости нельзя назвать ни либеральным, ни авторитарным: он, скорее, авторитетный. Это является результатом сочетания воспитания самостоятельности и одновременно высокой ценности тесных семейных и групповых связей. Стремление ребенка к автономии в городских условиях больше не переживается как угроза в отличие от сельского контекста, где все члены семьи должны были тянуть одну лямку, чтобы обеспечить выживание семьи.

Межпоколенная поддержка, характер отношений, ценности и самосознание как часть семейных моделей

В теории семейных систем взаимная межпоколенная поддержка играет важную роль. В то время как в традиционной семейной модели взаимозависимости вектор межпоколенной помощи направлен от потомков к родителям, в современной, так называемой западной семейной модели независимости, наоборот – старшее поколение фактически обязано поддерживать своих детей. Помимо направления помощи теория семейных систем выделяет два различных вида поддержки или внутрисемейной связи: материальную и эмоциональную. Если традиционная взаимозависимая семейная модель отличается высоким уровнем обоих видов поддержки или связи, то для независимой семейной модели характерен низкий уровень как материальной, так и эмоциональной поддержки и низкий уровень близости в отношениях членов семьи. Семейная модель эмоциональной взаимозависимости характеризуется снятием материальных зависимостей при одновременном сохранении сильной эмоциональной зависимости. Здесь также огромную роль играет эмоциональная поддержка между поколениями и общая эмоциональная близость, интимность

отношений. Наряду с готовностью к поддержке постаревших родителей были выяснены также ее мотивы. Согласно литературе, можно выделить просоциальные и нормативные мотивы, где первые можно приписать эмоциональным, а вторые – материальным зависимостям. Расположение нормативных мотивов в «материальной» области обусловлено сильной связью между материальными зависимостями и иерархическими структурами в семье, которые в свою очередь порождают жесткие нормы.

Наряду с межпоколенной поддержкой и качеством отношений важную роль для данного исследования играют общие и семейные ценности. Здесь исследуются индивидуалистические и коллективистские ценности, а также традиционные семейные ценности. Сюда следует добавить независимое или взаимозависимое самосознание или Я-концепцию. Эти ценности и самосознание следует поместить в три идеальнотипические семейные модели. В семейной модели взаимозависимости особенно важны коллективистские и традиционные семейные ценности и должно преобладать взаимозависимое самосознание. В семейной модели независимости главную роль, напротив, играют индивидуалистические ценности и самосознание должно иметь также, скорее, независимый характер. В семейной модели эмоциональной взаимозависимости сохраняется важность коллективистских и семейных ценностей, хотя одновременно приобретают важность индивидуалистические ценности. Здесь должно быть сильно выражено как независимое, так и взаимозависимое Я, поскольку идеальнотипическое Я в этой модели является относительно независимым, таким образом автономия и связь объединяются.

Постановка вопросов и гипотезы

Мы не ставим целью нашего исследования отнесение взрослых дочерей из Германии и России к одной из трех идеальнотипических

семейных моделей на основании перечисленных переменных. Это невозможно хотя бы потому, что лишь немногие значимые аспекты теории семейных моделей являются предметом исследования. Поэтому теория семейных моделей является здесь скорее некоей теоретической рамкой и основой для интерпретации результатов. Основной гипотезой исследования является предположение о том, что российские взрослые дочери, в отличие от немецких, с точки зрения ценностей, самосознания, качества отношений и помощи родителям демонстрируют пример традиционной семейной модели. Кроме этого, ставится вопрос о том, возможно ли по результатам исследования отнести немецких и/или российских взрослых дочерей к одной из перечисленных моделей.

Германия как западная, высокоразвитая и благополучная страна, согласно концепции Ч. Каитчибаши, однозначно относится к независимой семейной модели. Однако вполне возможно, что даже немецкие взрослые дочери также могут вести себя в рамках модели эмоциональной взаимозависимости. Это складывается из высказанного выше утверждения, что элементы независимости в индивидуалистических культурах зачастую имеют нормативный, нежели фактический характер и, во-вторых, из высказанного Ч. Каитчибаши предположения, что изначально независимые культуры могут трансформироваться в модель эмоциональной взаимозависимости, поскольку она представляет собой синтез универсальных человеческих потребностей в автономии и привязанности, в направлении которой могут продвигаться обе (независимая западная и традиционная взаимозависимая) культуры.

Согласно теории семейных систем, Россия должна склоняться к модели эмоциональной взаимозависимости, поскольку она (Россия)

не относится к неразвитому аграрному традиционному обществу и не отличается высоким уровнем благосостояния и индивидуалистической культурой запада. Стремительные изменения, происходящие в современной России, также укладываются в положения теории Ч. Каитчибаши о семейной модели эмоциональной взаимозависимости.

В формулировке общей гипотезы о большей традиционности семейной модели в России можно выдвинуть соответствующие гипотезы относительно каждой из переменных теории семейных систем Ч. Каитчибаши:

- Относительно ценностных ориентаций следует ожидать, что немецкие взрослые дочери продемонстрируют более высокий уровень индивидуализма и заниженный коллективизм (гипотезы 1а и 1б). Напротив, российские взрослые дочери покажут более высокий уровень традиционных семейных ценностей, чем немецкие (гипотеза 2).
- В плане самосознания ожидается, что немецкие взрослые дочери окажутся независимее и менее взаимозависимыми, чем российские (гипотезы 3а и 3б).
- Из-за гипотетически более высокой эмоциональной привязанности российские взрослые дочери должны будут продемонстрировать большую близость в отношениях с собственными матерями (гипотеза 4).
- Относительно поддержки собственных родителей ожидается, что российские взрослые дочери оказывают своим родителям больше помощи, как материальной, так и моральной (гипотезы 5а и 5б). Эта гипотеза вытекает из преобладающего вектора поддержки, который в независимой модели направлен от родителей к детям и, следовательно, наоборот (от взрослых дочерей

к их родителям) в Германии уровень поддержки должен быть ниже, чем в России.

- То же относится и к предполагаемой высокой готовности помочь своим постаревшим родителям в будущем (гипотеза 7а).
- Относительно мотивации на поддержку ожидается, что российские взрослые дочери продемонстрируют как высокую нормативную, так и высокую просоциальную мотивацию на поддержку (гипотезы 7б и 7с).

Метод исследования

Описание выборки. Эмпирическое обобщение основано на ответах взрослых дочерей из России и Германии, чьи матери были живы в момент исследования VOS (немецкая выборка – 246, российская – 213.). Эти взрослые дочери одновременно являлись матерями детей подростков, которые также были опрошены в рамках исследования, но не являются предметом данной статьи. Здесь будут приведены данные, касающиеся лишь взрослых дочерей. Некоторые данные базируются на ответах матерей этих женщин. Сравнение выборочных характеристик обеих стран представлены в таблицах 1 и 2 и ниже дано их краткое описание.

Средний возраст российских взрослых дочерей, опрошенных в процессе исследования, составляет 41 год, что на 2 года меньше аналогичного показателя в Германии. Эта разница оказалась весьма значимой (см. табл. 1). Большинство опрошенных в обеих выборках были замужем (см. табл. 2) и в момент исследования имели двоих детей, причем среди российских взрослых дочерей данный показатель в среднем был заметно ниже, чем среди немецких (см. Таблицу 1). Те факты, что ни одна из опрошенных женщин не была одинока, как и большее по сравнению со статистикой число детей (Германия – 1,3 и

Россия – 1,3, по данным Программы развития ООН, 2007), были обусловлены конструкцией исследования. Для него были выбраны только те взрослые дочери, которые имели детей и жили в долгосрочном партнерстве или браке.

Большинство опрошенных в обеих странах оценили свой социально-экономический статус как средний, причем российская выборка показала значительно меньший уровень достатка, чем немецкая (табл. 1). Различие, однако, было относительно небольшим. Значимость собранных подобным образом данных о социально-экономическом статусе мала, поскольку ответы необходимо рассматривать в контексте макроэкономических показателей каждой страны, которые весьма различны и не позволяют проводить абсолютных сравнений. Следует отметить, что и в Германии, и в России выборка состоит преимущественно из представителей средних социальных слоев, что делает сравнительный анализ оправданным.

Таблица 1.

Социодемографические характеристики российской и немецкой выборки

	Германия M (SD)*	Россия M (SD)	t- значение	df* *
Возраст взрослых дочерей	43.48 (4.50)	41.29 (4.87)	4.99**	452
Возраст их матерей	69.99 (6.74)	68.12 (7.30)	2.78**	437
Число детей	2.28 (.81)	1.75 (1.06)	5.81**	431
Социоэкономический статус	3.05 (0.62)	2.76 (0.59)	3.32**	454

Примечание. * $p < 0.05$, ** $p < 0.1$; *M – среднее, SD – ср. кв. отклонение; **df – число степеней свободы.

Распределение по образовательному уровню в обеих выборках весьма схоже. Большинство опрошенных имели среднее или высшее образование (см. табл. 2). Что касается профессиональной деятельности, то здесь было замечено серьезное различие: в немецкой выборке большинство взрослых дочерей были заняты неполный рабочий день, в то время как в России данная пропорция была обратной.

Здесь женщины по большей части работают полный рабочий день, и лишь небольшая часть занята неполный день или вообще не имеют работы. В итоге: доля незанятых в России значительно ниже, чем в Германии (табл. 2).

Таблица 2:

**Социодемографические характеристики
русской и немецкой выборки**

	Германия %	Россия %	
Семейное положение дочерей	замужем	89.4	81.1
	повторный брак	7.3	8.3
	незарегистрированное партнерство	3.3	10.7
Уровень образования дочерей	низкий	7.8	1.4
	средний	67.1	71.8
	высокий	25.1	26.8
Профессиональная деятельность	Полная занятость	28.6	79.2
	частичная занятость	53.0	15.1
	не работающая	18.4	5.7
Семейное положение матерей	замужем/повторный брак	53.1	28.1
	одинокая	46.9	71.9
Необходимость ухода за родителями	минимум одному родителю сейчас нужен уход	11.6	51.8
	минимум один родитель нуждался в уходе	13.6	11.3
	никто из родителей не нуждался в помощи	74.8	36.9
Территориальная удаленность	в той же квартире	0.8	40.0
	в том же городе	62.6	54.3
	в другом городе/стране	36.7	5.8
Частота контактов	ежедневно	23.1	62.9
	≥ 1 раза в неделю	64.5	32.0
	< 1 раза в неделю	12.4	5.1

Матери опрошенных взрослых дочерей в русской выборке, чей средний возраст составлял 68 лет, оказались примерно на два года младше немецких (см. табл. 1). Из-за заметных различий в ожидаемой продолжительности жизни женщин в обеих странах (в 2005: Россия = 72.1 года; Германия = 81.8 лет; Программа развития ООН, 2007, с. 326f) следовало бы ожидать, что российские матери имеют

менее крепкое здоровье и в большей степени нуждаются в поддержке. Более того, в российской выборке число одиноких овдовевших женщин оказалось выше, чем в немецкой (см. табл. 2). Это отражает особенно высокий разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин в обеих странах (58,6 лет в России и 76,2 года в Германии, по данным Программы развития ООН 2007, S. 326f на 2005 г.). Эти два обстоятельства, возможно, объясняют наличие большого числа нуждающихся в уходе родителей (матерей) в российской выборке. Различие условий в обеих странах, способных оказать влияние на потребность в уходе, должны быть учтены при измерении существующей поддержки или готовности помочь.

Российские взрослые дочери живут ближе к своим матерям, чем немецкие. Почти все проживают в одном городе, а многие даже в одной квартире (см. табл. 2). С одной стороны, это объясняется плохими финансовыми возможностями и отсутствием учреждений для опеки пожилых, а с другой – возможно повышенной потребностью родителей в уходе, о которой было сказано выше. В немецкой выборке, напротив, треть опрошенных проживала в другом месте и даже в другой стране и лишь немногие жили под одной крышей со своими матерями. Соответственно, российские взрослые дочери чаще контактировали со своими матерями, чем немецкие. В обеих выборках большинство опрошенных контактировали со своими матерями минимум раз в неделю лично, по электронной или обычной почте, а также по телефону (табл. 2).

Инструменты сбора данных

Табл. 3 дает представление об инструментах, использованных в этом исследовании, и их надежности, что будет коротко описано далее (См. Schwarz, Chakkarath, Trommsdorff, Schwenk & Nauck, 2001).

Индивидуализм и коллективизм. Для измерения уровня индивидуализма и коллективизма Шварцем и Бильски была разработана

краткая версия КОЛИНДЕКС (Chan 1994). Опрашиваемые должны были оценить по пятибалльной шкале (от 1 – вообще не важно до 5 – очень важно), насколько важны для них те или иные коллективистские или индивидуалистские ценности. Надежность в обеих выборках была на достаточном уровне (см. табл. 3).

Семейные ценности были измерены при помощи двух субшкал, взятых из Шкалы семейных ценностей Георгаса (Georgas' 1991). Обязанности детей в отношении их родителей и наоборот должны были быть оценены по пятибалльной шкале (от 1 – не приемлемо до 5 – совершенно согласен). Для повышения надежности обе субшкалы были объединены в одну и одна переменная была удалена. Окончательный вариант шкалы показывал несколько пониженный, но достаточный уровень надежности (см. табл. 3).

Независимость/Взаимозависимость. Чтобы измерить независимость или взаимозависимость самосознания, была использована укороченная версия Шкалы Я-конструкта Сингелиса (1994). Переменные были переформулированы таким образом, чтобы развернуть их в сторону семьи опрашиваемых. Переменные оценивались по пятибалльной шкале (от 1 – совершенно не согласен до 5 – совершенно согласен). Шкала взаимозависимости продемонстрировала в обеих выборках достаточную надежность и устойчивость. Для повышения надежности шкалы независимости была удалена одна переменная. Конечный вариант шкалы достиг в российской выборке достаточной надежности, в немецкой выборке альфа Кронбаха оставалась все еще достаточно низкой (см. табл. 3).

Характер отношений: близость. Близость в отношении с матерями была измерена на основе субшкалы из Описания сети взаимоотношений (NRI) (Furman & Buhrmester, 1985). Респонденты должны

были оценены по пятибалльной шкале (от 1 – никогда до 5 - всегда) частоту обмена такими транзакциями, как забота, секреты и т.д. Тесты надежности показали хорошие результаты для обеих выборок (см. табл. 3).

Таблица 3.

Показатели надежности всех использованных шкал

Переменные	Пример	Кол-во вопросов	Cronbach's α	
			Германия	Россия
Ценности				
Индивидуализм	„интересная жизнь (новые опыты)“	7	.69	.76
Коллективизм	„Послушание (исполнение долга)“	6	.74	.76
Семейные ценности	„Дети обязаны заботиться о своих родителях, когда те станут старыми“	6	.64	.59
Я-концепция				
Независимость	„Моя личная идентичность, независимая от моей семьи, очень важна для меня“	4	.53	.63
Взаимозависимость	„Мое счастье зависит от благополучия моей семьи“	5	.72	.70
Характер отношений				
Близость	„Как часто Вы рассказываете своей матери о том, что вас занимает?“	3	.85	.70
Поддержка				
Материальная поддержка	„...взять на себя работу по дому или покупки в магазинах“	3	.80	.62
Эмоциональная поддержка	„...давали совет“	3	.82	.74
Готовность поддержать	„Насколько бы Вы согласились терпеть финансовые трудности, чтобы помочь родителю?“	7	.89	.92
Мотивация				
Просоциальная мотивация	„потому что я хочу, чтобы мой родитель чувствовал себя хорошо“	5	.92	.79
Нормативная мотивация	„потому что я испытывала бы чувство вины“	4	.77	.63

Эмоциональная и материальная поддержка была измерена инструментарием, разработанным исследовательской группой из Констанца специально для данного исследования и протестированного в ходе пилотажного исследования. По пятибалльной шкале (от 1 – никогда до 5 – всегда) была замерена частота различных проявлений помощи родителям за последние 12 месяцев. В обеих выборках шкалы показали высокую надежность, и лишь в российской выборке шкала материальной поддержки имела несколько пониженные значения альфа Кронбаха.

Готовность помочь и ее мотивация. Чтобы измерить готовность помочь и мотивацию на это, был использован инструмент, который был разработан в Констанце на основе конструкции Росси и Росси (Rossi und Rossi's 1991) для данного исследования. На первом этапе при помощи пятибалльной шкалы (от 1 – несколько до 5 – очень сильно) была замерена готовность вынести гипотетические трудности. Опрошенных попросили представить, как будто кто-то из родителей или оба родителя уже старые и дряхлые и зависят от помощи своих детей. Взрослых дочерей спросили, в какой степени они готовы принять на себя различные финансовые или эмоциональные нагрузки, чтобы помочь родителям в сложившейся ситуации. Шкала оказалась в обеих выборках очень надежной (см. табл. 3). На втором этапе была замерена мотивация на готовность к помощи. При помощи факторного анализа были определены измерения и построены соответствующие шкалы. Шкала просоциальной мотивации показала хороший и очень хороший уровень надежности; шкала нормативной мотивации имела несколько пониженное, но достаточное значение альфы Кронбаха.

Результаты

Для сравнения российской и немецкой выборки относительно индивидуалистских и коллективистских ценностей, независимости или взаимозависимости самосознания, качества отношений (близости) материальной и эмоциональной поддержки, готовности помочь и мотивации на эту помощь был проведен дисперсионный анализ. При дисперсионном анализе обоих видов поддержки и готовности помочь контролировалась существующая потребность родителей в соответствующем виде помощи со стороны детей. В качестве эмпирических индикаторов данной потребности выступали возраст матери и указанная взрослыми дочерьми степень потребности в уходе за родителями, т.к. предполагаемые различия стран относительно предоставляемой поддержки также могли бы быть отнесены к различной потребности родителей в поддержке в России и в Германии. Гипотеза, следовательно, такова, что даже после проверки потребности в поддержке, российские взрослые дочери поддерживают своих матерей чаще, чем немецкие. Переменная «Потребность в уходе» была перекодирована в дихотомическую (1 – по меньшей мере один из родителей нуждается в поддержке, 0 – ни один из родителей не нуждается в помощи).

Результаты показаны в табл. 4. В дополнение к основному анализу был проведен тест Левена на равенство дисперсий, чтобы дополнить картину распределения исследуемых переменных в обеих странах. Здесь даны наиболее значимые результаты. Для всех аналитических процедур был заложен уровень значимости $\alpha = .05$. Дополнительно приведены данные об интенсивности различий. Здесь использован η^2 , который указывает на различную групповую принадлежность объясненных компонентов дисперсий. Как правило, результат

на уровне $\eta^2 \leq .06$ свидетельствует о малом эффекте, от $.07 \leq \eta^2 \leq .13$ о среднем, на уровне $\eta^2 \geq .14$ – о высоком.

Ценности

Российские взрослые дочери по сравнению с немецкими, как и предполагалось, продемонстрировали значительно более низкий уровень индивидуализма наряду с высоким уровнем семейных ценностей (гипотезы 1а и 2). Для обеих переменных были продемонстрированы высокие значения (см. табл. 4). Более того, российская выборка была более гетерогенной по переменной индивидуализм – дисперсия оказалась выше, чем в немецкой выборке ($F = 7.21, p < .01$).

Что касается коллективизма, то было обнаружено различие, противоречащее гипотезе: немецкие взрослые дочери продемонстрировали более высокий уровень коллективизма, чем российские (гипотеза 1б). Результат был статистически значим, но очень невелик, т.к. только один процент дисперсии в коллективизме может быть объяснен через культурную принадлежность. (см. табл. 4).

Самосознание

Результаты исследования Я-концепции оказались ожидаемыми: российские взрослые дочери были значительно взаимозависимее, чем немецкие. В то же время немецкая выборка была значительно независимее российской (гипотезы 3а и 3б). Различие в независимости показало сильный эффект, во взаимозависимости – очень слабый. Это соответствовало различиям в силе эффекта коллективизма и индивидуализма, описанным ранее (см. табл. 4).

Характер отношений

Российские взрослые дочери продемонстрировали куда большую близость в отношениях со своими матерями, чем немецкие (ги-

потеза 4). Различие характеризовалось средним уровнем эффекта (см. табл. 4).

Таблица 4:

Сравнение средних по российской и немецкой выборкам

	Германия M (SD)*	Россия M (SD)	df	F-значение	η^2
Ценности					
Индивидуализм	3.80 (0.47) ¹	3.37 (.60) ¹	1	74.503**	.14
Коллективизм	4.13 (.50)	4.01 (.59)	1	5.48*	.01
Семейные ценности	3.70 (.48)	4.17 (.41)	1	119.70**	.21
Самосознание					
Взаимозависимость	4.03 (.55)	4.18 (.46)	1	9.78**	.02
Независимость	3.62 (.60)	3.03 (.66)	1	99.55**	.18
Характер отношений					
Близость	2.35 (.89)	2.82 (.81)	1	34.30**	.07
Поддержка					
Материальная поддержка ²	2.04 (1.02) ¹	2.64 0.86) ¹	1	45.80**	.09
	M _{кorr} =2.10	M _{кorr} =2.56		20.375**	.05
Эмоциональная поддержка ²	2.58 (0.86) ¹	3.06 (.76) ¹	1	39.20**	.08
	M _{кorr} =2.63	M _{кorr} =3.01		18.08**	.04
Готовность к поддержке ²	2.75 (1.00)	3.35 (.86)	1	46.73**	.09
	M _{кorr} =2.76	M _{кorr} =3.36		35.00**	.08
Просоциальная мотивация	4.01 (1.03)	4.34 (.46)	1	18.96**	.04
Нормативная мотивация	2.44 (.97)	3.19 (.70)	1	87.98**	.16

Примечание. Немецкие взрослые дочери (N = 246), российские взрослые дочери (N = 213).

1 Показатели теста равенства дисперсий Левена значимы..

2 Приведены результаты дисперсионного анализа до и после введения контрольных переменных (Потребность родителей в уходе и возраст матерей).

* $p < .05$, ** $p < 0.1$

* M – среднее, SD – ср.кв. отклонение.

Предоставляемая поддержка

Российские взрослые дочери, по сравнению с немецкими, демонстрируют большую готовность подставить плечо своим пожилым родителям и чаще оказывают им эмоциональную поддержку (гипотезы ба и бб). Сила эффекта лежит в области средних значений. При статистическом контроле актуальной потребности родителей эти различия уменьшились, но остались значимыми. При введении контрольных переменных уменьшилась также сила эффекта. В таблице 4 приведены как изначальные значения, так и те, что были получены

после введения контрольной переменной. Более того, российская выборка показала значительно меньшую дисперсию обеих видов помощи, чем не-немецкая (материальная помощь: $F = 6.48, p < .05$, эмоциональная поддержка: $F = 4.31, p < .05$).

Готовность к поддержке и ее мотивация

Что касается готовности помочь, то здесь обозначилось значительное различие, которое и было предсказано: даже после контроля нынешней и прошлой потребности в помощи со стороны родителей: российские взрослые дочери продемонстрировали большую готовность к помощи своим родителям, чем немецкие (гипотеза 7а). Сила эффекта здесь, как и при актуальной поддержке, находится на среднем уровне и практически не уменьшается при статистической проверке потребности родителей в уходе (смотри таблицу 4). Относительно мотивов готовности помочь была выявлена ожидаемая значительно более высокая нормативная мотивация с показательным эффектом у российских взрослых дочерей (гипотеза 7б). Просоциальная мотивация у российских взрослых дочерей также оказалась выше, чем у немецких (гипотеза 7с). Сила эффекта в данном различии была невысока (табл. 4).

Обсуждение и дискуссия

Обобщая полученные данные, можно сказать, что российские и немецкие взрослые дочери по исследуемым параметрам значительно отличаются друг от друга. Все обнаруженные эффекты были прогнозируемы за исключением различий в коллективизме, где была отмечена малая сила эффекта. Большие отличия можно было наблюдать по переменным индивидуализм, независимость, семейные ценности и нормативная мотивация. По первым двум немецкие взрослые дочери продемонстрировали значительно более высокие значения, чем

немецкие. При всех трех видах поддержки российские взрослые дочери продемонстрировали более высокие значения, даже после контроля потребности родителей в помощи, причем величина эффекта находилась в области средних значений. Можно указать на то, что российская выборка по сравнению с немецкой показала относительно индивидуализма значительно большую, а относительно материальной и эмоциональной поддержки меньшую дисперсию.

Эти результаты указывают на то, что для культурного сравнения гораздо более важную роль играют индивидуалистические ценности и независимое самосознание, нежели коллективистские ценности и взаимозависимое самосознание, относительно которых не было выявлено особых различий. Определяющим оказываются, таким образом, не различия в связи или важности в связи с другими вообще или с семьей, сколько важность того, насколько они определяют возможность самоопределения и конструирования жизни.

Это указывает на то, что автономия и связь возникают одновременно и необязательно противоречат друг другу, как это описывается в семейной модели эмоциональной взаимозависимости. Семейные ценности, показавшие самое большое различие, в этом смысле не зависят от коллективизма и взаимозависимости: наряду со связью они представляют собой, прежде всего, нормативные иерархические представления относительно семейной жизни. К таковым относятся, например, представления о том, что дети должны слушаться родителей или обязаны поддерживать их в старости. Заметный эффект относительно этих переменных подтверждает гипотезу традиционной семейной модели у российских взрослых дочерей.

Качество отношений и поддержка отличаются от ценностей настолько, насколько они отражают высказанное респондентами

фактическое или планируемое поведение. Здесь были обнаружены средние значения эффекта и все различия говорят о том, что российские взрослые дочери имеют более тесные отношения со своими родителями, что выражается в большей близости и частоте оказываемой им поддержки. Здесь, конечно, надо указать, что после проверки потребности родителей для обоих видов помощи можно было наблюдать небольшую величину эффекта. Это говорит об известном влиянии потребности в помощи на размер предоставляемой поддержки. Различия для каждого вида поддержки, как уже было сказано, показали похожие значения. Здесь не было обнаружено предполагаемых больших различий для инструментальной, чем для эмоциональной поддержки. Ярко выраженную высокую нормативную мотивацию на поддержку у российских взрослых дочерей следует рассматривать параллельно с различиями в семейных ценностях. Также была выявлена большая традиционность российских респондентов. То, что российские взрослые дочери одновременно демонстрируют высокую просоциальную мотивацию, показывает, что они в целом и целом сильнее мотивированы на поддержку собственных родителей.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что российские взрослые дочери предпочитают традиционную семейную в отношении ценностей и поддержки своих родителей. Большой традиционализм представляет собой, с одной стороны, меньший индивидуализм/независимость и большую ценность традиционных иерархических семейных структур (в семейных ценностях и нормативной мотивации на поддержку). Относительно межличностных и семейных связей не было выявлено каких-либо значимых отличий в соответствующих ценностях и самосознании. Напротив, различия выразились в большей близости российских взрослых дочерей со своими

родителями и в их усиленной поддержке. Различия в объемах оказываемой поддержки могут быть обусловлены как более сильной эмоциональной связью, так и более значительным нормативным давлением, т.к. в России нормативная мотивация поддержки оказалась более выраженной.

Оба измерения традиционализм/нормативность и теснота связей, как было отмечено в теории семейных моделей, следует рассматривать вместе с эмоциональной и материальной взаимозависимостью. Т.к. относительно измерения традиционализм/ нормативность между российскими и немецкими взрослыми дочерьми были отмечены значительные различия, российских респондентов можно описать через семейную модель взаимозависимости, в то время как немецкие взрослые дочери характеризуются независимой моделью. Тем не менее, столь невысокие различия в связях представленных переменных необязательно свидетельствуют о четкой принадлежности. Возможно, что обе культуры могут быть описаны при помощи модели эмоциональной взаимозависимости с той лишь разницей, что в Германии в большей степени выражены независимые, а в России взаимозависимые аспекты.

Поддержка собственных стареющих родителей и связанные с этим ценности и мотивы являются для опрошенных обеих стран важными темами для размышления. По всем прогнозам, в России по мере экономического развития будет построена мощная система социальной защиты, которая сможет взять на себя как минимум груз финансовой помощи, который в настоящее время лежит на детях. Напротив, в Германии в настоящий момент наблюдается частичный отход и приватизация системы социальной защиты, поскольку выяснилось, что государственная система не способна обеспечивать под-

держку стариков на нынешнем уровне в условиях старения общества (например, в части выплат пенсий или возможностей для ухода).

Задачей обеих стран, таким образом, является поиск равновесия при распределении ответственности за обеспечение стариков между человеком, семьей и государством. Ориентация на семью и связанная с этим готовность высоко ценить и практиковать межпоколенные отношения и связи играют при этом важную роль. В Германии в настоящее время каждый отвечает за свое будущее, откладывая и накапливая деньги в течение всей жизни. Это отражает господствующий в Германии индивидуализм и независимость, когда каждый человек должен заботиться о себе (и возможно о своем партнере). При этом недооценивается важность семейных связей, поскольку финансовая помощь в старости должна дополняться эмоциональной поддержкой.

Литература

1. Chan, D. K.-S. (1994). Colindex: A refinement of three collectivism measures. In U. Kim, H. C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.-C. Choi & G. Yoon (Eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* (pp. 200-210). Thousand Oaks, CA: Sage.
2. Furman, W., & Buhrmester, D. (1985). Children's perceptions of the personal relationships in their social networks. *Developmental Psychology*, 21, 1016-1024.
3. Georgas, J. (1991). Intrafamily acculturation of values in Greece. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 22, 445-457.
4. Georgas, J., Berry, J. W., van de Vijver, F. J. R., Kagitcibasi, C., & Poortinga, Y. H. (Eds.). (2006). *Families across cultures*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
5. Kagitcibasi, C. (2005). Autonomy and relatedness in cultural context. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36, 403-422.
6. Kagitcibasi, C. (2007). *Family, self, and human development across cultures: Theory and applications* (2nd ed.). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
7. Mayer, B., & Trommsdorff, G. (2007, August). *Family values and parenting of East and West German mothers: Two cohorts from the Value of Children study*. Paper presented at the 13th European Conference on Developmental Psychology, Jena, Germany.

8. Rossi, A. S., & Rossi, P. H. (1991). Normative obligations and parent-child help exchange across the life course. In K. Pillemer & K. McCartney (Eds.), *Parent child relations throughout life* (pp. 201-223). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
9. Schwartz, S. H., & Bilsky, W. (1990). Toward a theory of the universal content and structure of values: Extensions and cross-cultural replications. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58, 878-891.
10. Schwarz, B., Chakkarath, P., Trommsdorff, G., Schwenk, O., & Nauck, B. (2001). *Report on selected instruments of the Value of Children Study*. Konstanz, Germany: University of Konstanz.
11. Singelis, T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 20, 580-591.
12. Trommsdorff, G., & Nauck, B. (2001). Value of children in six cultures: Eine Replikation und Erweiterung der "Value-of-Children-Studies" in Bezug auf generatives Verhalten und Eltern-Kind-Beziehungen. Antrag an die DFG. Universität Konstanz, Konstanz.
13. Trommsdorff, G., & Nauck, B. (Eds.). (2005). *The value of children in cross-cultural perspective: Case studies from eight societies*. Lengerich: Pabst.
14. Trommsdorff, G., Kim, U., & Nauck, B. (2005). Factors influencing value of children and intergenerational relations in times of social change: Analyses from psychological and socio-cultural perspectives. *Applied Psychology: An International Review*, 54.
15. United Nations Development Programme. (2007). *Human Development Report 2007/2008*. New York: Palgrave Macmillan.

Перевод доцента кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,

к.с.н. Судьина С.А.

ОБМЕН В СИСТЕМЕ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Б. Наук, З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов

На теоретическом уровне предпринимается попытка соединить два важных социально-научных течения в объяснении родственных связей, а именно – институционально-теоретический подход в социальной антропологии с интеракционистским подходом в социологии семьи и социальной геронтологии. При этом должны учитываться общественно устоявшиеся родственные системы в обоих обществах (странах) как общие условия, чтобы потом связать их со взаимодействием в родственных группах. При этом выбирается эмпирический подход, который основывается на анализе межпоколенных отношений Silverstein, Lowton and Bengtson (1994), чтобы распространить его на родственные взаимоотношения к отцам, матерям, братьям, дочерям, зятям, тестям, тещам, свекровям, деверям и свояченицам.

Эмпирическое исследование базируется на стандартизированных интервью матерей и бабушек в Германии (713) и в России (649) и в качестве предмета исследования имеется 5817 родственных взаимоотношений. Их типологическое описание раскрывает важнейшие различия и разнообразие в обоих странах на примере следующих плоскостей взаимодействия:

- Структурные обстоятельства;
- Коммуникация и эмоциональная близость;
- Взаимопомощь.

В заключении с помощью многовариантного регрессионного анализа будут проверены социально-структурные эффекты, индивидуальные установки и структура родства в их влиянии на коммуникацию и эмоциональную близость и взаимопомощь. При этом полу-

чается, что характер, тип родства оказывают гораздо больший эффект на взаимодействие, чем социально-структурные факторы или индивидуальные унаследованные в семье ценности.

Постановка проблемы

Две важные традиции обусловили социально-научный анализ системы родственных взаимосвязей и межпоколенных взаимоотношений. Первая традиция выросла из социальной антропологии и этнологии и достигла больших возможностей объяснения институциональных условий и многовариантности родственных систем. Другая традиция корнями уходит в социологию семьи и социальную антропологию, и представила большое количество эмпирических данных по взаимодействиям и обмену между поколениями, а также между семьей и другими родственниками в различные периоды жизни и при различных общественных условиях. По различным причинам оба направления сосуществовали независимо друг от друга, что привело к формированию разной терминологии, исследовательских целей и методов, что особенно неудобно для исследований культурных различий, которые должны учитывать как институциональные условия и индивидуальные особенности поведения.

(1) традиция культурно-антропологических исследований имеет ясные макросоциологические перспективы, если определенные формы институционализации родственных систем в определенных, причем особые общественные формы производства и репродукции и их изменения во времени и пространстве. Соответственно история изучения семьи содержит много примеров сравнения культур и последовательных моделей, которые связывают влияние экономических форм на организацию семьи. В социальной антропологии, одним из представителей которой был Lewis H. Morgan (1877), который

в своей книге „Ancient Society, or Research in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilisation“ представил аналитически комплексную модель взаимоотношений и связал их с женитьбой и этапами культурного развития (от группового брака до моногамии). Это произведение не только было использовано Friedrich Engels (1984) для его концепции исторического материализма, но и проложило дорогу для структуралистской антропологии 20 века и ее понимания социальных изменений как процесса дифференциации. (Levi-Strauss 1943), прогрессивного разграничения потенциальных партнеров по браку и соответствующей организации системы родства. В социологии представил Emile Durkheim (1892; 1893; 1921) свои идеи о различиях «современного» функционально-дифференцированного и «досовременного» общества посредством описания различных форм солидарности в семейных системах родства (от «механической» к «органической» солидарности), так же как это описывал Ferdinand Toennies (1887) с его различием «общины» и «общества», где система родства представляет собой парадигмальный пример для «общины». Или Talcott Parsons (1943; 1953) с его противопоставлением индивидуализма и коллективизма как фундаментальная классификация, которая позднее стала известнейшей категорией для типизации как индивидов, так и обществ в межкультурной психологии. (Hofstede 1980; Kim, Triandis, Kagitcibasi, Choi & Yoon 1994).

Именно этот подход способствовал формированию очень разнообразного арсенала концепций описания различных типов родственных систем. Сложившаяся в результате терминология была направлена на описание таких наиболее важных типов, как властных структур и прав контроля над собственностью и потомками (патриархаль-

ность против матриархальности); виды принадлежности (линейная или кровно-родственная родословная), образцы происхождения и наследования – по линии отца или матери или бинарное наследование; устройство домохозяйства (локализация на матери (матрилокальный), на отце (патрилокальный) или неолокальный) и комплексность домохозяйств (от нуклеарной семьи до межпоколенной или горизонтально расширенное домохозяйство).

Прежде всего эта терминология используется преимущественно для описания институциональных условий и в их основе лежащих образцов, т.е. охарактеризовать само общество или культуру как:

- Патриархальную
- Основанную на происхождении
- Билинейную
- Неолокальную
- Расширенную

Во многих случаях эта макроперспектива была в меньшей степени результатом теоретической ориентации, а скорее особенностью собираемых ею данных: эмпирическая аргументация состоит обычно из синтеза полевых отчетов этнографических исследований, описывающих какую-либо конкретную культуру. Эти полевые репортажи в разработанных формах вошли в этнографический адрес, который собирался в различных регионах мира, что предоставило прекрасные возможности для сравнения (Murdock 1967; 1981).

Теоретический прогресс на этой эмпирической основе можно ожидать в отношении взаимозависимости между плоскостями на макроуровне, еще и потому, что, например, экологическая корреляция показывает, что патрилинейные общества чаще всего связаны с патрилокальным размещением, тогда как вселинейное происхождение

ние чаще всего сопровождается неолокальным размещением. Эти методы использования объединенных данных представлены в большинстве исследований семьи и связываются с классическими теориями модернизации (например, Lerner 1958; Goode 1963; 1993). Goode подготовил (переработал) богатый эмпирический материал для подтверждения своего тезиса о том, что семейные системы во всем мире при дальнейшей индустриализации развивается в направлении брачно-семейной модели, которая характеризуется билинейной системой родства, автономного выбора партнеров на основе личной привязанности и более равноправного распределения власти между супругами и поколениями.

Этот метод был основополагающим только для исторических семейных исследований, таких влиятельных, как в работе John Hajnal (1965; 1982), где описывается путь развития “Northwestern European Marriage Pattern”: Эти образцы основываются на *Konsensualehe* в старшем возрасте, на принципе единого домохозяйства и брака (что исключает расширенные формы семей) и отношения между супругами становятся первичной ячейкой солидарности (вместо межпоколенных отношений или соответствующих родословных). Эти свойства родственных режимов являются во многих проявлениях противоположностью господствующим в большинстве стран нисходящих режимов, так как базируются на таких формах родства, как экзогамии, неолокальности (а значит и нуклеарности семьи) и билинейном происхождении родства. Расширенные домохозяйства для увеличения экономической продуктивности и безопасности в старости базируются на (неженатых) чиновниках (должностных лицах), а не на потомках или полигамии, что в комбинации с билинейным происхож-

дением снижает взаимную материальную зависимость между поколениями и внутри родства. (Nauck 2007).

(2) Исследовательская традиция социологии семьи и социальной геронтологии имеет однозначную микросоциологическую перспективу, если исследуются взаимоотношения между поколениями и родственниками, которые завязаны на целесообразности и ресурсах индивида. Обычно эти исследования концентрируются на обмене и обоюдности диад или малых групп, как единиц анализа, при этом соответствующие общественные условия и установки внутри общества складываются из влияния контекста на семейные и родственные взаимоотношения. Важный вклад этих исследований в общую теорию обмена заключается в том, что близкие отношения характеризуются через комплексный диффузный обмен ресурсами, такими как любовь, статус, информация, деньги, товары и услуги, что способствует формированию генерализованного доверия. (Foa & Foa 1980). Так как длительность семейных и родственных отношений предполагается уже изначально самими членами семьи или родственной системы, то все взаимоотношения строятся под влияние «долгой тени будущего», что предотвращает эксплуатацию других и является предпосылкой для капитализации ресурсов в межпоколенческих связях, которые впоследствии могут служить неким банком поддержки: “Support given to more intimate, longitudinal relationships can be considered longer-term deposits. These deposits can be drawn on in future times of need“ (Antonucci & Jackson 1990: 179). В этом смысле семейные и родственные отношения превосходят все остальные социальные отношения в функционально дифференцированных обществах и поэтому прагматичны для генерализованной взаимности (обоюдности) (Rossi & Rossi 1990). Если говорить конкретнее, то этот подход предоставил

признанные плоскости описания межпоколенных связей в течении жизни, среди которых специфические аспекты межпоколенной солидарности относятся к биполярной конструкции (Bengtson & Roberts 1991; Bengtson 2001; Bengtson, Giarrusso, Mabry & Silverstein 2002): Структурная солидарность является структурой возможностей, представляющей собой предпосылку для специфической организации активности семейного взаимодействия. Этот аспект описывает доступность членов семьи и родственников через такие показатели (критерии), как их наличие, пространственная удаленность, и наличие свободного времени. Ассоциативная солидарность представляет собой вид и частоту взаимодействия членов семьи и родственников. Аффективная солидарность определяет степень эмоциональной близости и воспринимаемое качество отношений. Консенсусная солидарность – это степень совпадения ценностей и убеждений и их передача в личных взаимодействиях, в независимости от содержания. Нормативная солидарность – это уровень восприятия взаимных обязательств. Функциональная солидарность характеризует степень финансовой, инструментальной и информативной поддержки между членами семьи и родственниками, такие как например, движение денег и подарков, личных услуг, советов и поддержки. Эти плоскости сложились в 5 типичных, привалирующих форм отношений: (Silverstein & Bengtson 1997; Bengtson 2001):

1. «*тесными*» считаются отношения с высокой степенью эмоциональных связей, проживающие в непосредственной близости друг от друга, часто контактирующие и оказывающих взаимную поддержку

2. «*коммуникативные*» – это взаимоотношения, характеризующиеся тесной связью, близостью проживания и высокой частотой контактов, но низким инструментальным обменом

3. «*доверяют, но живут отдельно*» это отношения с высоким уровнем эмоциональности и частотой контактов, но большая территориальная удаленность и в этой связи низкая взаимная помощь

4. «*обязательные*» – это взаимоотношения с умеренным функциональным обменом и низкой эмоциональностью, в независимости от того, живут они близко или далеко, причем отношения поддерживаются главным образом из-за моральных обязательств

5. «*пустые*» – это межпоколенные и родственные отношения, которые характеризуются низкими показателями по всем описанным выше плоскостям.

Сила этого подхода заключается в том, что он позволяет проверку гипотез о взаимоотношениях на основании плоскостей интегративной солидарности на микроуровне, также как каузальные гипотезы о происхождении специфических типов с учетом контекстных условий и их изменение в течении жизни. Эмпирический анализ предоставил богатый материал о динамике интегративных связей, особенно в поздних жизненных циклах в функционально дифференцированных обществах, таких как США (Rossi & Rossi 1990; Bengtson & Harootyan 1994) и Германия (Szydlik 2000). При этом выяснилось, что интегративные отношения также и при неолокальной организации домохозяйств остаются стабильными и тесными и обмен ресурсами не снижается. Семейные и родственные системы в этой связи нужно четко отличать от конъюнктуры домохозяйств и требуют лучшего понимания разработанного сетевого подхода: семьи в функционально дифференцированных обществах все больше приближаются к «мультилокальным многопоколенным семьям» (Lauterbach 1998; Nave-Herz 2002; Bertram 2003; Lauterbach & Klein 2004), причем отношения между братьями-сестрами и между поко-

лениями (во все возрастающей степени) становятся самыми долговечными и стабильными личностными отношениями в сравнении с партнерскими и аффиально-родственными связями.

Основная цель данного анализа состоит в том, чтобы интегрировать оба подхода и тем самым нивелировать их специфические недостатки: „Research within single societies often fails to reveal the influence of culture as a social force... Norms and values distinguish family and state responsibilities in meeting the needs of the aged. Future research must recognize the relationship between cultural belief systems and individual understandings of roles and obligations“ (Bengtson & Putney 2000: 281). Не только в связи с интересом к институциональным условиям и контрастному описанию нормативных образцов всех культур, но и в связи со структурой имеющихся эмпирических материалов, культурно-антропологическому подходу свойственно переоценивать различия между обществами и недооценивать разнообразие внутри отдельных обществ, при этом они могут отслеживать лишь наиболее типичные модальные и средние значения на объединенном уровне. Семейно-социологически-интеракционистский подход концентрируется чаще всего на разнообразии тесных взаимосвязей внутри одного общества и при этом упускаются институциональные предпосылки, так как они представляют более или менее постоянный фактор в такого рода анализах.

Анализ, охватывающий как уровень институтов, так и уровень отношений, требует сравнимых микроданных о культурах, которые в соответствии с релевантными плоскостями, различают институциональные условия от родства, такие как например права собственности и наследства, родословная, форматы домохозяйств и их размеры. Такой анализ предполагает наличие концептуального эквивалента

терминологии, употребляемой в обоих подходах, чтобы обеспечить непротиворечивую теоретическую аргументацию в отношении обоих уровней. Создание равноценной терминологии необходимо прежде всего для культурно-антропологического подхода, так как они редко осуществляли четкую операционализацию и что в свою очередь зачастую приводило к сильным несоответствиям эмпирического содержания. Ссылка на эквиваленты на поведенческом уровне актеров позволяет повысить аргументационную точность. Соответственно, например, при анализе будет использоваться термин «патриархата» только тогда, когда право контроля (над факторами производства или потомства) сосредоточено в руках мужчин в рамках домохозяйств или родословной, а не в руках участвующих индивидов (например в ситуации выбора партнеров). Вид принадлежности, т.е. патрилинейная, матрилинейная или билинейная, определяется тем, распространяется эмоциональная и ассоциативная солидарность только на одну или на обе родственные ветви. Образцы происхождения и наследства определяются тем, что функциональная солидарность одно- или двулинейно направлена. Тип основания домохозяйства определяется благодаря пространственной близости к родственникам по мужской или по женской линиям и является равноценным структурной солидарности. Не учитывается в последующем анализе консенсуальная и нормативная солидарности, т.к. в этих обоих случаях речь идет о чисто микроустановках, которые в институциональном анализе разве только потому, так как обе в функционально мало дифференцированных обществах особенно высоки.

Последующий анализ в качестве предмета своего анализа выбирает сравнение родственных взаимоотношений в России и Германии. Оба общества различаются по важнейшим плоскостям институ-

циональной организации родства. Так как эта структура родства зависит не только от синхронных взаимодействий с другими институтами, но и от устоявшихся правил выбора партнеров, создания домохозяйств, концентрация права контроля и от общих решений предыдущих поколений, поэтому сравнение родственных отношений имеет как социально-историческую, так и современно-общественную компоненту. В соответствии с анализом Hajnal (1965; 1982) в противоположность России Германия относится традиционно к “Northwest European Marriage Pattern”, что имеет большое влияние на организацию родства:

- Традиционно неолокальная организация домохозяйств в Германии снижает структурную солидарность в межпоколенных и родственных отношениях. В этой же связи одновременно возможности взаимного социального контроля, снижает и консенсусную солидарность. Позже женитьба и с этим связанный большой разрыв в возрасте между поколениями снижает также и аффективную солидарность так как и билинейное происхождение. Подобная билинейная родственная система приводит к сбалансированной лояльности к обоим ветвям родства, так как индивиды идентифицируют себя не через свою родословную, а имеют свое собственное индивидуальное родство (kindreds). Этот факт снижает значение родственных взаимоотношений и таким образом, брак и нуклеарная семья обычно становятся первичной ячейкой солидарности. Одновременно с этим за счет такой схемы женитьбы снижается структурная солидарность, так как высокая смертность снижает число доступных родственников. Увеличение хозяйственной продуктивности через расширение домохозяйств за счет не членов семьи (Gesinde) и с этим связанная внеродственная защита от жизненных рисков снижает необходи-

мость организовывать родственников, как функциональное солидарное сообщество. Структурная открытость kindreds повышает индивидуальные возможности выбора вне номинального родства. Соответственно только такие родственные взаимоотношения сохраняются, которые базируются на сильных эмоциональных привязанностях. В этой связи есть вероятность того, что велико число членов семьи, с кем не поддерживаются никаких отношений, и что при этом отношения с членами собственной семьи имеют большее значение, чем взаимоотношения с семьей партнера.

- В России напротив традиционно не повсеместно распространяется принцип – «одно домохозяйство- один брак (семья)». Более распространены многопоколенные домохозяйства, они же являются и типичной формой проживания. Ранние браки и с этим связанные меньшие возрастные различия между поколениями усиливают аффективную солидарность, причем центральное значение имеют особые отношения с матерью. Матрилокальные формы проживания создают одновременно и условия для ассоциативной солидарности и социального контроля, и потому усиливают консенсусную солидарность. Тесная последовательность поколений (т.е. отсутствие больших разрывов между поколениями) увеличивают число доступных родственников, которые в свою очередь являются потенциалом для организации родственников как функциональной солидарной общины. Несмотря на более значимые отношения с матерью, и особые формы получения имени в России, пока не ясно, доминируют ли в России матрилинейные родственные системы с устоявшимися межпоколенными потоками имущества и правом контроля и при этом можно говорить о возникновении женской родословной с соответственно фокусированной ассоциативной и аффективной солидарно-

стью. В этом случае можно было бы исходить из высокой структурной закрытости родословной, которая практически исключает индивидуальные возможности выбора внутри номинальных родственников из-за высокой нормативной солидарности. Соответственно высока степень объединения имеющихся родственников и реализованных родственных отношений. Функциональная солидарность функционирует даже тогда, если эмоциональные связи не выражены. При этом родственные отношения распространяются и на семью супруга (супруги).

Описывая современную ситуацию, Россия и Германия отличаются разительно. Например, имеются большие различия в уровне благополучия и какие существуют социально-государственные альтернативы для существующей функциональной солидарности родственных систем

- Хотя в Германии вследствие политического объединения был нанесен ущерб уровню благополучия населения, но в сравнении с другими странами и особенно с Россией, уровень благополучия продолжает оставаться на порядок выше. К тому же в Германии имеется в наличии сравнительно хорошо развитое социальное государство, которое корпоративно организует защиту граждан от таких жизненных рисков, как, например, болезнь, безработица, бедность, обеспечение, уход в старости и охватывает все проживающее в Германии население. Высокий уровень благосостояния в сочетании с высокой социальностью государства позволяет дифференцировать экспрессивный и инструментальный аспекты родственных взаимоотношений. В соответствии с этим «коммуникативные» и «доверительные, но живущие отдельно» и тесные родственные отношения встречаются чаще других, и вследствие низкого социального контроля нормативная и консенсусная солидарность характеризуются многовари-

антностью. Отношения с родственниками, субъективно воспринимаемые как неудовлетворительные или конфликтные не будут поддерживаться как «обязательные», а просто становятся «пустыми».

- И не только после распада Советского Союза, экономическая ситуация в России предъявляет большие требования к родственным отношениям, особенно то, что касается зарабатывания и перераспределения материальных ресурсов. И хотя в России корпоративски организованное государство, в котором предусмотрена защита каждого гражданина от всех жизненных рисков, однако в связи с ее ненадежностью и недостаточностью ресурсов такая поддержка предоставляет лишь ограниченную альтернативу семейно-родственной самоорганизации. В соответствии с этим тесные взаимоотношения должны преобладать и поддерживаться за счет высокого уровня нормативной и консенсусной солидарности. И вероятно именно данный тип составляет значимую часть обязательных родственных взаимоотношений.

Эти теоретические размышления дают понять, что родственные взаимоотношения в России и в Германии вносят различный вклад в оптимизацию индивидуального благополучия (Lindenberg 1990; Nauck 2001; 2007; Nauck & Klaus 2007). Родственные отношения в Германии преимущественно реализуют цели благополучия в области социального признания, в результате чего осмысленная коммуникация обеспечивает обмен аффектами и принятие поведения родственников, в России же кроме этих целей достигаются еще и повышения физического благополучия граждан, причем родственники являются важнейшими ресурсами взаимных услуг, при производстве и распределении материальных благ. Эти размышления также проясняют из-за существующей институциональной организации, актеры не имеют

выбора и потому можно говорить, что структуры родственных связей не зависят от индивидуальных предпочтений.

Данные и переменные

Приведенный ниже анализ основан на двух массивах данных, собранных при помощи стандартизированного инструментария в Германии (2003 г.) и России (2006 г.). Анализ основан на стандартизированных интервью матерей и бабушек в Германии (общее количество 713) и России (649 интервью); для текущих аналитических целей обе подвыборки понимаются как одинаковые.

В эмпирическом анализе учитывались три комплекса переменных, которые так же представлены на трех аналитических уровнях.

1. *Общество* (Россия и Германия) является комплексной переменной, которая показывает институциональные установки и общий уровень благосостояния, а также отражает более или менее общий для всех членов общества контекст.

2. Индивидуальные различия в ресурсах и возможностях были замерены следующим образом:

➤ Чтобы разделить структуры возможностей сельского и городского окружения, опрошенные были классифицированы по признаку «жили ли вы в сельской местности, когда учились в школе, выходили замуж или на момент интервью» (*сельское происхождение*). Поскольку родственные связи в сельской местности намного важнее, чем в городской, то можно ожидать, что сельское происхождение определяет повышенную функциональную солидарность в родственных отношениях.

➤ *Уровень благосостояния семейного домохозяйства* был измерен в традиции «Исследования Демографического Здоровья и Фертильности» при помощи 11-тибальной шкалы, основанной на владении товарами долговременного пользования и недвижимого

имущества (взамен сравнения денежного дохода, который из-за различий между странами оказывается весьма проблематичным). Можно ожидать, что с повышением уровня благосостояния степень функциональной солидарности будет понижаться.

➤ Уровень образования был измерен при помощи ординальной 5-тибальной шкалы (от «не имею школьного образования» до «окончил ВУЗ»). Ожидается, что с повышением уровня образования возрастет уровень эмоциональной солидарности в родственных отношениях.

➤ Формальная включенность в включенность в рынок труда была измерена при помощи 8-бальной шкалы, которая включала, например, данные о том, имеет ли опрашиваемая оплачиваемую работу, работает ли она вне дома, занята ли полный день и т.д. Дополнительно в шкале был вопрос о том, работала ли опрашиваемая на момент замужества. Включенность в рынок труда показывает альтернативу системе родственных отношений как фактора производства индивидуального блага и должна быть связана с пониженной функциональной солидарностью.

Теоретические предположения, которые лежат в основе анализа родственных отношений, наталкивают на мысль, что они в большей степени определяются индивидуальными установками, нежели формируются специфической семейной культурой и ведут к нормативной солидарности (Bengston, 2001 ...). Этот аспект измеряется тремя инструментами:

➤ В *ценности детей* (VOC) были выделены два измерения: дети как инструмент повышения физического (экономического) комфорта родителей и дети как источник положительных психологических переживаний. В основе этого лежит предположение о том, что репродуктивное поведение и межпоколенные отношения основаны на одной модели структурного выбора (Nauck, 2007). Соответ-

ственно, экономический аспект ценности детей должен был быть связан функциональной солидарностью в межпоколенных отношениях, в то время как психологический – с аффективной солидарностью. Измерение как таковое проводилось при помощи валидного для сравнительного культурного исследования инструментария (Nauck & Klaus 2007): для всех стран и поколений альфа Кронбаха по шкале экономического комфорта составила .846 по шкале психологического измерения - .82.

➤ Шкала для измерения *семейной взаимозависимости* является укороченным вариантом шкалы оценки Я-концепции (Schwarz, Trommsdorff, Albert & Meyer 2005), которая была несколько модифицирована для того, чтобы включить в нее вопросы, касающиеся семей опрашиваемых (например, «для меня важно уважать семейные решения»). Надежность этой пятибалльной шкалы находится в пределах .71. Большие значения воспринимаемой семейной взаимозависимости должны усиливать межпоколенные связи и обязанности и, как следствие, должны быть связаны с повышенной родственной солидарностью.

3. Преимущество данного массива состоит в том, что он содержит в себе не только данные непосредственно о межпоколенных отношениях, как это принято в большинстве сравнительных исследований. Данный массив содержит в себе информацию как об отношениях в родственных системах, сформировавшихся у женщин в результате браков, например, со свекрами и свекровьями, так и об отношениях с сестрами и их мужьями. Для измерения родственных отношений использовались следующие индикаторы.

➤ Относительно доступности родственников опрашиваемым задавались вопросы о том, считают ли они актуальными для себя те

или иные степени родства (мать, отец, сестра, брат, свекор, свекровь, деверь, золовка).

Качество существующих родственных связей было измерено при помощи, предложенной Сильверстайном, Лоутоном и Бенгстоном трехфакторной модели, в которой различаются «возможность», «эмоциональная близость» и «взаимопомощь». Далее были использованы следующие измерительные и аналитические процедуры:

Возможность родственных отношений была измерена при помощи комбинированной шкалы, включавшей в себя параметры «пространственная близость» и «контакт». По шестибалльной шкале была измерена степень удаленности различных родственников (от «живет в том же доме» до «живет в другой стране»). Частота контактов была классифицирована по пятибалльной шкале от «ежедневно» до «меньше, чем раз в месяц».

Близость родственных отношений была измерена также при помощи комбинированной шкалы, включающей индикаторы эмоциональной близости, частоты разговоров о воспитании детей и личных нуждах, и потребностях. Эмоциональная близость измерялась по четырехбалльной шкале от «вообще не близки» до «очень близки», а частота разговоров – по трехбалльной шкале от «регулярно» до «почти никогда».

Взаимопомощь измерялась при помощи комбинированной шкалы с параметрами «получаемая помощь» и «предоставляемая помощь» (в домашнем труде). Частота помощи измерялась по трехбалльной шкале от «регулярно» до «почти никогда».

В общей сложности в анализ были включены 5817 случаев родственных отношений. Факторный анализ отражает структуру измерений, которая изначально была выявлена в отношениях между родите-

лями и их взрослыми детьми в США, в общей структуре родственных отношений в обеих странах. Конечно, корреляции на уровне .55 между пространственной близостью и контактом, в .58 между разговорами и эмоциональной близостью и в .73 между полученной и предоставленной помощью выражены слабее. Эти низкие корреляции складываются определенно из того, что в анализ включены дальние родственники, отношения с которыми носят рассеянный характер, а также из различий в институциональной организации родственных отношений в различных культурах, что должно стать темой последующего анализа. Тем не менее, эти корреляции достаточно высоки для того, чтобы упростить представление эмпирических данных.

Эмпирический анализ был проведен в два этапа. На первом, описательном этапе, были проанализированы различия в родственных отношениях с точки зрения сравнительно-культурного подхода. В качестве признаков для сравнения были взяты различия в доступности родственников и качество отношений к различным доступным родственникам. На втором этапе многофакторные модели оценивали качество родственных отношений, для чего постепенно в регрессионный анализ вводились общесоциальный контекст, индивидуальные ресурсы, возможности и установки респондентов, в также тип родственных отношений.

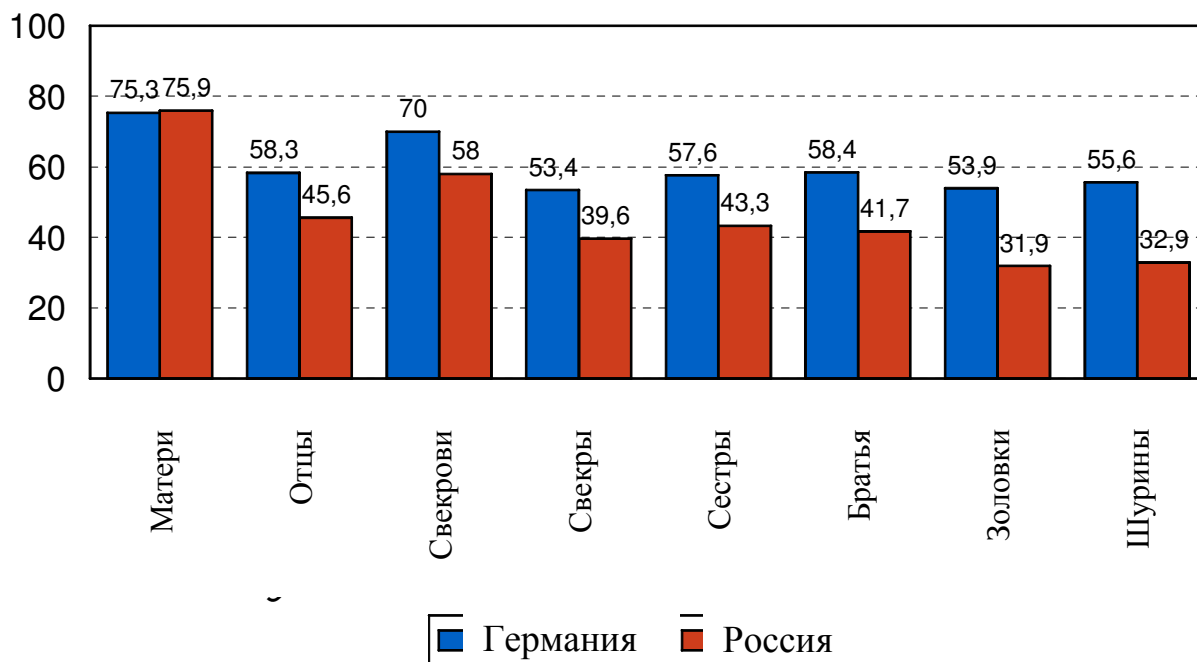
Описательные результаты

Принципиальные отличия стран друг от друга были выявлены в доступности родственников. Значительное влияние на это оказал демографический переход и связанные с ним повышение ожидаемой продолжительности жизни и снижение рождаемости. Оба обстоятельства ведут к длительной (или более высокой) доступности членов семьи старших поколений и меньшей доступности дальних родственников. Кроме того, определенную роль играет разрыв в воз-

расте между поколениями, т.к. низкие различия повышают шансы на доступность родителей и свекров со свекровьями. На доступность родственников оказывает дополнительный эффект соотношение полов при рождении (с относительным преобладанием мальчиков) и специфическая для мужчин заниженная ожидаемая продолжительность жизни. Наконец, влияние на доступность оказывает разрыв и развод, родственников, в особенности, отцов и свекров.

Диаграмма 1 детально отражает демографические последствия для Германии и России: матери оказываются самыми доступными родственниками (около 75%) более доступными, чем (как правило, более старые) свекрови. По тем же причинам отцы более доступны, чем свекры, и менее доступны, чем матери и свекрови. Демографический переход привел к тому, что доступность братьев, сестер, деверей и золовок стала меньше.

Диаграмма 1. Доступность родственников в России и Германии.

Кроме того, данные показывают четкие различия между двумя странами: при исключении собственных матерей из анализа у росси-

янок остается намного меньше доступных родственников, чем у немецких женщин. Это касается как доступности отцов и родителей мужа, так и наличия братьев и сестер (42 против 58%), золовок и деверей (32 против 55%).

Для доступных родственных отношений согласно типологии Сильверстайна, Лоутона и Бенгстона были дихотомизированы три измерения родственных отношений, а именно: удобство (G = структурная солидарность), близость (N = эмоциональная солидарность) и взаимопомощь (H = функциональная солидарность). Эта дихотомизация произведена на основе средних значений всех восьми степеней родства в обоих обществах. По законам комбинаторики выводятся 8 типов родственных отношений; в зависимости от степени выраженности измерения его значения могут быть высокими или низкими. 1: $G+N+H+$ – тесно – помогающие; 2: $G+N-H+$ - ритуально – помогающие; 3: $G-N+H+$ - отдаленно-помогающие; 4: $G-N-H+$ - отчужденно-помогающие; 5: $G+N+H-$ тесно – независимые; 6: $G+N-H-$ ритуально-независимые; 7: $G-N+H-$ отдаленно-независимые; 8: $G-N-H-$ отчужденно-независимые.

В гистограмме 1 представлены типы отношений для родителей и свекров со свекровьями в обеих странах. В гистограмме 2 – типы отношений для братьев и сестер, шуринов и золовок.

В обоих обществах тип отношений систематически варьируется в зависимости от степени родства, что видно на двух полярных вариантах отношений: тесно-помогающих и отчужденно-независимых. Наиболее часто тесно-помогающие отношения возникают с собственными матерями, далее – с отцами, свекровьями и свекрами; напротив, отчужденно-назависимый тип отношений формируется реже всего в общении с собственными матерями

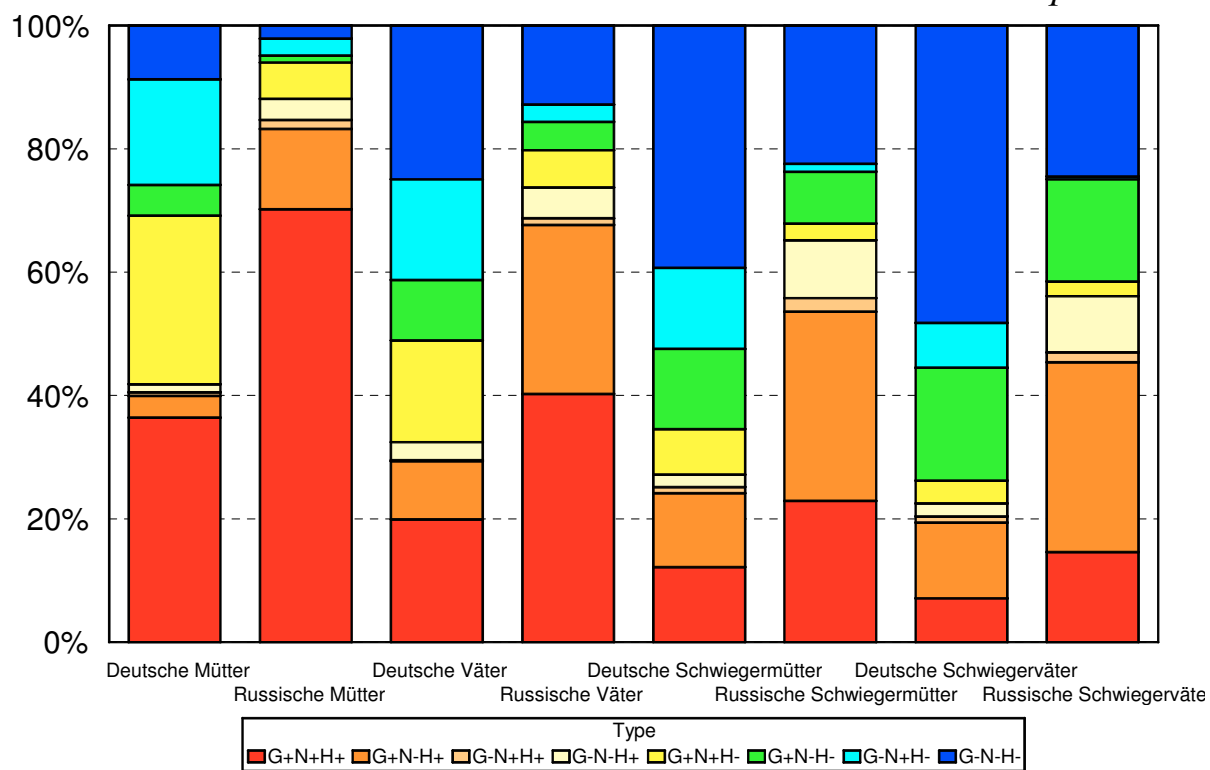
Аналогичная закономерность складывается в отношениях к сестрам и их мужьям, отношения с которыми находятся на более низком уровне, чем отношения с представителями старшего поколения. Другими словами, *межпоколенные отношения более интенсивны, нежели родственные отношения по боковой линии.*

Обе таблицы показывают четкие различия между двумя странами. В то время как лишь 36% немецких женщин демонстрируют тесно-помогающие отношения в отношении собственных матерей, то в случае с российскими женщинами эта доля составляет около 70%. Другими словами, россиянки в два раза чаще оказываются живущими в непосредственной близости от своих матерей и демонстрируют тесные эмоциональные помогающие отношения. Напротив, 9% немецких и лишь 2% российских женщин не поддерживают отношений со своими матерями. Показательным различием между странами является разделение оставшихся типов отношений. В соответствии с гипотезой о государстве всеобщего благосостояния тесно-независимые и отдаленно-независимые отношения (27 и 17% соответственно) в Германии встречается заметно чаще, чем в России (6 и 3% соответственно), в то время как ритуально-помогающие и отчужденно-помогающие отношения в России (13 и 3%) встречаются чаще, чем в Германии (4 и 1% соответственно).

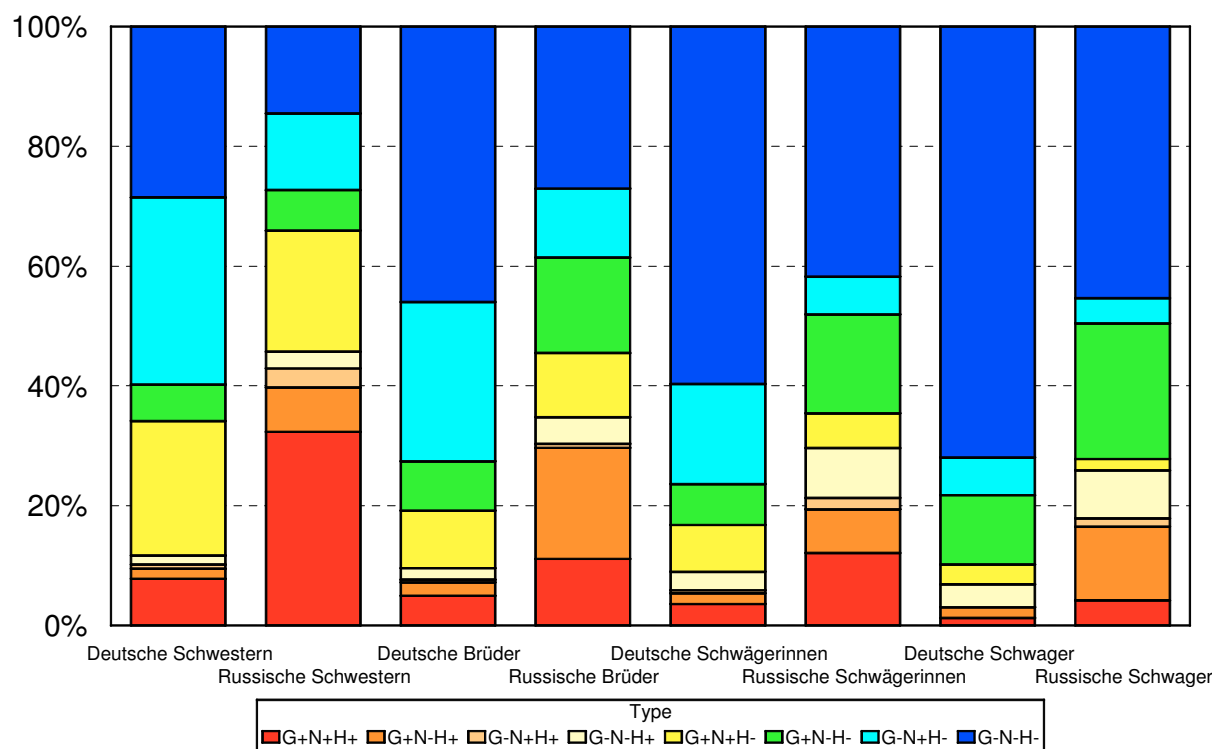
Аналогичная тенденция – правда, на менее высоком уровне доступности, близости и помощи – продолжается и в отношении отцов. Лишь 20% немецких женщин имеют тесно-помогающие отношения со своими отцами, в то время как у российских женщин этот показатель равен 40%. Напротив, 25% немецких и 13% российских женщин не поддерживают отношений со своими отцами. Примечательным для обеих стран является прирост ритуально-помогающих и отчуж-

денно-помогающих отношений: 9 и 3% в Германии против 27 и 5% в России соответственно. Это означает, что отношение женщин к своим отцам в России определяется в большей мере нормативными соображениями и обязанностями, нежели эмоциональными связями.

Гистограмма 1.

Гистограмма 2.

Уместно сравнение с данными, полученными для матерей и отцов в США. С собственными матерями 23% женщин поддерживают тесно-помогающие отношения, 12% – отчужденно-независимые; со своими отцами – 16% и 22% соответственно. На первый взгляд это свидетельствует о еще более низкой доле близких помогающих отношений в США, чем в Германии; это, в свою очередь, можно объяснить схожей институционализацией системы родственных отношений на фоне более высокого уровня экономического развития и, как следствие, экономической независимости поколений в США. Конечно же, нужно учитывать, что дихотомизация измерений в США идет через поколенные отношения, в то время как в России и Германии учитывались также отчужденные отношения, из-за чего межпоколенные отношения кажутся теснее. Ранжирование типов отношений по признаку их частоты в обоих исследованиях оказались практически одинаковыми, что было оценено как признак валидного сравнительного измерения.

Что касается отношений со свекрами и свекровьями, то в жизни российских женщин они играют значительно большую роль, нежели немецких. Если 39% немецких женщин поддерживают со свекровьями отчужденно-независимые отношения, а 48% вообще не поддерживают отношений со свекрами, то в случае с российскими женщинами эти проценты находятся на уровне 22 и 25% соответственно. Напротив, 23% россиянок поддерживают тесно-помогающие отношения со свекровьями и 15% - со свекрами; среди немецких женщин эта пропорция составляет 12 и 7% соответственно. Гипотеза о государстве благосостояния подтверждается и в отношениях с родителями мужа: в то время как в Германии отношения с родителями мужа прекращаются, когда они перестают поддерживаться эмоционально,

в России эти отношения сохраняются в ритуально-помогающей или отчужденно-помогающей форме. Если в России эти два типа отношений характерны для 40%, то в Германии – только для 14%.

Отношения к братьям, сестрам, золовкам и шуринам во многом определяется тем, свои ли это родственники или родственники мужа, а также во многом зависит от их пола. Отношения с собственными сестрами самые близкие, с шуринами – самые дистанцированные. Эти соотношения, правда, в разных пропорциях воспроизводятся в обеих странах. 8% немецких женщин поддерживают тесно-помогающие отношения с сестрами и 5% – с братьями; в России – 32 и 11% соответственно. Напротив, 29% немецких женщин поддерживают отчужденно-независимые отношения со своими сестрами и 46% – со своими братьями. Среди российских женщин это соотношение находится на уровне 15% и 27%. В обоих странах отношения с сестрами, особенно те, которые поддерживаются на эмоциональном уровне (тесно-независимые и отдаленно-независимые) являются важными, находясь на уровне 54% в Германии и 33% в России, в то время как указанные типы отношений к братьям с 36 и 22% соответственно встречаются заметно реже. Ритуально-помогающие и отчужденно-помогающие отношения (с сестрами – 10%, с братьями – 23%) в России по сравнению с Германией (с сестрами – 3%, с братьями – 4%) встречаются сравнительно чаще. Это означает, что отношения носят обязательный характер, регулируются нормативно, а не эмоционально, что характерно скорее для межпоколенных отношений, а не отношений с братьями или сестрами.

Близкие отношения с сестрами и братьями мужей встречаются в Германии достаточно редко. 60% отношений немецких женщин к золовкам могут быть охарактеризованы как отчужденно-независимые; данный тип отношений к шуринам встречается в 72%

случаев (в России эти цифры составляют 42 и 45% соответственно). Необычным для данного вида отношений в России является то, что братья и сестры мужа живут в относительной территориальной близости, но при этом отношения не характеризуются ни эмоциональной привязанностью, ни взаимопомощью (ритуально-независимые отношения к золовкам: 17%, к шуринам – 23%). Это означает, что основное различие между Россией и Германией состоит, прежде всего, в меньшей территориальной мобильности российских семей, благодаря чему создается больше возможностей для формирования доступных родственных отношений. Это обстоятельство оказывает воздействие, прежде всего, на интенсивность эмоциональных связей и взаимопомощь в межпоколенных отношениях, в то время как сторонние родственные отношения от обилия возможностей выигрывают значительно меньше.

Результаты многомерного анализа

Основной гипотезой многомерного анализа является предположение о том, что решающую роль в родственных отношениях играют институциональные установки.

С одной стороны, это касается вопроса о том, являются ли родственные отношения альтернативой для отношений обмена с целью оптимизации индивидуального блага. В общем, это касается обоих базовых измерений: улучшение физического благополучия и социального признания. В соответствии с гипотезой благосостояния следует ожидать, что родственные отношения являются единственной альтернативой для генерирования тесных отношений с высокой эмоциональной близостью, отчего не следует ожидать больших различий между странами. Значительным отличием должно было стать

генерирование физического благополучия благодаря взаимопомощи внутри системы родства.

С другой стороны, это касается вопроса о том, по каким критериям будут отбираться или исключаться родственные отношения. В обществах, в которых есть мало альтернатив родству как фактору производства общественного блага и страхования от ударов судьбы, взаимопомощь будет распространяться на дальние родственные связи, в которые будут включены родственники обеих линий. В экономически развитых обществах основным критерием отбора будет эмоциональная близость внутри доступной сети родственных отношений; соответственно, следует ожидать большую избирательность по признаку пола и принадлежности к собственной линии родства.

Многофакторный анализ был проведен в два этапа. На первом этапе в анализ были включены одновременно обе выборки, далее был проведен анализ по каждой из них, чтобы выявить специфические механизмы и взаимосвязи. На первом этапе идентичные регрессионные модели оценивали вероятность эмоциональной близости и взаимопомощи как значимых составляющих родственных отношений (табл. 1), в то время как третий параметр – доступность – рассматривалась в обеих моделях как часть структуры родственных отношений. Это учитывает то обстоятельство, что наличие доступности является результатом целенаправленного действия и частью «структурной солидарности». С переселением в новое место связано по меньшей мере решение не в пользу важных аспектов функциональной родственной солидарности, в то время как эмоциональная солидарность не затрагивается так значимо в силу наличия эффективных средств коммуникации.

Были рассчитаны три регрессионных модели, в качестве зависимых переменных в которых были «эмоциональная близость» и «взаимопомощь». Модель 1 учитывает лишь общественный уровень. Модель 2 учитывает место опрашиваемых в социальной структуре внутри каждого общества (сельское происхождение, уровень образования и благосостояния домохозяйства) и обусловленные жизненной ситуацией представления и установки (семейная взаимозависимость, восприятие детей как средства повышения физического и психологического благополучия). Эта модель позволяет проверить, в какой мере различия между Россией и Германией можно объяснить социально-структурными, а в какой – индивидуально-психологическими различиями. Наконец в анализ была введена институциональная структура родственной системы (Модель 3). Наряду с «доступностью» и альтернативным измерением («взаимопомощь для эмоциональной близости» и «эмоциональная близость» для «взаимопомощи») были введены следующие три измерения дифференциации родственных систем. Во-первых, «поколенная дифференциация»: возникают отношения между представителями одного поколения (братья, сестры, шурины, золовки) или в отношения вовлечены представители разных поколений (родители, свекры и свекрови)? Во-вторых, «половая дифференциация», когда речь идет о поле того или иного члена семьи. Наконец, третье измерение – «родословная», фиксирующее возникновение отношений с представителями собственной семьи или же семьи мужа.

Если взглянуть на модель 1, то с самого начала подтверждается предположение о том, что общекультурные различия между Германией и Россией заключаются в более сильно выраженной функциональной солидарности российских родственников, в то время как в

Таблица 1.

Общекультурные, институциональные и индивидуальные компоненты, оказывающие влияние на близость и взаимопомощь в родственных отношениях.

	Эмоциональная близость			Взаимопомощь		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Россия ¹⁾	.01	-.04*	-.16***	.33***	.31***	.20***
Сельское происхождение		-.03	-.01		-.03*	-.01
Уровень образования		.03*	.05***		-.01	-.01
Включенность в рынок труда		.00	-.02		.03*	-.00
Уровень благосостояния		.04**	.02*		.01	-.01
Семейная взаимозависимость		.04**	.03**		-.01	-.01
Ценность детей: экономическое благополучие		.06***	.04**		.04*	.04*
Ценность детей: психологический комфорт		.03*	.04**		.02	.01
Структура доступности			.36***			.39***
Альтернативные значения ²⁾			.02			.02
Поколенческий аспект в родствах ³⁾			.02			.14***
Половой аспект в родствах ⁴⁾			.21***			.04***
Происхождение родственных отношений ⁵⁾			.35***			.04***
R ²	.00	.01	.38	.11	.11	.33

* p < .05; ** p < .01; *** p < .001

¹⁾ Категория для сравнения: Германия; ²⁾ „взаимопомощь“ для „эмоциональной близости“ и наоборот; ³⁾ Однопоколенные родственные отношения = 0, родительское родство = 1; ⁴⁾ мужской = 0, женский = 1; ⁵⁾ родственники мужа = 0, семья происхождения = 1.

эмоциональной близости внутри родственных союзов обеих стран различий нет. Сравнение результатов первой и второй моделей дополнительно показывает, что социально-структурный компонент во все не является определяющим для различий в функциональной солидарности, равно как распределение различий в индивидуальных установках. Ни в случае с «эмоциональной близостью», ни «взаимопомощью» взятые для анализа блоки переменных не способствовали значительно большему прояснению полученных распределений. В общих словах можно отметить слабое положительное влияние на эмоциональную близость семейных отношений высокого уровня образования, семейного благосостояния, понимания семейной взаимозависимости и роли детей как фактора физического комфорта и психологических переживаний; в отношении «взаимопомощи» отмеченный эффект еще ниже. Так как при исследовании индивидуальных установок в сравнительно-культурном контексте использовались хорошо валидизированные инструменты, низкая величина эффекта может быть интерпретирована не как ошибка измерения, а принята как самостоятельный существенный факт. Наряду с малой величиной эффекта социокультурных переменных это является четким указанием на то, что выстраивание родственных отношений мало связано с индивидуальными ресурсами и предпочтениями.

Модель 3 дает расширенное объяснение того, в какой мере институциональная структура родственных отношений воздействует на эмоциональную и функциональную солидарность в отношениях. Здесь прежде всего показано, что как эмоциональная близость и общение ($b=.36$), так и взаимопомощь ($b=.39$) являются вопросами доступности. Это следует рассматривать как процесс воздействия изменений: родственные группы, которые зависят от тесных отношений, избегают селиться в других местах. Далее сравнение обеих моделей 3 показывает, что аффективная и функциональная солидарность не зависят друг от друга ($b=.02$) если контролируются остальные факторы.

Таблица 2.

**Институциональные и индивидуальные эффекты, влияющие
на эмоциональную близость и взаимопомощь
в родственных отношениях в Германии и России**

	Германия		Россия	
	Эмоциональ- ная близость	Взаимопо- мощь	Эмоциональ- ная близость	Взаимопо- мощь
Сельское происхождение	-.02	-.03	.01	.02
Уровень образования	.08***	-.03	-.01	.02
Включенность в рынок труда	-.01	.00	-.04*	-.01
Уровень благосостояния	.02	-.03	.02	.03
Семейная взаимозависимость	.03*	.01	.05**	-.04*
Ценность детей: экономиче- ский аспект	.02	.02	.04*	.03
Ценность детей: психологи- ческий аспект	.05**	-.00	.02	.03
Структура доступности	.36***	.40***	.32***	.38***
Альтернативные значения	-.02	-.03	.07***	.08***
Поколенческий аспект в род- ствах	.03	.09***	.01	.22***
Половой аспект в родствах	.19***	.02	.23***	.06**
Родственное происхождение	.34***	.03	.35***	.06**
R ²	.36	.19	.40	.32

* $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

Важным для главной гипотезы является то, что институциональная установка родственной системы имеет важный, но разный эффект на «эмоциональную близость» и «взаимопомощь». Взаимопомощь – это вопрос, прежде всего, межпоколенных отношений ($b=.14$), она доминирует в отношениях с собственными родителями и родителями мужа и меньше выражена в сторонних отношениях. В эмоциональной близости и общении (по вопросам личных проблем и воспитания детей) существует приоритет в отношении родственников собственного пола ($b=.21$) и представителей своей семейной линии ($b=.35$) по сравнению с семьей мужа. Оба фактора не играют роли во взаимопомощи ($b=.04$).

Наконец, значимым является тот факт, что в модели 3 четко изменяются значения эффекта на уровне общества. Более частая взаимопомощь в России в значительной степени объясняется различиями в институциональной структуре родственных отношений. Еще более

четким является интерактивный эффект «эмоциональной близости», где при включении в анализ структуры родства демонстрируется четкий культурный эффект ($b = -.16$), т.е. если контролируется структура родства, эмоциональная близость в немецких родственных отношениях выше. Чтобы прояснить данный интерактивный эффект, на втором этапе модели для обеих стран были посчитаны отдельно, чтобы проверить, отличается ли сила эффекта и его направление в обеих странах.

Несмотря на несистематизированные отдельные эффекты (немецкие женщины с высоким образованием чаще более эмоционально близки в родственных отношениях) в отдельных моделях видно, что влиянием индивидуальных ресурсов и склонностей на выстраивание родственных отношений можно пренебречь.

Институциональные установки системы родственных отношений, напротив, считают примеры взаимодействия весьма значительными. Структура доступности играет в Германии несколько большую роль для эмоциональной близости и взаимопомощи, чем в России, т.е. родственные отношения в России меньше зависят от ситуативных факторов, чем в Германии, что можно объяснить с помощью гипотезы о благосостоянии. Совсем по-другому обстоит дело в Германии, где эмоциональная близость и взаимопомощь имеют скорее негативную (!) корреляцию, т.е. предоставление помощи переживается как обуза, которая ухудшает качество отношений. В России же отмечена значимая позитивная взаимосвязь: эмоциональная близость и взаимная поддержка идут рука об руку. Это различие обрисовывает специфические рамки родственных отношений: «хорошими» отношениями в России считаются те, которые включают в себя как эмоциональные связи, так и взаимопомощь, в то время как в Германии такими отношениями считаются те, которые основаны на эмоциональных связях. Взаимопомощь в них оказывается ситуационной, и не является конституирующим фактором.

В заключении, данные показывают, что выбор членов системы родственных отношений по принципам принадлежности к поколени-

ям, полу и происхождению в России несколько сильнее, чем в Германии. Взаимопомощь в значительной степени ограничена обменом между поколениями ($b=.22$ vs. $b=.09$), эмоциональная близость распространяется в большей степени на женскую часть родственников и родственников со своей стороны ($b=.35$ vs. $b=.34$). Эти данные могли бы стать опровержением гипотезы стороннего родства, которая в Германии определяет больший выбор родственников по принципу своего пола. Необходимо учитывать и то, что у моделей в таблице 2 уровень различий между Германией и Россией остается неучтенным при включении родственников, которые были представлены в приложении 2 и 3. Из этого следует, что из-за меньшего числа доступных родственников (приложение 1) те чаще вовлечены в социальный обмен, чем в Германии, где с братьями, сестрами и родственниками мужа значительно чаще вообще не поддерживаются отношения.

Дискуссия

Теоретической целью данной работы было связать между собой два важных социально-научных подхода к объяснению родственных отношений – институциональный подход социальной антропологии и этнологии с интеракционистским подходом социологии семьи и социальной геронтологии. Необходимость этого объясняется тем, что с одной стороны для межкультурного сравнения необходимо учитывать институциональные преимущества, которые игнорируются в интеракционистском социологическом подходе вследствие концентрации внимания на вариативности тесных отношений внутри общества. С другой стороны, культурно-антропологический подход с его типологическими макроуровневыми описаниями склоняется к тому, что переоценивает различия между обществами и недооценивает вариативность внутри них.

У институциональных условий учитываются два аспекта, по которым Россия и Германия достаточно четко различаются.

1. С одной стороны, исторически обусловленное различие, связанное с принадлежностью Германии к «европейскому брачному паттерну» с его пониманием брака как первичной солидарной общ-

ности, отсроченным супружеством и образованием нового домохозяйства, и строгой избирательностью отношений внутри семейства. В России же создание нового домохозяйства случается реже и наряду с ранним браком создает предпосылки для включения более широкого числа родственников в отношения обмена (гипотеза сторонних отношений).

2. С другой стороны совместный анализ родственных отношений с другими институциональными условиями, связанными с производством блага, при котором и общий уровень благосостояния и гарантия ожидаемых возможностей делают реальностью большую независимость от отношений обмена между родственниками чем в России; соответственно в Германии родственные отношения будут поддерживаться в том случае, если в их основе лежат эмоциональные связи, в то время как в России нормативно-обязательные родственные отношения продолжают сохраняться (гипотеза о благосостоянии).

Эмпирически гипотеза была подтверждена при помощи подхода, который базируется на расширении предложенных Сильверстайном, Лоутоном и Бенгстоном измерений структурной, эмоциональной и функциональной солидарности и выводимой отсюда типологией родственных отношений. Этот подход подтвердился в полной мере, т.к. он может доказательно описывать как различия по степени родства, так и различия между обществами.

Важным результатом описательного анализа было то, что с исключением собственных матерей, доступными в России остаются меньше родственников всех уровней, чем в Германии. Это говорит о более активном использовании матерей в отношениях обмена в России, где большее количество отношений не обусловлено ни более частыми контактами, ни тесными эмоциональными связями, ни общением, ни взаимопомощью. Характерным для различий между обоими обществами является количество «обязательных» родственных отношений. В то время, как в Германии такие отношения являются, скорее, редкостью, их доля в России весьма значительна, что может быть объяснено гипо-

тезами линейного родства и благосостояния. Т.е., с одной стороны социальный обмен распространяется на отдаленных родственников, с другой – имеется большая зависимость на функциональной родственной солидарности даже в случаях, когда слабы эмоциональные связи.

В то же время описательный анализ вскрыл также эмпирические закономерности, которые одинаково действуют в обоих обществах: отношения с собственной семьей интенсивнее, чем отношения с родственниками мужа; отношения с родственниками собственного пола также интенсивнее, чем с родственниками-мужчинами, а межпоколенные отношения интенсивнее, чем отношения со сторонними родственниками. С этим связано и то, что «обязательные», поддерживаемые нормативами, а не эмоциональными связями отношения встречаются чаще в межпоколенных отношениях, а не отношениях братьев и сестер.

Важным дополнительным результатом многофакторного анализа стало то, что индивидуальные ресурсы, такие, как образование, благосостояние и включенность в рынок труда, и индивидуальные установки, такие как восприятие детей как инструмента повышения материального благополучия или психологического комфорта или чувство сильной семейной взаимозависимости имеют сравнительно небольшое влияние на выстраивание родственных отношений. Напротив, факторы, связанные с институциональной структурой родственных отношений, как то, неолокальность (т.е. структурная доступность отношений обмена и функциональной солидарности), билинейность (включение обеих родственных линий), так и дифференциация родственников по поколенному и половому признаку оказывают решающее воздействие на эмоциональную и функциональную солидарность. Открытие этой взаимозависимости от институциональных условий и отношений родственного обмена является важным вкладом в предложенный синтез социальной антропологии и социологии семьи.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКИХ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

Сизова И.Л.

Объектом исследования выступили матери с маленькими детьми. В выборке участвовало 239 матерей, имеющих маленьких детей, из них 166 матерей с одним ребенком (69%), 61 женщина имела двух детей (26%) и 12 матерей воспитывали трех детей (5%).

Сами женщины различались по возрасту. Большинство из них были моложе 30 лет (72%). Но были и женщины старше 40 лет. Всего 28 % матерей в возрасте 30 лет и старше. Еще 10% матерей в возрасте моложе 22 лет.

Возраст самих семей, в которых были маленькие дети, как правило, являлся небольшим, что позволило считать их «молодыми семьями»: 87% партнеров из всего массива семей проживали совместно не более 10 лет.

81% опрошенных матерей с маленькими детьми состояли в первом браке. 9% женщин вышли замуж повторно. 10% женщин являлись «одинокими матерями» (самостоятельно воспитывали детей без партнера).

47% из всего числа опрошенных матерей считают, что в многодетной семье должно быть не менее трех детей. 21% женщин относят к многодетным семьям такие, в которых растут четыре ребенка и более. Все остальные опрошенные мамы согласны с утверждением, что многодетная семья – это семья с пятью детьми и более (20%).

В представлениях об «идеальной семье» женщины более склонны к единству мнений. Подавляющее большинство утверждает, что такая семья должна иметь двух детей (72%). Семья с тремя деть-

ми считается «идеальной» для 21% респонденток, а с четырьмя – для 2%.

Таблица 1

**Мнения о самых важных причинах, побуждающих людей
иметь детей (% важных и очень важных причин)**

Возможные причины	Под- ростки	Мать маленького ребенка	Мать подростка	Бабушка
...получаешь удовольствие, когда наблюдаешь за тем, как ребенок растет	85	96	90	92
...по причине особенной любви, которая развивается между родителем и ребенком	80	93	91	27
...это радость – иметь маленького ребенка	84	92	90	90
...Ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей	70	87	93	31
...иметь кого-нибудь, чтобы любить и заботиться о нем	76	86	85	31
...в доме весело, когда есть дети	85	74	83	80
...дети повышают чувство ответственности и помогают Вам развиваться	66	72	73	65
...потому что воспитание детей помогает узнать Вам больше о жизни и о себе	63	67	74	26
...Вы хотите поделиться с детьми тем, чем Вы владеете	–	66	74	51
...любой новый член семьи делает Вашу семью более значимой	63	62	65	65
...чтобы у Вашего ребенка/детей было с кем общаться	–	62	69	80
...люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте	61	61	79	66
...дети сближают Вас с мужем	–	57	53	55
...Ваши дети смогут помочь Вам, когда Вы будете пожилыми	62	52	71	–
...чтобы быть уверенным, что достаточно детей доживет до взрослого возраста	30	38	52	49
...когда муж хочет еще детей	–	34	28	–
...чтобы не прерывалась фамилия, род	46	31	46	85
...способствуют укреплению связей с родственниками	–	24	39	35
...родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников	25	16	26	76

Если в семье растет один ребенок, то для 24% опрошенных женщин было бы предпочтительнее, чтобы это была девочка; 14% матерей желали бы растить мальчика. 58% женщин не имеют четкой позиции по желаемому полу единственного ребенка.

1. Почему россиянки хотят иметь детей?

Этот тематический блок суждений респондентов оценивался по пятибалльной шкале. Базовый вопрос был сформулирован следующим образом: «Подумайте о Вашем опыте с собственными детьми и скажите, насколько важны следующие причины для Вашего желания иметь детей?». Уточняющий вопрос был задан так: «Отметьте, насколько важны следующие причины для Вашего желания иметь детей? Шкалы имели следующий вид: «1 – совсем не важно, 2 – не очень важно, 3 – умеренно важно, 4 – важно, 5 – очень важно». Поскольку в анкете опрашивались другие члены семей, то все причины, по которым люди хотят иметь детей, были сведены в общую таблицу (табл.1).

Ответы матерей с маленькими детьми, побуждающие их иметь детей, можно условно поделить на пять основных групп.

Первую группу составили причины, которые в целом можно обозначить как психоэмоциональные основания: «...получаешь удовольствие, когда наблюдаешь за тем, как ребенок растет»; «...по причине особенной любви, которая развивается между родителем и ребенком»; «...это радость – иметь маленького ребенка». Подобные основания особенно характерны для людей, у которых уже есть дети, тогда как у подростков эта группа причин менее выражена (на 10% меньше). Интересно, что ответы бабушек также отличаются. Согласие с утверждением «...по причине особенной любви, которая разви-

вается между родителем и ребенком» высказало малое число из этой группы респондентов (27% в отличие от 93% матерей с маленькими детьми).

В целом, высокая оценка психоэмоциональных причин, побуждающих молодых матерей иметь детей, объясняется тем, что подавляющее число респонденток этой группы имеют только одного или двух детей. Считается, что небольшое число детей в семье приводит к более тесной эмоциональной связи между детьми и родителями.

Причины второй группы могут быть названы биосоциальными основаниями. Большинство опрошенных матерей согласно с утверждением, что «...Ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей». Причем, чем старше становятся женщины, тем важнее для них это основание: среди молодежи значение этой причины подчеркивают 70% опрошенных, среди матерей с маленькими детьми – 87% и 93% женщин с детьми-подростками. Однако бабушки так не мотивированы: только 31% соглашаются с данным мнением. Скорее всего, в этом случае действует биологическое или социальное разделение между выросшими поколениями или даже «конфликт поколений». Возможно, что выросшие дети не оправдали ожиданий своих родителей или сами родители не ждут от детей повторения своего пути. В целом, биосоциальные основания для старших поколений также являются важными, поскольку 66% бабушек проголосовали за утверждение «...люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте». В противоположность этому молодые женщины идеализируют будущую жизнь своих маленьких детей и считают, что близкие отношения с ребенком сохранятся.

Иные инстинкты и биографические истории не являются особенно важными для современных поколений родителей. Старые лю-

ди, которые уже вырастили своих детей, акцентируют эти причины в большей степени. «...Чтобы не прерывалась фамилия, род» – имеет значение для 31% матерей с маленькими детьми и для 85% бабушек. Интересно, что половина подростков поддерживают данное мнение. Это можно представить как «идеализацию» будущей семейной жизни, что особенно часто встречается у людей, которые еще не имеют своей семьи, но планируют это сделать. Предположим, что при образовании семьи эта мотивация может пропадать, поскольку современные атипичные модели семей мало связаны с традициями, подростки прагматичнее смотрят на течение своей жизни. В некоторых случаях традиционные установки вообще не играют никакой роли. Дети рассматриваются только как «связующее звено» между родителями, поэтому утверждение «...дети сближают Вас с мужем» поддерживают 57% матерей с маленькими детьми. Еще 24% из них согласны с тем, что дети «...способствуют укреплению связей с родственниками». Таким образом, образуется *третья группа причин*, которая содержит «прагматические основания», по которым люди хотят иметь детей.

Ответственность за детей и значение детей составляет следующую, четвертую группу оснований. Эта мотивация, по сравнению с первыми двумя группами причин, не сильно выражена, но еще доминирует среди ответов респондентов. 72% матерей с маленькими детьми подчеркивают ответственность за своих детей. Еще 67% из них воспринимают рождение ребенка в качестве предпосылки для собственного развития. Особенно интересно, что многие из опрошенных акцентируют значение семьи как таковой. Они считают, что каждый член семьи делает семью более крепкой. Тем самым подчеркиваем, что семейные сети поддержки все еще играют в России важнейшую роль.

Большой процент женщин с маленькими детьми соглашается с мнением, что детей надо иметь для того, «...чтобы у Вашего ребенка/детей было с кем общаться» (62%). На фоне высокого значения эмоциональных представлений о планах в отношении детей, этот факт выглядит не совсем ясным. В России система попечения над детьми в настоящее время является серьезной проблемой. Возможно, люди таким образом пытаются создать эксклюзивную домашнюю микросферу, в которой дети могли бы учиться общаться. Другое объяснение заключается в том, что родители находят выгодным не растягивать сроки рождения детей, чтобы сократить общее время попечения над ними. Тем самым жизненная фаза, в течение которой родители зависимы от своих детей, сильно сокращается. В современных условиях это обстоятельство представляет собой важное преимущество для женщин, поскольку позволяет сократить т.н. «семейную фазу» в своей жизни. В исследовании фонда Ф.Эберта «Женщины в России: цели жизни, семья, политика»¹ показано, что для более чем 60% женщин важно иметь еще другие цели в жизни, помимо воспитания детей.

Пятая группа причин включает т.н. «причины – аутсайдеры», поскольку их указывает только очень малая часть респонденток (табл. 2).

В основном матери желают иметь второго ребенка другого пола, а каждая пятая желает иметь девочку. Может быть, девочки создают особенную домашнюю атмосферу и эмоциональнее ближе к матерям. Утверждения «...ребенок помогает по дому» и «...чтобы иметь еще одного человека, который бы материально помогал семье»

¹ Frauen in Russland: Lebensziele, Familie, Politik / Friedrich-Ebert-Stiftung, Internationale Politik-Analyse // <http://library.fes.de/fulltext/id/01625toc.htm>

представлены слабо в ответах, что неудивительно, если считать, что современные семьи уже длительное время не ориентируются на дополнительную рабочую силу. Но такое положение приводит к дальнейшему спаду числа детей. К тому же можно отметить, что в России число сельских семей, в которых традиционно используется детский труд, продолжает снижаться. С другой стороны, данные причины более важны для матерей с подростками и для бабушек. Предположительно, их мотивация связана с т.н. «воспитательным аспектом» в отношении подрастающих чад. Таким образом формируются трудовые компетенции в домохозяйстве и в последующей самостоятельной жизни ребенка.

Таблица 2.

Суждения-аутсайдеры о важных и очень важных причинах, по которым люди хотят иметь детей, %.

Возможные причины	Подростки	Мать маленького ребенка	Мать подростка	Бабушка
...дети являются еще одной причиной для Вас/Вашего мужа преуспевать на работе	–	22	25	30
...чтобы иметь девочку/другую девочку	–	20	25	30
...чтобы иметь мальчика/другого мальчика	–	19	21	23
...ребенок помогает по дому	15	14	29	51
...благодаря Вашим детям Вы сможете найти новых друзей	–	14	19	92
...согласно Вашей вере долгом является иметь детей	28	12	31	–
...некоторые из Ваших старших родственников считают, что Вы должны иметь больше детей	10	8	11	81
...чтобы иметь еще одного человека, который бы материально помогал семье	16	7	18	24

Женщины с маленькими детьми практически игнорируют пункт о «материальной помощи» родителям взрослых детей. Подавляющая часть российских семей не может себе позволить матери-

ально поддерживать пожилых родителей. Основаниями являются плохое материальное положение семей с детьми. Среднестатистические зарплаты в России в ежемесячном исчислении в 2007 г. не превышали 370 Евро. К тому же, по данным указанного эмпирического исследования фонда Ф.Эберта, большинство россиянок ощущают себя материально обделенными. Часто семьи с детьми в России затрачивают имеющиеся в их распоряжении материальные ресурсы на цели выживания. Так что российские дети в большей степени психологически соотносятся с «потребителями» в домохозяйстве, а отнюдь не с «производителями» материальных благ. Если оценивать значение российской системы социального обеспечения, которая «в идеале» является современной формой защиты людей в старости, то, к сожалению, ее возможности слишком низки и поэтому она не может выступать фактором для снижения числа детей в семьях, как это, например, происходит в развитых странах. В противоположность этому взрослые братья и сестры часто перекадывают друг на друга ответственность о попечении над пожилыми родственниками. На мой взгляд, эта сложная перспектива (ухода за пожилыми) нивелируется в России посредством низкой продолжительности жизни населения, поэтому большинство не думает о том, как они будут жить после завершения трудовой деятельности. Косвенно это предположение подтверждается высоким согласием бабушек (24%), которые в конечной фазе жизни не прочь иметь близкого человека, который смог бы оказывать материальную помощь.

Желание иметь детей, благодаря чему родители могут обрести новых друзей, не нашло особой поддержки у респонденток, хотя родители имеют хороший шанс с помощью своих детей, их общения со сверстниками, посещения детских учреждений расширить социаль-

ную среду. Родители могли бы образовать новые социальные взаимосвязи, среди которых особенно важными является взаимодействие с другими родителями, педагогами, воспитателями в детских садах, тренерами. Но большинство родителей воспринимает эти обязанности негативно, поскольку такая совместная деятельность часто оборачивается давлением, принуждением и осуждением родителей или их детей. Хотя родители, заботящиеся о своих детях, обязаны выполнять рекомендации специалистов, никто при этом не задумывается о том, что общественная система попечения над детьми также может устаревать.

Таблица 3

**Суждения подростков и матерей о причинах нежелания иметь детей
(доля важных причин Вашего нежелания иметь детей, %)**

Возможные причины нежелания иметь детей	Под- ростки	Мать с ма- леньким ребенком	Мать под- ростка
...нет соответствующих жилищных условий	–	64	49
...уже есть столько детей, сколько хотелось	–	50	64
...большое беспокойство за будущее детей	43	48	53
...иметь больше детей не позволяет здоровье	–	43	61
...дети являются финансовой нагрузкой для всей семьи	20	41	36
...Вы не сможете достаточно заботиться и уделять внимание своим детям	–	35	41
...с детьми Вы не настолько свободны, чтобы делать, что хочешь	44	32	27
...с ребенком много хлопот	20	31	33
...потому что труднее сохранить работу	24	31	29
...Вы/Ваш муж уже пожилые	–	31	42
...детей трудно приучать к дисциплине и контролировать	21	24	28
...дети доставляют беспокойство, когда они больны	29	20	27
...по причине страха беременности и родов	26	16	21

2. Причины, по которым молодые семьи отказываются иметь детей

В любом случае, большинство россиянок не могут себе представить жизнь без детей. В исследовании фонда Ф.Эберта указывается

ся, что три четверти российских женщин ориентированы на такую «идеальную модель» семьи, в которой воспитывается не менее двух детей. Большинство из них (54,7%) хотят иметь только двоих детей, каждая пятая россиянка (21%) готова стать матерью трех и более детей, правда, с оговоркой – «если позволят жизненные обстоятельства». Семья с одним ребенком удовлетворяет представлениям 13,5% женщин. Наше исследование с этими выводами в целом согласуется. Однако результаты его указывают на то, что многие матери все-таки воспитывают только одного ребенка: 36% матерей с детьми-подростками имеют только одного ребенка и 85% матерей с маленькими детьми также имеют в своих семьях только одного ребенка. В итоге две трети опрошенных семей проживают в семьях, соотносимых с моделью семьи «с одним ребенком». Большинство из них планируют завести в будущем только еще одного. По данным зарубежных исследователей, репродуктивные установки российских семей отвечают представлениям о модели, при которой ожидания превышают реальное число детей в семьях. Такая модель характерна, например, для стран Западной Европы, тогда как в Турции и в ряде других восточноазиатских стран ситуация противоположная: там ожидания числа детей в семьях ниже, чем их реальное число.

Среди причин отказа от детей выделяются всеобщие основания, к которым причисляются, прежде всего, материальные трудности, проблемы с жильем, здоровье, страх потери работы или квалификации, а также озабоченность будущим детей. Исключением из этого привычного перечня причин является удивительное признание матерей в том, что они уже имеют достаточное количество детей (половина матерей с маленькими детьми и более 60% матерей с детьми-подростками). В нашей выборке это означает, что каждая вторая

мать довольна уже имеющимся числом детей. В 66 случаях из 100 речь идет об одном ребенке.

Таблица 4.

Внутренние и внешние причины отказа от детей в России (в частях)

Внешние причины	Внутренние причины
Проблемы с жильем – каждая вторая семья	Удовлетворение числом детей – каждая вторая семья
Небезопасность – каждая вторая семья	Отсутствие времени – каждая третья семья
Здоровье – каждая вторая семья	Отсутствие свободы – каждая третья семья
Материальные трудности – каждая вторая семья	Усталость – каждая третья семья
Страх потери работы – каждая третья семья	Возраст – каждая третья семья
	Трудности с воспитанием – каждая третья семья
	Страх детских заболеваний – каждая четвертая семья
	Страх родов – каждая пятая семья
Итого: каждая вторая семья	Итого: каждая третья семья

Среди матерей с маленькими детьми главными причинами отказа от воспитания последующих детей являются материальные трудности. Здесь играет роль фактор «молодой семьи», в которой, может быть, еще не устоялась профессиональная жизнь зарабатывающих членов, а также фактор негативного опыта высоких расходов, который связан с появлением ребенка в семье. В действительности за высокие материальные расходы ответственны следующие факторы:

1. Обеспечение детскими товарами, особенно одеждой, предметами личной гигиены для младенцев, продуктами питания.
2. Дорогостоящая инфраструктура, осуществляющая попечение над детьми и развитие детей: услуги няни, места в детских садах, школьные взносы, центры досуга, отдыха, спорта, культуры и пр.

Тем самым складываются внутренние и внешние основания для отказа от детей в России (табл. 4)

3. Как повысить репродуктивные установки российских семей?

Наше правительство реализует пять социальных проектов, и только два из них направлены на преодоление внешних причин нежелания иметь детей: на решение проблем с жильем и здоровьем. Еще современная политика доходов и трансфертные услуги малоимущим, возможно, помогут преодолеть материальные трудности. Однако важнейшая часть жизни остается до сих пор без должного внимания – занятость и рынок труда.

По моему мнению, российская демографическая политика и семейная политика развиваются по ошибочному пути. С одной стороны, государство расходует много средств на повышение рождаемости в стране, но при этом совсем не учитывается принцип «справедливости услуг». Это означает, что материальную поддержку по закону «О семейном (материнском) капитале» получают только семьи, в которых появились второй и последующие дети после установленного времени. Интересно, что при этом не выплачиваются наличные деньги, а выдаются сертификаты, которые можно расходовать только на определенные тем же государством цели: улучшение жилищных условий, образование детей или дополнительные пенсионные выплаты матери. В целом, это означает, что государство не доверяет своим гражданам, а граждане не получают достаточной свободы в планировании семейного бюджета. Все другие семейные и детские пособия в России предназначены малоимущим семьям и/или семьям с усыновленными детьми. Постепенно повышение низких размеров этих пособий в современной ситуации является бессмысленной и беспомощной мерой, поскольку эти надбавки «съедаются»

инфляцией. Тем самым совокупные трансферты не приносят облегчения в положении этих семей. Можно выделить две ведущие тенденции в социальной защите семей: во-первых, продолжает существовать еще в советские времена утвердившаяся политика уравнивания, содержанием которой являются выплаты низких и равных вспомоществований по принципу «капающей лейки»; а, во-вторых, сложилась селективная политика стимулирования, которая обозначается как «выигрыш в лото». При этом государство почти не производит структурных изменений, и тем самым можно спрогнозировать последующий спад рождаемости, который последует после короткого периода роста.

В России в 2002 году существовало следующее число детей в различных слоях населения по их доходам (табл.5)¹.

Таблица 5.

Число детей у женщин с различным уровнем доходов (в %)

Число детей	Бедные	С низкими доходами	Со среднестатистическими доходами	С высокими доходами
Нет детей	17,3	31,0	38,6	38,8
Имели малолетних детей:				
- одного	39,7	33,5	34,3	34,5
- двоих или больше	26,9	23,3	10,5	10,1

Если сравнивать данные таблицы с результатами нашего исследования, то на распространение «модели семьи с одним ребенком» не влияют ни одна из названных нами причин, приводящих к нежеланию иметь детей. «Модель семьи с двумя детьми» и многодетные семьи особенно не характерна для групп женщин со среднестатистическими и высокими доходами. В сравнении с бедными и мало зарабатывающими семьями эти группы нуждаются, прежде всего, в под-

¹ Frauen in Russland: Lebensziele, Familie, Politik / Friedrich-Ebert-Stiftung, Internationale Politik-Analyse // <http://library.fes.de/fulltext/id/01625toc.htm>

держивающих мероприятиях и политике стимулирования рождаемости. Отсутствие времени, усталость, несвобода, возраст, трудности с воспитанием, а также «страх потери работы» являются областями, которые недооценены в российской семейной политике. Тем самым, речь идет не только о материальной помощи, сколько о т.н. «политике, благоприятствующей семье». Что это означает?

Под современной семейной политикой в развитых странах понимают политику создания условий для последовательного и продолжительного развития семьи. В некоторых европейских государствах рассчитывают, что посредством нацеленных семейно-политических мероприятий можно еще возместить снижающиеся проценты рождаемости и ее стабилизировать. Например, к ведущим целям французской семейной политики относится «свобода выбора» семей, а также «справедливость услуг». «Свобода выбора» подразумевает широкое предложение различных направлений попечения над детьми. В стране поддерживается сплошная сеть бесплатных детских садов и школ продленного пребывания, а также реализуются различные социально-трудовые и семейно-политические мероприятия, включая отпуск по уходу за детьми, отпуск по рождению ребенка и отпуск на время адаптации ребенка, взятого в семью (еще и с четко определенным временем для отцов семейств), возмещение расходов, связанных с переездом семьи, бонусы на ремонт жилищ, включение времени воспитания детей в пенсионный стаж. «Справедливость услуг» во Франции предполагает, что семьи с детьми поддерживаются при помощи многообразного перечня мероприятий, как, например, детские пособия, снижение налогов, семейные дотации, вспомоществования при рождении ребенка, на школьников, пособие на воспитание детей одиноким родителем. В таблице приводится срав-

нение западных стран по некоторым программам замещения доходов от занятости родителям в случае появления детей (табл. 6, 7)¹:

Таблица 6.

Регулирование отпусков по уходу за детьми в сравнении

Страна	Родительский отпуск (в неделях)	Освобождение от работы при болезни детей (в днях в течение года)
Финляндия	17,5 недель отпуска по рождению ребенка для матери + 26 недель родительского отпуска (замещается 43%-82% дохода) + 112 недель (предоставляется как неоплачиваемый отпуск)	4 дня (оплачиваемый отпуск)
Франция	36 недель (238,74 Евро - 477,32 Евро, начиная со второго ребенка)	120 дней (238,74 Евро - 477,32 Евро)
Швеция	52 недель (80 % дохода) + 26 недель (неоплачиваемый отпуск)	60 дней (80 % дохода)
Германия	14 недель как защита матерей + 156 недель родительского отпуска (307 - 460 Евро, зависит от доходов)	10 дней (70 % дохода)

Россия нуждается в разработке нового подхода к попечению и воспитанию детей. Эта система должна создавать новые возможности матерям и предоставлять широкие жизненные шансы семьям в их развитии. Необходимо подумать о том, в каком размере и каким способом должны поддерживаться семьи при выполнении ими задач по воспитанию детей. Примером могут служить скандинавские страны и Франция, в которых создан дружественный по отношению к семье общественный климат.

Кроме того, семейная политика должна ориентироваться на индивидуальные потребности семей. Как показывает наше исследование, матери с маленькими детьми в большей степени нуждаются в материальных услугах, в предложении мероприятий по поддержке на рынке труда, в улучшении жилищных условий, в получении образо-

¹ Источник: http://www.europa.eu.int/comm/employment_social/missoc/index_en.html

вания и квалификации, а также в помощи по уходу за детьми. Матери с детьми-подростками хотели бы получать медицинскую помощь, консультации по воспитанию детей, они нуждаются в широкой инфраструктуре по развитию детей, их отдыху и досугу.

Таблица 7.

Детские пособия в сравнении

Страна	Пособия на детей	Дотации на детей
Финляндия	1-й ребенок: 90 Евро 2-й ребенок: 110 Евро 3-й ребенок: 131 Евро 4-й ребенок: 152 Евро 5-й ребенок +: 172 Евро	Дотации при одиноком воспитании детей: 34 Евро
Франция	а) Пособие на детей: 1-й ребенок: нет 2-й ребенок: 105 Евро 3-й ребенок: 240 Евро 4-й ребенок: 375 Евро	Дотации по возрастным группам: 11-15 лет: 30 Евро 16-20 лет: 53 Евро б) Дотации семье, начиная с третьего ребенка: 137 Евро (зависит от доходов)
Швеция	1-й ребенок: 99 Евро 2-й ребенок: 99 Евро 3-й ребенок: 126 Евро 4-й ребенок: 179 Евро 5-й ребенок +: 198 Евро	
Германия	1-й ребенок: 138 Евро 2-й ребенок: 138 Евро 3-й ребенок: 153 Евро 4-й ребенок: 179 Евро	

На мой взгляд, «политика, благоприятствующая семье» состоит из четырех важнейших частей. Во-первых, системы материальной поддержки семей и детей, поскольку появление ребенка связано с резким удорожанием жизни семьи. С другой стороны, общество должно ориентироваться на принцип «справедливости услуг», который гласит, что семьи с детьми имеют полное право на получение большей части общественных благ. Во-вторых, существует семейное право и права ребенка, которые должны распространяться и гарантироваться во всех сферах жизни для того, чтобы преодолеть дискриминацию в отношении семьи и детей. Например, это могло бы улуч-

шить положение женщин на рынке труда. В-третьих, должны развиваться системы попечительства над детьми и помощи семье, услуги которых могли бы предоставляться государственными и частными oferентами. В-четвертых, государственные и общественные институты и структуры должны создавать благоприятные условия для нормального функционирования семьи. На рынке труда, в системе занятости, в образовании, в здравоохранении, спорте, во всех социальных институтах приоритетом должны стать, прежде всего, семейные интересы. Особенное место должно отводиться созданию инфраструктуры, «благоприятствующей семье», например, игровых площадок, семейных зон отдыха и досуга, общественного транспорта.

БАБУШКА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ ПОРТРЕТ

С.А. Судьин

Народная мудрость гласит: первый ребенок – это последняя игрушка, первый внук – это первый ребенок. В самом деле, именно общение с внуками дает женщине уникальный шанс еще раз актуализировать свой житейский и воспитательный опыт, ощутить себя по-настоящему нужной своим повзрослевшим детям, реализовать нерастроченный потенциал любви и нежности. Воспитание внуков зачастую более ответственно, поскольку прежний опыт материнства чаще всего подвергается критическому переосмыслению, учитываются прежние ошибки, прогнозируются и предупреждаются возможные проблемы. Межпоколенное общение – блестящий пример диалектической взаимосвязи, в которую включены представители разных возрастных групп с собственными установками и жизненным опытом. Неизбежно возникающий конфликт в конечном итоге обеспечивает социализацию и преемственность поколений.

Третий возраст – время потерь. Уходят из жизни мужа, друзья, взрослеют дети. В этой ситуации значимость общения с внуками невозможно переоценить. Чаще всего бабушки готовы платить за это немалую цену: отходят на второй план собственные интересы и потребности, под внуков выстраивается распорядок всей жизни, участие в их воспитании зачастую превосходит родительское. Чем же платят им внуки за такую поддержку и внимание? Обыденное сознание при слове «бабушка» рисует нам образ немолодой заботливой женщины, полностью посвящающей себя детям и внукам. Реклама, кино, средства массовой коммуникации активно культивируют этот

образ и еще больше укореняют его в сознании. С другой стороны, после открытия «железного занавеса», когда в страну начали приезжать иностранные туристы, мы увидели, что огромную долю среди них составляют люди пенсионного возраста, которые не видят ничего плохого в том, чтобы тратить деньги на себя, проживать свою собственную жизнь, а не растрачивать всех себя на внуков.

В данной статье мы не сможем привести сравнительного анализа социально-психологического и социально-ролевого портретов бабушек в разных странах, поскольку мы не располагаем соответствующими данными. Мы ограничимся тем, что приведем основные данные, показывающие отношение бабушек к проблеме ценности детей и планирования семьи, ценностных ориентаций и собственного «Я». Эмпирическую основу работы составили данные международного исследовательского проекта «Ценность детей и межпоколенные отношения», в рамках которого в Нижнем Новгороде и области был проведен опрос бабушек респондентов по материнской линии, проживающих под одной крышей со своими дочерьми и внуками и составляющих с ними единое домохозяйство.

Общая характеристика выборки. Было опрошено 100 бабушек, средний возраст которых составил 68 лет. Поскольку бабушка могла иметь не одного внука и их разница в возрасте может быть значительной, разброс по данной переменной был достаточно большой: старейшая бабушка родилась в 1915 году, самая молодая – в 1956.

71% опрошенных указали на высокую значимость религии в их жизни и лишь 3% отнесли себя к атеисткам. Интересен тот факт, что показатели религиозности в целом заметно ниже, чем у представительниц последующего поколения, что говорит о влиянии атеистических установок советского периода. Следовательно, влияние религии

на репродуктивные установки и поведение не являлась определяющей и сколько-то значимой.

34% респонденток имеют начальное образование, в которое мы включаем все случаи отсутствия диплома о полном среднем образовании. 46% имеют средний уровень образования, включая среднее специальное. Высшее образование, в том числе, незаконченное, стало реальностью для 16% опрошенных бабушек.

Поскольку бабушки интересовали нас именно в этой социальной роли, важен был вопрос о количестве внуков. Лишь 20% респонденток имели одного внука, двоих – 31%. 16% опрошенных имеют троих внуков, 11% – четверых. Пять, семь и восемь внуков имеют по 6% бабушек. Несмотря на то, что основная масса опрошенных имеют по двое внуков, из-за высоких крайних значений среднее количество внуков составило 3, 33. Как и можно было бы предположить, большее в среднем количество внуков имеют бабушки старших возрастных групп.

Тезис о третьем возрасте как времени потерь подтверждается тем, что 65% бабушек уже овдовели, 5% – развелись. При этом почти четверть опрошенных (23%) живут в первом браке, а 4% смогли создать семью заново во втором и последующих браках. Напомним, что одиночество для нашей выборки было все же относительным, поскольку бабушки живут под одной крышей с детьми и внуками.

Концепция «ценности детей» как теоретическая основа интерпретации данных. Вопрос о количестве детей как индикаторе их ценности особенно интересен в контексте его динамики и сравнения с репродуктивным поведением последующих поколений. Подход с позиций ценности детей предполагает, что дети являются не только источниками утилитарно-экономических, эмоциональных и социально-

нормативных ценностей, но и представляют собой объект для крупных финансовых и нефинансовых затрат. Если во взаимозависимых семейных системах, характерных для простых аграрных обществ, вектор помощи был направлен от детей к родителям, то в современных индустриальных обществах господствует независимая семейная модель, где дети являются объектом долгосрочных инвестиций. В этом случае дети в большей степени рассматриваются как источники положительных эмоций, нежели как помощники по хозяйству, что типично для аграрных обществ. Поэтому, по мере модернизации российского общества количество детей в семьях должно уменьшаться в силу падения значимости утилитарно-экономического измерения их ценности.

Данные и измерения. Анализ ценности детей для различных поколений можно провести, сравнивая представления бабушек и их дочерей о количестве детей в различных типах семей. Известно, что трактовка понятий «большая семья», «маленькая семья», «идеальная семья» сильно зависит от социокультурного контекста, который, в свою очередь, является отражением более глобальных исторических, политических и экономических условий. В табл. 1 приведен сравнительный анализ представлений бабушек и их дочерей о количестве детей в маленьких, больших и идеальных, с точки зрения количества детей, семьях.

Как видно из представленной таблицы, бабушки в целом в большей степени ориентированы на укрупнение семьи. 6% бабушек считают маленькими даже те семьи, в которых воспитывается три ребенка, в то время как поколение их дочерей считает эти семьи уже большими. Двоих детей как признак идеальной семьи указали чуть больше половины бабушек (51%), а среди представительниц последующего поколения таковых оказалось 74%. Почти для трети респонденток старшего возраста (31%) идеальной является семья с тремя детьми. Аналогич-

ный показатель среди их дочерей составил 20%. Интересными кажутся данные относительно характеристик маленькой семьи, где наблюдается обратная пропорция. 80% представительниц младшего поколения считают маленькой семью с одним ребенком, в то время как среди бабушек таковых насчитывается 64%.

Таблица 1

Представление о количестве детей в различных семьях

Тип семьи	Количество детей в семье					
	Ни одного	Один	Два	Три	Четыре	Пять и более
Бабушки (их дочери – матери детей-подростков)						
«Маленькая» семья	4 (7)	64 (80)	25 (13)	6 (–)		
«Большая» семья	–	(1)	(3)	23 (44)	24 (19)	26 (34)
«Идеальная» семья	–	(2)	51 (74)	31 (20)	9 (4)	8 (–)

Еще одним важным фактором, оказывающим влияние на ценность детей, является степень приверженности семейным ценностям, которая была измерена при помощи пятибалльной шкалы, включающей в себя следующие утверждения: (1) следует поддерживать хорошие отношения с родственниками, (2) родители не должны вмешиваться в личную жизнь своих женатых детей, (3) дети обязаны заботиться о своих родителях, когда последние будут пожилыми (4) семейные проблемы должны решаться внутри семьи, (5) мы должны чтить и защищать семейную репутацию, (6) родители должны помогать детям материально всякий раз, когда дети нуждаются в ней [даже когда дети взрослые], (7) дети должны слушаться родителей. Как оказалось, бабушки по сравнению с собственными дочерьми имеют менее категоричные установки относительно семейных ценностей. Так, они в меньшей степени готовы предоставить своим детям право распоряжаться собственной жизнью без опоры на старшее поколение с его жизненным опытом. Возможно, это связано со спецификой российской выборки, в которую были включены бабушки, прожива-

ющие под одной крышей со своими детьми и внуками и критически оценивающие образ жизни своих потомков, которые, напротив, высказались за большую автономию замужних и женатых детей от их взрослых родителей. Достаточно интересным кажется разброс по параметру б о родительской помощи взрослым детям. В обоих случаях средняя по ответу составила 3,8, но внутренняя наполненность ответов разная: взрослые дочери оказались более категоричными в ответах на обоих полюсах шкалы.

Очень важным и перспективным с точки зрения последующих сравнений может стать анализ измерения коллективизм – индивидуализм, также оказывающего влияние на представления о ценности детей у российских бабушек и готовность посвятить себя воспитанию и заботе. Выглядит разумной гипотеза о большем уровне коллективизма у российских бабушек, чем у их дочерей, что может быть обусловлено особенностями коллективной идеологии и приоритетностью общественных целей над индивидуальными нуждами в советскую эпоху и относительным раскрепощением молодого поколения в годы перестройки и демократических реформ. Измерение коллективизма и индивидуализма производится при помощи соответствующей пятибалльной шкалы, включающей в себя индикаторы обоих измерений. Даже поверхностный анализ позволяет подтвердить выдвинутую ранее гипотезу. Явно индивидуалистическая ценность – стремление к насыщенной жизни – является важной для 66% бабушек и 90% их дочерей. 88% представительниц младшего поколения стремятся к получению удовольствий и удовлетворению желаний, в то время как среди бабушек важность данной ценности отметили лишь 68% опрошенных. Стремление к разнообразию жизни характерно для 83% матерей и 54% бабушек. Интересным является

то, что на общем достаточно скромном индивидуалистском фоне такая ценность как «независимость» является важной едва ли не для 90% бабушек. Думается, что под данной категорией ими понимается максимально долгое сохранение способности к самообслуживанию и необремению близких дополнительной заботой, желание оставаться нужной.

Следует отметить, что представительницы различных поколений продемонстрировали редкое единодушие в отношении ряда ценностей, касающихся надындивидуальных и общечеловеческих моментов. Так, 98% опрошенных бабушек и их дочерей указали на важность уважения к родителям и старшим, 95% назвали в числе приоритетных ценностей вежливость, столько же – послушание. Данные индикаторы коллективизма являются не просто признаками национального менталитета, а скорее проявлением общечеловеческих ценностей, над которыми не властен ни политический, ни экономический контекст.

И все же, коллективистские проявления российских бабушек очевидны. Это проявляется не только в меньших значениях индивидуалистических проявлений (творчество, риск), но и в большей значимости коллективистских. Например, для 100% бабушек абсолютную важность имеет такая ценность, как национальная безопасность и защита страны от врагов: военное и послевоенное время оставило слишком яркий след в памяти не одного поколения, а для значительной части респонденток, чей средний возраст, напомним, составляет 68 лет, и вовсе не было историей. Аналогичный показатель для поколения дочерей составил 92%. Данная разница является символической, но убедительно иллюстрирует выдвинутую гипотезу.

Если говорить об аспектах ценности детей (утилитарно-экономическом, эмоционально и социально-нормативном), то представление российских бабушек о детях находится, все-таки, в эмоциональной плоскости. Почти сто процентов опрошенных бабушек среди причин иметь детей отметили индикаторы эмоциональной составляющей как приоритетные: «доставляет удовольствие смотреть, как ребенок растет» (91%), «благодаря детям продолжается жизнь» (91%), «по причине особой любви, которая развивается между родителями» (90%). Между тем стоит отметить и выраженную утилитарно-экономическую составляющую, которая выражается в значимых показателях, например, такой причины, как «дети будут помогать вам в старости» (79%). Отмеченное немецкими коллегами заметное отставание в развитии отечественной социальной сферы и фактическое отсутствие институциональных форм призрания в старости делает родственную поддержку едва ли не единственной альтернативой в случае неспособности обслуживать себя, а преклонный возраст респонденток делает этот вопрос чрезвычайно актуальным.

Причины нежелания иметь детей лежат преимущественно в области объективных факторов. 71% опрошенных в качестве возможных причин нежелания иметь детей называют физическую невозможность деторождения, возраст и общее состояние здоровья. 62% бабушек сказали, что уже имеют столько детей, сколько хотят. Для 55% опрошенных актуальным является отсутствие достаточных жилищных условий. 45% бабушек обеспокоены будущим детей.

Основными характеристиками, которые бабушки ожидают от своих внуков-подростков, являются следующие. Все бабушки надеются, что их внуки будут хорошими людьми – об этом говорят 100% опрошенных. Как в случае с любыми другими абстрактными ценностями, содержание категории «хороший человек» не совсем понятно и зависит от индивидуальных интерпретаций, но, судя по всему, от-

ражает полный набор социально одобряемых качеств. 94% респонденток хотят, чтобы их внуки хорошо учились в школе, 93% бабушек ждут уважительного отношения к родителям и самим себе, видимо, начинает сказываться недостаток внимания уже не только со стороны собственных детей, но и внуков-подростков, переключившихся на общение с внешним окружением. Популярности, публичности и известности хотят для своих внуков лишь 35% бабушек. Надо сказать, что эти данные практически не отличаются от тех, что были получены от матерей детей-подростков.

Отношения между бабушками и внуками можно охарактеризовать как отдаленно-приятельские: в них не прослеживается особой близости, при этом воспринимаются они как сами собой разумеющиеся. Лишь 33% бабушек часто делятся с внуками своими мыслями, при этом только 19% респонденток могут похвастаться бесконфликтными отношениями со своими потомками. 35% бабушек доверяют свои секреты внукам, 67% респонденток считают, что их дела находят одобрение и поддержку у внуков. Однако до конца доверительными эти отношения назвать нельзя: лишь 26% бабушек разговаривают с внуками на темы, о которых нежелательно было бы распространяться в других аудиториях. Но всё же 56% опрошенных чувствуют, что внуки и внучки гордятся ими, лишь 8% бабушек не чувствуют к себе подобного отношения.

Тем не менее, российские бабушки готовы идти на немалые жертвы. 46% бабушек готовы терпеть финансовые сложности, чтобы помочь своим внукам. Столько же – трудности в контактах с социальным окружением. 41% бабушек готовы смириться с недостатком времени для выполнения других обязанностей. 37% опрошенных согласны жить в условиях эмоционального стресса, а 34% – отказаться от намеченных планов. Много это или мало? Конечно же, стопроцентного (в прямом и переносном смысле) самопожертвования мы

здесь не наблюдаем, но что мы получим в результате сравнения? Данные исследования на выборке представительниц более молодого поколения показывают значительно большую готовность терпеть вышеперечисленные трудности для того, чтобы помочь своим родителям. Похожие данные матери подростков показали и в отношении собственных детей. Однако следует заметить, что наибольшие показатели материнской готовности помочь родителям и детям находились в «умеренной» области, т.е., особого рвения они не демонстрировали, в то время как данные по бабушкам характеризуются очень высокой степенью готовности помочь и перенесению сопутствующих трудностей.

Мотивация на подобную помощь носит у бабушек комплексный характер и сочетает в себе как просоциальные, так и нормативные элементы. Так, 87% бабушек в качестве мотива помощи назвали то, что участие в судьбе внуков пойдет тем на пользу. 84% респонденток надеются, что их помощь будет подспорьем в приращении благосостояния внуков и столько же ожидают от них благодарности. Нормативная мотивация выражается в том, что 77% бабушек считают помощь внукам своей обязанностью, а 74% – ожидают с их стороны каких-либо ответных действий. Для 60% респонденток помощь внукам является средством поддержания хороших отношений с ними, 54% чувствовали бы себя виноватыми, если бы не оказывали подобной поддержки. Наконец, в 36% случаев бабушки опасаются непонимания со стороны окружающих, если не будут помогать своим внукам. Однако просоциальная мотивация на помощь внукам выражена в целом сильнее. Например, в 72% случаев помощь оказывается в ответ на подаренную внуками любовь и в стольких же помощь бабушек является превентивной мерой, предупреждающей сложные жизненные ситуации.

В заключении количественного анализа нам хотелось бы остановиться на данных, иллюстрирующих установки бабушек относительно самих себя, т.е., в конечном итоге, того, что лежит в основе их поведения. Даже поверхностный взгляд на распределение значений по отдельным параметрам заставляет вспомнить упомянутый выше образ бабушки в массовом сознании с ее отрешенностью от собственных проблем и направленностью вовне. Важность уважения семейных решений бабушки отметили в 96% случаев, а свое личное счастье видят в благополучии семьи 95%. Для 93% опрошенных миссией внутри семьи проживания является поддержание гармонии в ней, почти столько же – 92% – готовы забыть о собственных интересах, если это пойдет на пользу семье. 69% бабушек заявили, что для них очень важно как можно дольше сохранить силы, чтобы быть способными к самообслуживанию. С этими цифрами корреспондирует тот факт, что самой важной ценностью для 51% опрошенных является собственное здоровье. Это обусловлено и возрастом, когда проблемы подобного плана становятся приоритетными для большинства, и необходимостью оставаться в силе, поскольку рассчитывать в случае болезни может быть и не на кого. Лишь 19% опрошенных высоко оценили значимость собственной идентичности и независимости от семьи и только 16% наслаждаются своей уникальностью и непохожестью на других членов семьи.

Ждут ли бабушки благодарности за свой альтруизм и самоотречение или это является чисто внутренним порывом, неподкрепленным расчетом на ответные действия? Отношения бабушек со своими домочадцами можно охарактеризовать как реципрочно-альтруистические: 80% опрошенных уверены, что близкие будут доступны в тот момент, когда это будет необходимо, лишь 8% бабушек сетуют на то, что люди никогда не бывают рядом, когда в них нуждаются. 32% респонденток боятся, что близкие люди могут покинуть их, только 10% чувствуют се-

бя комфортно, находясь в зависимости от других. 18% бабушек, напротив, испытывают чувство комфорта, когда от них зависят близкие.

Почти 90% отвечают взаимностью при попытках сблизиться с ними, завязать дружеские контакты, лишь 20% чувствуют себя дискомфортно, находясь в близких отношениях с другими людьми. Потери в социальном и семейном окружении, характерные для третьего возраста, заставляют выше ценить оставшиеся связи и контакты и по-другому смотреть на новые. Только 12% респондентов опасаются изменения отношения к себе со стороны старых друзей, и только 8% нервничают при попытках сблизиться с ними.

В заключение можно подвести некоторые итоги. Совершенно очевидно, что российские бабушки, насколько позволяет судить данная выборка, действительно недостаточно эгоистичны, чтобы видеть смысл собственной жизни в поддержании только себя и потреблении помощи со стороны ближайшего окружения. Напротив, для большинства опрошенных характерны жертвенные установки, которые, правда, не лишены надежд на какие-либо ответные действия. Об этом свидетельствует достаточно четко выраженная значимость утилитарно-экономического аспекта ценности детей, например, как помощников в старости. С этим связаны также представления о необходимости большего количества детей в семье, нежели у поколения их дочерей.

Многие данные свидетельствуют о потребности бабушек во внимании со стороны близких, недостаток которого ощущается ими достаточно остро, несмотря на то, что живут они под одной крышей с ними. Это обуславливает то обстоятельство, что основная миссия бабушек в семье направлена на поддержание внутрисемейной гармонии и, подчас в ущерб собственным интересам, сохранение целостности семейной ячейки общества.

АВТОРСКАЯ СПРАВКА

Балабанов Сергей Семенович – заведующий Нижегородским отделом Института социологии РАН, кандидат философских наук, доцент.

Блонин Владимир Александрович – декан факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент.

Егорова Надежда Юрьевна – доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат социологических наук.

Иудин Александр Анатольевич – заведующий кафедрой прикладной социологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор.

Suckov Jana – доктор социологии, научный сотрудник отдела исследований семьи и поколений Института социальных исследований (Ифратест) г. Мюнхена.

Klaus Daniela – доктор социологии, научный сотрудник кафедры общей социологии Института социологии Технического Университета г. Хемница.

Klug Tatjana – выпускница Университета г. Констанца.

Курамшев Александр Васильевич – ассистент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Mayer Boris – аспирант кафедры психологии Университета г. Констанца.

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор.

Сизова Ирина Леонидовна – доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат социологических наук.

Соловьева Светлана Вадимовна – заведующая межкафедральной учебно-исследовательской лабораторией при кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат социологических наук.

Tormmsdorff Gisela – доктор психологии, профессор, заведующая кафедрой психологии Университета г. Констанца.

Ценность детей и межпоколенные отношения

Сборник научных статей

Составитель и научный редактор:
Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

Компьютерная верстка
Ислентьева Вера Николаевна

Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл.печ.л. 10,4. Уч.-изд. л. 12,8.
Заказ № 653. Тираж 500

Издательство НИСОЦ
603600, Н.Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

Типография Нижегородского госуниверситета.
Лиц. ПД № 18-0099 от 04.05.2001.
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37